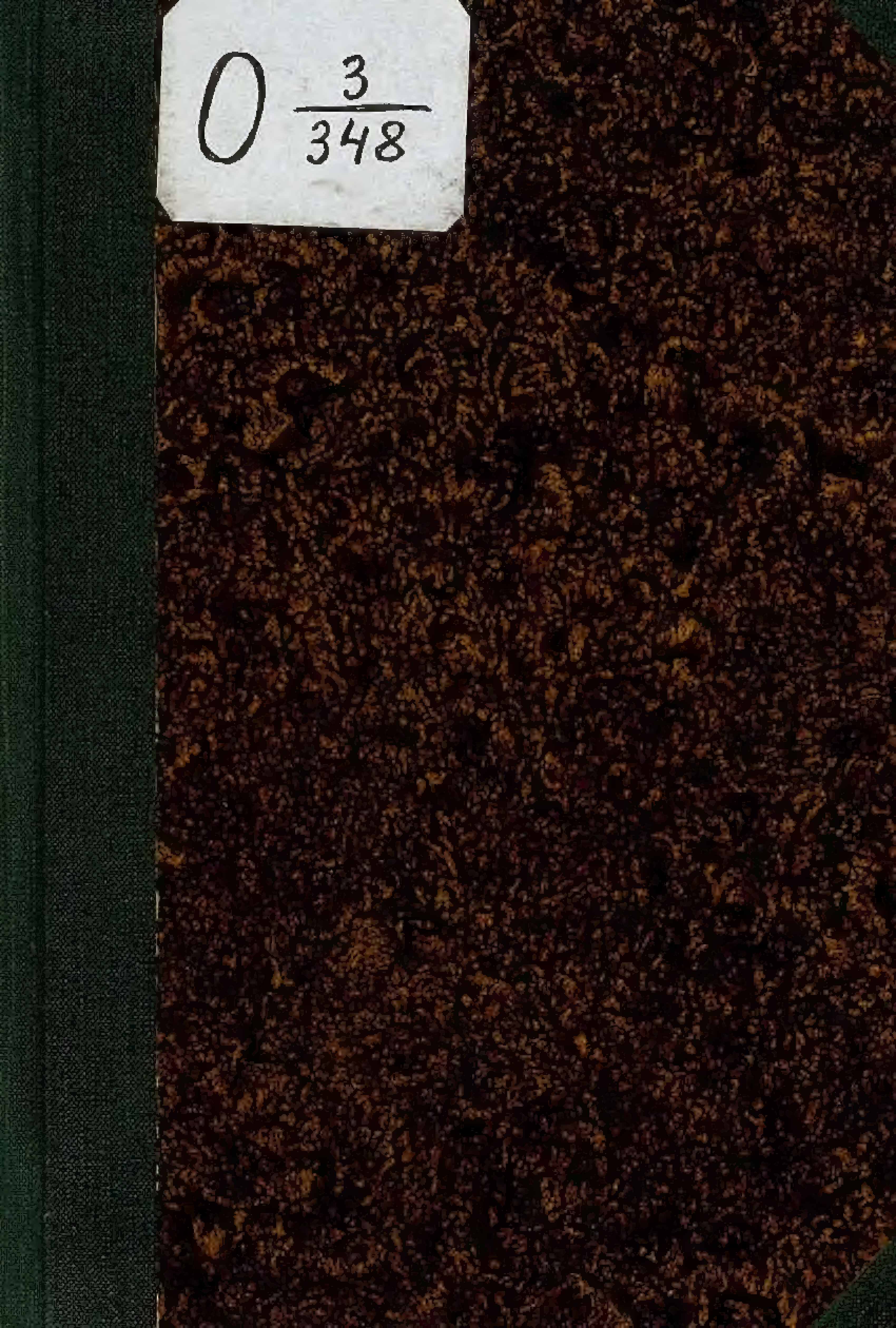

О 3/348

Глубокоуважаемому Василию Осиповичу Ключевскому от автора

С. М. Середонинъ.

ГРАФЪ
М. М. Сперанскій.

Очеркъ государственной дѣятельности.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяч., 39.
1909.

(Извлечено изъ Русск. Біограф. Слов., изд. Императорскаго Русск. Историч. Общества.

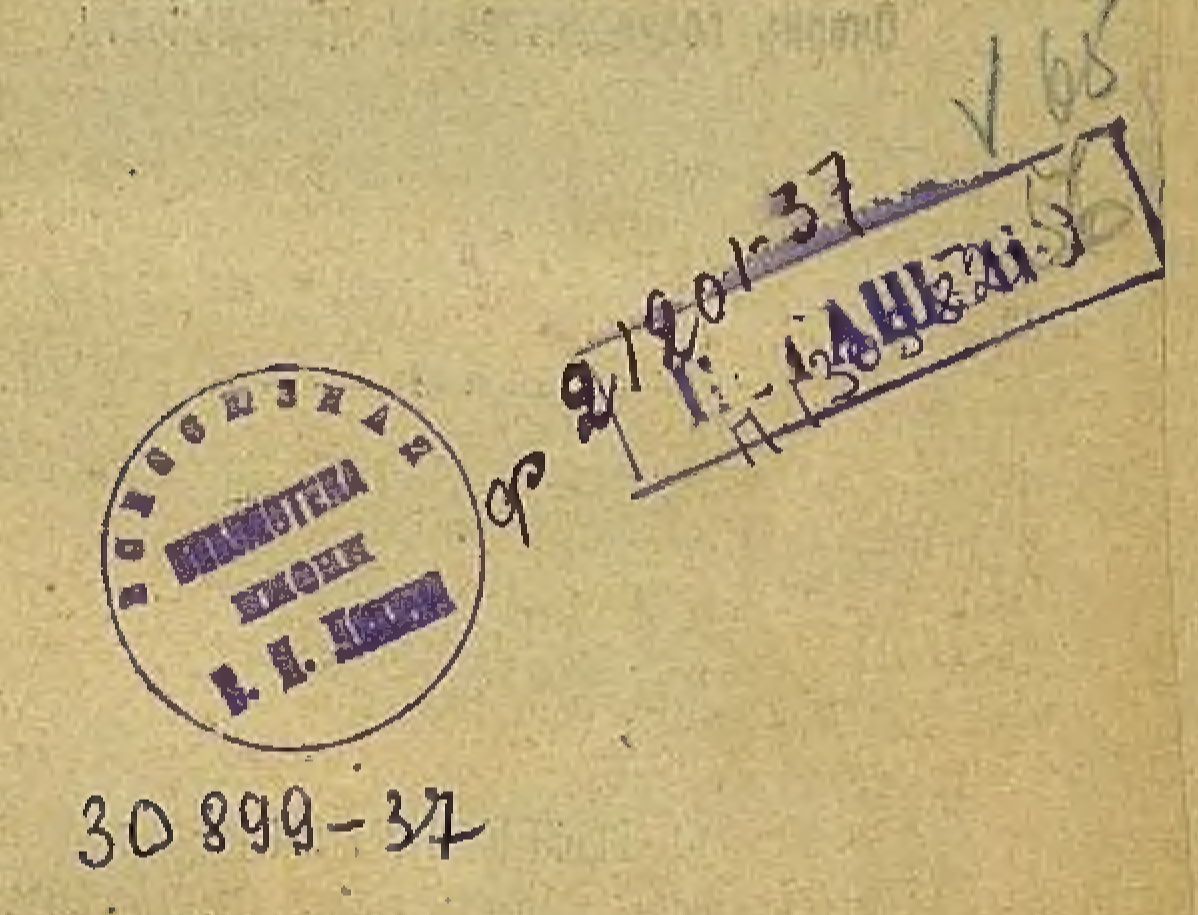
С. М. Середонинъ.

Графъ М. М. Сперанскій.

Очеркъ государственной дѣятельности.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяч., 39.
1909.

(Извлечено изъ Русск. Біограф. Слов., изд. Императорскаго Русск. Историч. Общества).

Сперанскій, *графъ Михаилъ Михайловичъ*, государственный дѣятель временъ Александра I и Николая I (1772—1839 г.).

I.

Сперанскій родился 1 января 1772 г. въ селѣ Черкутинѣ, владимірскаго уѣзда, гдѣ отецъ его, Михаилъ Васильевичъ, былъ священникомъ. Семи лѣтъ отданъ былъ отцомъ во владимірскую духовную семинарію; по окончаніи семинарскаго курса, какъ одинъ изъ лучшихъ студентовъ, переведенъ былъ студентомъ въ главную александро-невскую семинарію, которую также прекрасно окончилъ (1791 г.) и былъ оставленъ при ней преподавателемъ математики, физики, краснорѣчія; затѣмъ преподавалъ философію и сдѣланъ былъ префектомъ семинаріи. Благодаря связямъ, которыя давно уже образовались между Черкутинымъ и извѣстнымъ протоіереемъ Самборскимъ, въ свою очередь близкимъ къ кн. Куракину, Сперанскій принятъ былъ на службу къ кн. А. Б. Куракину, опредѣлившему его вскорѣ (1797 г.) въ канцелярію генералъ-прокурора. Несмотря на частыя смѣны генералъ-прокуроровъ при

Павлѣ (Куракинъ, Лопухинъ, Беклешовъ, Обольяниновъ), Сперанскій продолжалъ возвышаться и тогда уже сталъ извѣстенъ лично и государю и цесаревичу Александру Павловичу. Вступленіе на престолъ Александра I сразу измѣнило положеніе Сперанскаго; Д. П. Трощинскій, пользовавшійся тогда большимъ довѣріемъ государя, взялъ къ себѣ въ помощь Сперанскаго, который былъ назначенъ статсъ-секретаремъ (19 марта 1801 года); скоро Сперанскій занялъ мѣсто въ канцеляріи новаго непремѣннаго совѣта. Тогда же Сперанскій сталъ проникаться конституціонной идеей; государь хотѣлъ въ день своего коронованія обнародовать всемилостивѣйшую свою грамоту русскому народу, которая должна была стать magna charta Россіи; сохранился текстъ этой грамоты съ незначительными стилистическими поправками Сперанскаго. Къ этому же времени относится сближеніе Сперанскаго съ молодыми друзьями Александра — Кочубеемъ, Строгановымъ, Новосильцевымъ и Чарторыйскимъ; можно считать доказаннымъ, что Сперанскій не только былъ освѣдомленъ о намѣреніяхъ неофиціальнаго комитета, но и принималъ косвенное участіе въ работахъ, составляя записки и проекты для молодыхъ друзей Александра (Корфъ и вел. кн. Николай Михаиловичъ), слѣдовательно, и Сперанскаго можно считать однимъ изъ авторовъ неудачной реформы 1802 года. Сперанскій пользовался въ чиновномъ мірѣ

такой репутаціей, что изъ-за него произошелъ споръ между Трощинскимъ, желавшимъ сохранить Сперанскаго при совѣтѣ, и Кочубеемъ, тянувшимъ Сперанскаго въ новое министерство внутреннихъ дѣлъ; споръ разрѣшенъ былъ государемъ въ пользу Кочубея; Сперанскій, несомнѣнно, хотѣлъ служить подъ начальствомъ Кочубея. Безъ преувеличеній можно сказать, что всѣ главныя бумаги, въ изобиліи выходившія тогда изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, написаны Сперанскимъ; онѣ упрочили положеніе и репутацію его. Въ 1803 г. онъ выступилъ впервые съ крупнымъ проектомъ. Ему поручено было отъ государя, впрочемъ не лично, а чрезъ Кочубея, составить планъ устройства судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ имперіи; проектъ извѣстенъ пока лишь въ черновомъ видѣ (напечатанъ И. А. Бычковымъ, въ XI т. «Истор. Обозрѣнія»). Записка эта практическихъ послѣдствій не имѣла; она любопытна тѣмъ, что Сперанскій считалъ Россію далеко не готовой для конституціоннаго строя, какимъ онъ его понималъ; здѣсь же указаны основы этого строя: свобода всѣхъ состояній, существованіе общественнаго мнѣнія, уложеніе гражданское и уголовное, судъ въ рукахъ населенія, публичное судопроизводство и свобода печати. Едва ли правильно мнѣніе (Семевскій, «Былое» 1906 г., № 1), что Сперанскій высказался такъ въ угоду Кочубея; увидимъ ниже, что такое

мнѣніе свое онъ проводилъ всю жизнь свою; въ полномъ соотвѣтствіи стоятъ и слова, сказанныя тогда Сперанскимъ Дюмону, что онъ не вѣритъ въ возможность установленія политической свободы въ Россіи.

Государь зналъ Сперанскаго лично еще съ 1797 г.; но въ болѣе близкія отношенія къ нему Сперанскій сталъ лишь съ 1806 г., когда ему нерѣдко приходилось докладывать государю вмѣсто гр. Кочубея, часто прихварывавшаго. Государь оцѣнилъ талантъ Сперанскаго и, очевидно, тогда уже въ умѣ своемъ предназначилъ Сперанскому высокую роль. Въ 1807 г., отправляясь на осмотръ войскъ въ Витебскъ, государь взялъ съ собой, между другими, и Сперанскаго; Сперанскій вышелъ тогда изъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Послѣ заключенія Тильзитскаго мира для государя Александра Павловича настали самые тяжелые дни, дни испытаній. По всей странѣ разлилось глухое, мѣстами весьма сильное неудовольствіе перемѣною политики, заключеніемъ союза съ Франціей и слѣдствіями, вытекавшими изъ этого союза. Въ кругахъ руководящихъ образъ дѣйствій государя подвергался рѣшительной критикѣ, о которой государю было извѣстно изъ предупрежденій, которыя ему присылались частью отъ новаго союзника изъ Парижа, частью отъ новаго врага—изъ Англіи; въ дѣлахъ комитета 1807 г. сохранилось также не мало до-

казательствъ тогдашняго возбужденнаго состоянія умовъ.

Тѣмъ болѣе государь привязывался къ лицамъ, при помощи которыхъ онъ разсчитывалъ облагодѣтельствовать народъ, тотъ народъ, который еще такъ недавно его привѣтствовалъ и оставилъ его при первыхъ же встрѣтившихся неудачахъ.

Съ 1808 г. Сперанскій нерѣдко уже обѣдаетъ у государя; впрочемъ, ст.-секр. Молчановъ въ 1808 г. удостаивался этой чести значительно чаще Сперанскаго. Должно отмѣтить, что Сперанскаго приглашали къ столу обыкновенно тогда, когда у государя обѣдалъ французскій посолъ Коленкуръ; вѣроятно, это объясняется тѣмъ, что Сперанскаго считали сторонникомъ Франціи и союза съ нею. Такъ, въ обществѣ Коленкура Сперанскій обѣдалъ у государя 1 іюля 1808 г., затѣмъ 5 августа.

8 августа 1808 г. Сперанскій былъ назначенъ членомъ комиссіи составленія законовъ. Характеръ этого назначенія видѣнъ изъ письма Сперанскаго къ гр. Кочубею: «при отъѣздѣ кн. Лопухина въ Кіевъ *мнѣ досталась* комиссія законовъ, въ которую, безъ чаянія и желанія моего, опредѣленъ я членомъ». Будто бы случайно и противъ желанія своего, Сперанскій призванъ былъ къ важнѣйшему дѣлу своей жизни. Впрочемъ, къ занятіямъ въ комиссіи онъ приступилъ нѣсколько позже. 2-го сентября 1808 г. императоръ Александръ Павловичъ выѣхалъ въ Эрфуртъ на сви-

даніе съ Наполеономъ; опасенія руководящихъ круговъ достигли къ этому времени величайшаго напряженія; сдѣланы были совершенно исключительныя усилія, чтобы повліять на Александра I; тѣмъ ближе, казалось бы, онъ долженъ былъ привязаться къ людямъ, всецѣло и искренно раздѣлявшимъ его взгляды, его систему. Въ числѣ немногихъ лицъ, сопровождавшихъ государя, былъ и Сперанскій; это обстоятельство безусловно выдѣляло его среди сильныхъ міра, указывало на исключительное уже положеніе. Сперанскій кратко извѣстилъ мать свою о поѣздкѣ въ чужіе края на два мѣсяца; зятя своего онъ уговаривалъ въ письмѣ же не пріѣзжать къ нему въ Петербургъ, потому что онъ долженъ быть въ отлучкѣ; по обыкновенію никакихъ свѣдѣній политическихъ въ письмахъ къ родственникамъ нѣтъ. Впечатлѣнія, которыя вынесъ Сперанскій изъ первой своей поѣздки за границу, характеризуются обыкновенно фразой, будто бы сказанной Сперанскимъ государю въ отвѣтъ на его вопросъ: какова ему кажется Германія?—«Постановленія въ нѣмецкой землѣ лучше нашихъ, но люди у насъ умнѣе»—отвѣчалъ Сперанскій.

16-го октября государь уже вернулся въ Петербургъ; слѣдовательно, въ $1^1/_2$ мѣсяца Сперанскій могъ ознакомиться лишь съ нѣкоторыми порядками въ Германіи. Вообще о путешествіи его въ Эрфуртъ сохранилось немало преданій, но они болѣе, чѣмъ

сомнительны. При разставаніи Наполеонъ подарилъ Сперанскому табакерку со своимъ портретомъ, осыпанную брилліантами. По возвращеніи въ Петербургъ въ свитѣ государя, Сперанскій сталъ лицомъ, очень близкимъ къ Александру Павловичу. По камеръ-фурьерскому журналу онъ обѣдалъ у государя 23 октября, 14 ноября, 5, 12, 19 и 27 декабря. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сперанскій быстро поднимается по іерархической лѣстницѣ, а главное—кругъ его дѣйствій расширяется: 16 декабря 1808 г. онъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи (на мѣсто Новосильцева), 20 декабря ему повелѣно докладывать государю по дѣламъ комиссіи составленія законовъ съ предписаніемъ Лопухину особенно и исключительно по сей части употребить д. с. с. Сперанскаго; 28 декабря государь вручилъ Сперанскому «бумаги, до внутренняго управленія новоприсоединенной Финляндіи относящіяся», и повелѣлъ ему по дѣламъ этимъ сноситься съ министерствами и докладывать ему, государю. Но было дѣло и болѣе важное; «въ концѣ 1808 года, послѣ разныхъ частныхъ дѣлъ, ваше величество, говоритъ Сперанскій въ пермскомъ письмѣ, начали занимать меня постояннѣе предметами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ образомъ вашихъ мыслей, доставляя вамъ бумаги, прежде къ вамъ вошедшія, и нерѣдко удостаивая провождать со мною цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочине-

ній, къ сему относящихся. Изъ всѣхъ сихъ упражненій, изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій вашего величества надлежало, наконецъ, составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія».

При самомъ началѣ своей работы Сперанскій, который въ теоріи совершенно правильно цѣнилъ силу общественнаго мнѣнія, подалъ государю записку, которая потомъ (20 апрѣля 1809 г.) была сообщена всѣмъ министрамъ,—записку «о составѣ статей для напечатанія въ газетахъ»: Цѣль этихъ статей направлять общественное мнѣніе, исправлять и опровергать невѣрные слухи; составлять статьи взялся самъ Сперанскій, настолько онъ былъ озабоченъ враждебнымъ правительству настроеніемъ. Впрочемъ, мысль Сперанскаго осуществилась нѣсколько позднѣе; какъ и въ 1804 г., рѣшено было при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ издавать «Сѣверную Почту» или «Новую С.-Петербургскую Газету»,—редакторомъ былъ назначенъ Козодавлевъ (товарищъ министра вн. д.); первый номеръ газеты вышелъ лишь 3 ноября. Но что могло сдѣлать офиціальное изданіе, когда какъ разъ въ апрѣлѣ—августѣ при участіи Сперанскаго изданы были мѣры, чрезвычайно возбудившія общественное мнѣніе противъ Сперанскаго—указы 3 апрѣля и 6 августа 1809 г. Если первый указъ (о придворныхъ званіяхъ) раздѣлилъ общество на

два лагеря, вызвалъ негодованіе аристократическихъ кружковъ и сочувствіе служакъ, много терпѣвшихъ отъ чинопроизводства не по заслугамъ, а по рожденію и протекціи; то сочувствіе этого класса къ Сперанскому превратилось въ ненависть послѣ указа 6 августа 1809 г. Насмѣшки и обвиненія, слова: дьячекъ, поповичъ, поповскій сынъ, великій преобразователь, иллюминатъ, революціонеръ, сыпались на Сперанскаго.

Сперанскій желалъ привлечь общественное мнѣніе на сторону правительства; правительство держалось и должно было держаться во внѣшней политикѣ системы, къ которой общество относилось вполнѣ отрицательно,—поэтому слѣдовало ли еще болѣе раздражать общество уколами сравнительно мелкими? Только дѣйствительный государственный интересъ оправдываетъ принятіе мѣръ, непопулярныхъ самихъ по себѣ; государственный дѣятель долженъ знать общественное настроеніе, считаться съ нимъ. Сперанскій, понимавшій это въ теоріи, на практикѣ совершенно разошелся съ теоріей. Далѣе, какой государственный интересъ продиктовалъ эти мѣры, особенно второй указъ? Тогдашнее чиновничество оставляло желать весьма многаго, оно было необразованно; правительство желало и должно было желать заставить Россію учиться. Но зачѣмъ же было придавать указу 6 августа обратную силу? Придавать тогда, когда намѣревались вве-

сти Россію въ число правовыхъ государствъ? Даже, если бы не было такого напряженнаго положенія, вполнѣ достаточно было бы объявить, что поступающіе на службу съ 1810 г. будутъ производиться въ чины по такимъ-то правиламъ. Сперанскій не могъ не знать, какъ нелегко было людямъ его поколѣнія, получить высшее образованіе, когда въ Россіи собственно былъ только одинъ университетъ (въ Москвѣ). Указъ 6 августа не могъ не показаться жестокою насмѣшкою надъ тѣми, кто отдалъ лучшіе свои годы и силы на службу государству.

Затѣмъ Сперанскій долженъ былъ отказаться *лично* отъ участія въ этомъ дѣлѣ; указъ 3 апрѣля, проведенный кѣмъ либо другимъ, менѣе оскорбилъ бы нашу знать, чѣмъ указъ, приписанный «поповичу»; ради успѣха своего дѣла, большого дѣла— Сперанскій долженъ былъ дѣйствовать осторожнѣе и склонять къ тому же государя. Образъ дѣйствій Сперанскаго поражаетъ тѣмъ болѣе, что по плану государственнаго образованія новыми политическими правами надѣлялось, по преимуществу, наше высшее дворянство.

Въ своемъ «Планѣ» Сперанскій мѣтко обрисовалъ общественное неудовольствіе; совершенно, опять-таки, справедливо общее недовольство онъ считалъ однимъ изъ главныхъ признаковъ того, что «настоящая система правленія несвойственна уже болѣе состоянію общественнаго духа и что

настало время перемѣнить ее и основать новыхъ вещей порядокъ». Въ такихъ условіяхъ нельзя было раздражать общественное мнѣніе подобными указами.

II. Планъ всеобщаго государственнаго образованія.

Среди этого шума, какъ будто не слыша его, заслоненный государемъ, Сперанскій работалъ надъ планомъ новаго образованія Россіи. Кажется, можно доказать, что онъ работалъ не одинъ. Одно изъ качествъ Сперанскаго—всегдашнее умѣнье организовать работу подчиненныхъ ему лицъ. Среди бумагъ подчиненнаго ему М. А. Балугьянскаго хранятся: Plan du Code du droit public, написанный въ началѣ 1809 г., и Mémoire sur le droit public—въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1808. Едва ли было случайнымъ совпаденіемъ то, что Балугьянскій какъ разъ одновременно со Сперанскимъ сѣлъ за ту же работу. Работа Балугьянскаго имѣетъ подготовительный характеръ; она имѣла вліяніе на планъ Сперанскаго, хотя, конечно, онъ значительно измѣнилъ ее.

Самое изложеніе Балугьянскаго показываетъ, что онъ писалъ для кого-то. Такъ передъ перечисленіемъ основныхъ правъ гражданина, Балугьянскій пишетъ: слѣдующіе параграфы извлечены изъ французской конституціи; *не знаю*, должны ли они принадлежать всѣмъ подданнымъ или предоставлены только привилегированнымъ

состояніямъ или, въ крайнемъ случаѣ—всѣмъ свободнымъ людямъ. Всѣ права эти находятся въ «Habeascorpus» и «Declaration des droits ameriquaines»: опредѣленно указанъ источникъ «Плана» и предложено нѣсколько возможныхъ варіантовъ.

Разбирая пунктъ жалованной грамоты о представленіи на утвержденіе монарха приговоровъ судебныхъ, лишающихъ дворянина чести,—Балугьянскій прибавляетъ: думаю, что постановленіе это противно независимости и достоинству судебной власти. Сперанскій и въ «Планѣ» и послѣ также полагалъ необходимымъ приговоры сената сдѣлать окончательными. По самому животрепещущему вопросу—объ отношеніяхъ между господами и крѣпостными—Балугьянскій полагалъ, что отношенія эти опредѣляются закономъ; Сперанскій — имѣть право пріобрѣтать недвижимую собственность населенную, но управлять ею не иначе, какъ по закону.

Населеніе имперіи Балугьянскій дѣлитъ на четыре класса: дворянство, именитые граждане, ремесленники (industrieux) и рабочіе; между первыми тремя онъ распредѣляетъ права общія и особенныя; Сперанскій раздѣлилъ населеніе только на три состоянія, отнеся ремесленниковъ къ рабочему классу; терминъ «рабочій» Сперанскимъ удержанъ.

Многоэтажная система выборовъ, отличающая планъ Сперанскаго, предложена Балугьянскимъ: первоначальныя собранія

въ округѣ (district) и въ городахъ; изъ нихъ въ уѣздныхъ городахъ образуются собранія нотаблей; изъ нихъ въ губерніяхъ собранія (chambres) депутатовъ трехъ первыхъ сословій—états généraux или то, что называется во Франціи теперь collége électoral или соединенные collège électoral и conseil générale.

Законодательныя права, по Балугьянскому, гораздо ограниченнѣе таковыхъ же у Сперанскаго, а именно у Балугьянскаго нѣтъ государственной думы; губернскія собранія помогаютъ государю совѣтомъ, знаніями, опытностью въ законодательствѣ, когда его величеству угодно будетъ призвать нѣкоторыхъ лицъ изъ нихъ въ свой совѣтъ, сенатъ или министерства; они же представляютъ государю списокъ лицъ наиболѣе достойныхъ (идею списковъ Сперанскій удержалъ); затѣмъ они содѣйствуютъ исполненію мѣръ, предписанныхъ правительствомъ, и избираютъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ. Они же имѣютъ право представлять государю (rémonstrances) и сенату о замѣченныхъ злоупотребленіяхъ и подавать государю петиціи (и это удержано Сперанскимъ).

Нѣсколько отличаясь, собранія Балугьянскаго, его нотабли, états généraux очень близки къ думамъ волостнымъ, окружнымъ и т. д.

Есть и отдѣльныя замѣчанія, такія же, какъ у Сперанскаго: Балугьянскій тоже

противникъ освобожденія дворянства отъ службы.

Но есть другія предположенія, отъ которыхъ Сперанскій отказался, какъ отъ совсѣмъ несоотвѣтствовавшихъ нашей дѣйствительности, напр. предположенія о пожизненныхъ должностяхъ: митрополита предсѣдателя синода, генералъ-прокурора, великаго цензора, великаго канцлера, великаго казначея, фельдмаршала и адмирала. Лица эти—стражи конституціи, оберегатели правъ трона, интересовъ религіи, гражданскихъ и политическихъ правъ народа. Въ извѣстныхъ случаяхъ лица эти образуютъ тайный совѣтъ императора (война, миръ).

По всей вѣроятности, при посредствѣ Балугьянскаго Сперанскій ознакомился съ политической литературой того времени и разнообразными конституціями. Обращеніе къ Балугьянскому было тѣмъ необходимѣе, что парламентарная практика была совершенно чужда Сперанскому, между тѣмъ какъ Балугьянскій недурно ее зналъ и самъ много разъ бывалъ въ парламентѣ. Сотрудничество Балугьянскаго можетъ быть подтверждено «пестротою» плана Сперанскаго: основныя положенія его позаимствованы изъ сочиненій и конституцій, далеко не сходныхъ между собою.

«Планъ» сшитъ изъ лоскутковъ, взятыхъ или изъ политической литературы или изъ конституцій французскихъ: 1791 г., 1793, 1799 г., 1804 г. Больше всего заимство-

ваній сдѣлано изъ конституціи 1799 г.; очень много взято у оракула того времени—Монтескье, не мало изъ деклараціи правъ, изъ Блекстона, Руссо и др.

Основное начало, изъ котораго вытекаетъ законодательство: «не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ»—переводъ французскаго: Ne fais pas a un autre ce, que tu ne veux pas que te soit fait (Конст. 1793 г., арт. 6). Другое основное положеніе—«начало и источникъ сихъ силъ (власти) въ народѣ»—взято изъ деклараціи. Строго проведенный принципъ раздѣленія власти на законодательную, судную и исполнительную взятъ у Монтескье; изъ этого же источника—отвѣтственность министровъ предъ законодательнымъ собраніемъ; болѣе точныя указанія случаевъ, когда министры должны быть привлекаемы къ отвѣтственности—изъ конституцій 1791, 1793 и 1799 гг.; право державной власти не утверждать рѣшеній законодательнаго собранія, требованіе имущественнаго ценза для лицъ, обладающихъ политическими правами—изъ деклараціи и конституцій; исключеніе изъ этого числа лицъ, кои по образу жизни и воспитанію не позволяютъ предполагать ни довольно разума, ни столько любочестія, чтобы допустить людей, ихъ занимающихъ, къ участію въ составленіи закона (домашніе слуги, ремесленники и рабочіе люди, поденщики, хотя бы они и имѣли собственность), заимствовано у Монтескье; идея

раздѣленія граждан на обладающихъ политическими правами и необладающихъ—у Сіэйса. Опредѣленіе гражданской свободы (никто безъ суда наказанъ быть не можетъ и т. д.)—у Блекстона, можетъ быть, изъ конституцій. Раздѣленіе Россіи на 4 степени: волость, округъ, губернія и государство — съ современнаго Сперанскому устройства Франціи; составленіе волостными и окружными думами списковъ 20 лучшихъ гражданъ—опять у Сіэйса. Право государственной думы самой собираться взято изъ конституціи 1791 г. Основной принципъ судоустройства — избраніе судей населеніемъ—опять заимствованъ: «les juges seront élus par les justiciables» (Сватиковъ).

Планъ Сперанскаго долго оставался малоизвѣстнымъ русскому обществу. Ученымъ и публицистамъ приходилось довольствоваться тѣмъ, что помѣщено было Н. И. Тургеневымъ въ его книгѣ «La Russie et les Russes»; къ сожалѣнію, бумаги Сперанскаго, оказавшіяся у Тургенева, были спутаны. Н. К. Шильдеръ въ приложеніяхъ ко II тому «Имп. Александръ I»—изложилъ весьма подробно планъ этотъ по рукописи. В. И. Семевскій издалъ («Историч. Обозрѣніе», т. X) планъ по другой рукописи цѣликомъ, и съ этого времени планъ Сперанскаго сдѣлался прочнымъ достояніемъ русской мысли. Рукопись носитъ названіе «Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ»; она черновая

и, слѣдовательно, едва ли русская наука имѣетъ право успокоиться на достигнутомъ успѣхѣ: несомнѣнно, была рукопись, которую Сперанскій представилъ государю императору; по всей вѣроятности, на этой рукописи должны быть помѣты государя. Нельзя даже ручаться за то, что чистовая и черновая окажутся тождественными. Сперанскій писалъ чрезвычайно много, легко сравнительно измѣнялъ взгляды, легко передѣлывалъ; вотъ почему представляется чрезвычайно важнымъ отыскать чистовую рукопись, всеподданнѣйшій докладъ Сперанскаго.

Сличая изложеніе Шильдера съ «планомъ», напечатаннымъ Семевскимъ, нетрудно замѣтить, что обѣ рукописи весьма значительно расходятся между собою. Въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ рукопись Шильдера точнѣе, т. е. представляетъ собою, вѣроятно, уже слѣдующую редакцію, напр. по вопросу о имущественномъ цензѣ, какъ условіи политическихъ правъ, рукопись Шильдера даетъ больше, чѣмъ рукопись Семевскаго; равнымъ образомъ въ отдѣлѣ — о дѣйствіи державной власти въ порядкѣ законодательномъ — въ рукописи Семевскаго очевидный пропускъ (утвержденіе закона); отдѣлъ объ устройствѣ министерствъ носитъ въ рукописи Семевскаго совсѣмъ черновой характеръ, на стр. 50 — Сперанскій полагаетъ 7 министерствъ, на стр. 53 къ семи прибавляетъ еще четыре; причемъ на стр. 50 признается возможнымъ министер-

ство народнаго просвѣщенія отнести къ министерству внутреннихъ дѣлъ, казначейство—къ министерству финансовъ, а на стр. 53 — оба эти управленія должны быть самостоятельны. Въ рукописи Шильдера эти колебанія Сперанскаго сглажены, число министерствъ—одиннадцать.

Съ другой стороны, въ рукописи Семевскаго нѣтъ ничего о кабинетѣ, у Шильдера—есть; но то, что у него сказано о кабинетѣ, взято изъ совсѣмъ другого проекта, проекта о правительствующемъ и судебномъ сенатахъ.

Главною цѣлью «Плана» Сперанскаго было водворить въ Россіи законность, т. е. ввести въ русскую жизнь то начало, на отсутствіе котораго такъ долго уже и безполезно жаловалось поголовно все населеніе имперіи. Для достиженія этой завѣтной цѣли надлежало дать Россіи сводъ дѣйствующаго права и затѣмъ ввести такой порядокъ, при которомъ господство закона было бы не фикціею, а дѣйствительностью. Сперанскій мечталъ и вѣрилъ тогда, что въ самомъ непродолжительномъ времени сводъ законовъ будетъ готовъ; оставалось установить порядокъ, который расчищалъ бы дорогу для свода и сохранилъ бы силу свода въ русской жизни. Молодая мысль Сперанскаго остановилась не безъ основанія на томъ положеніи, что это достижимо и возможно лишь при условіи надѣленія подданныхъ правами политическими. Сто лѣтъ отдѣляетъ насъ отъ

«Плана»; въ продолженіе этихъ ста лѣтъ немало было сдѣлано попытокъ для водворенія начала законности путемъ реформы или перестановки высшихъ правительственныхъ установленій и образованія новыхъ учрежденій; и теперь мы можемъ сказать, что всѣ онѣ оказались безуспѣшны, всѣ онѣ не достигли цѣли. Исходною точкой Сперанскаго было его искреннее убѣжденіе, что того же желаетъ государь Александръ Павловичъ: великій переворотъ въ Россіи долженъ былъ совершиться совершенно мирно, по иниціативѣ самой верховной власти. Русская конституція должна была быть не слѣдствіемъ столкновенія народа и власти, а слѣдствіемъ великодушнаго и свободнаго обращенія власти къ народу для водворенія правды на русской землѣ. На взаимныя отношенія власти державной и новыхъ политическихъ установленій Сперанскій смотритъ, какъ идеалистъ; также безусловно онъ смотрѣлъ на отношенія отдѣльныхъ классовъ между собою. Молодымъ свѣжимъ идеализмомъ проникнутъ весь «Планъ»: верховная власть и всѣ слои народа должны слиться во-едино для достиженія столь высокой цѣли. Если къ основной идеѣ «Плана» должно отнестись съ величайшимъ одобреніемъ, то этого никакъ нельзя сказать о разработкѣ идеи и о способахъ примѣненія ея къ русской жизни. Новый строй требуетъ прежде всего новаго административнаго раздѣленія Россіи, дабы поставить въ іерархическомъ

порядкѣ новыя учрежденія. Россія раздѣляется на губерніи и области (губерніи пока можно оставить старыя); губерніи— на округа (2—5 округовъ въ губерніи, слѣдовательно, округъ равенъ 2—5 уѣздамъ); округа— на волости (волость иногда равна уѣзду, иногда меньше его).

Равнымъ образомъ населеніе имперіи раздѣляется по новому, а именно на три состоянія: 1) дворянство, 2) среднее состояніе и 3) рабочій народъ. Основаніе дѣленія—обладаніе тѣми или другими правами. Права должны быть различаемы— гражданскія и политическія; первыя, кромѣ того, дѣлятся на общія гражданскія и особенныя гражданскія.

Низшее состояніе, рабочій народъ (крестьяне, мастеровые, ихъ работники, домашніе слуги), можетъ пользоваться только общими гражданскими правами; Magna Charta русскаго народа: 1) никто безъ суда не можетъ быть наказанъ; 2) никто не обязанъ отправлять личную службу по произволу другого, но по закону, опредѣляющему родъ службы по состояніямъ; 3) всякій можетъ пріобрѣтать собственность движимую и недвижимую и располагать ею по закону; но пріобрѣтеніе собственности недвижимой населенной принадлежитъ извѣстнымъ только состояніямъ; 4) никто не обязанъ отправлять вещественныхъ повинностей по произволу другого, но по закону или добровольнымъ условіямъ.

Среднее состояніе (купцы, мѣщане, одно-

дворцы, поселяне, имѣющіе недвижимую собственность въ извѣстномъ количествѣ) имѣютъ общія гражданскія права и при наличности имущественнаго ценза имѣютъ также и политическія права.

Высшее состояніе—дворянство—обладаетъ какъ общегражданскими, такъ и особенными правами (свобода отъ *очередной* службы и право владѣть населенными имѣніями), равнымъ образомъ, при наличности ценза имущественнаго, дворяне обладаютъ политическими правами.

Лица первыхъ двухъ состояній, обладающія политическими правами, участвуютъ въ судѣ и законодательствѣ, содѣйствуютъ исполнительной власти, наблюдая за нею, и въ необходимыхъ случаяхъ привлекаютъ ее къ отвѣтственности. Для этого, всѣ такія лица въ *волости* образуютъ волостную думу, которая избираетъ волостное правленіе, провѣряетъ дѣйствія правленія, выбираетъ депутатовъ въ окружную думу, дѣлаетъ окружной думѣ представленія объ общественныхъ нуждахъ, составляетъ списокъ 20-ти отличнѣйшихъ обитателей волости. Волостная дума собирается разъ въ три года.

Изъ депутатовъ волостныхъ думъ также каждые три года образуются окружныя думы, которыя выбираютъ членовъ окружнаго совѣта, окружный судъ и депутатовъ въ губернскія думы; принимаютъ денежный отчетъ отъ окружнаго начальника и дѣлаютъ по отношенію къ округу все то, что

по отношенію къ волости — волостная дума.

Изъ депутатовъ окружныхъ думъ образуются каждые три года губернскія думы, которыя выбираютъ депутатовъ въ государственную думу и затѣмъ дѣлаютъ то же по отношенію къ губерніи, что окружная дума—къ округу.

Государственная дума собирается сама, безъ всякаго созыва, ежегодно въ сентябрѣ. Срокъ ея дѣйствій опредѣляется количествомъ дѣлъ, ей предлагаемыхъ. Державная власть можетъ отсрочить ея засѣданія до слѣдующаго года и вправѣ также уволить всѣхъ ея членовъ; въ послѣднемъ случаѣ назначаются новые члены, выбранные губернскими думами. Кромѣ общихъ собраній дума образуетъ въ своей средѣ шесть коммиссій (законовъ государственныхъ, гражданскихъ, уставовъ и учрежденій, министерскихъ отчетовъ, представленій о государственныхъ нуждахъ, финансовъ). Дѣла думѣ предлагаются однимъ изъ министровъ или членовъ госуд. совѣта, такимъ образомъ инициативы законодательной дума не имѣетъ; но она вправѣ сама дѣлать представленія о государственныхъ нуждахъ, объ уклоненіи отъ отвѣтственности и о мѣрахъ, нарушающихъ коренные законы; слѣдовательно, думѣ принадлежало право широкаго контроля надъ высшими органами исполнительной власти. Значеніе думы въ государствѣ видно изъ положенія: никакой законъ не можетъ имѣть силы,

если не будетъ онъ составленъ въ законодательномъ сословіи.

Еще шире участіе населенія въ порядкѣ судебномъ:—верховная инстанція—судебный сенатъ составляется изъ лицъ, выбранныхъ губернскими думами, приговоры сената окончательные. Судебная власть цѣликомъ и вполнѣ верховною властью передана въ руки населенія; отвѣтственность за правосудіе отнынѣ должна уже лежать на населеніи и выбранныхъ имъ судьяхъ; верховная власть оставила себѣ только надзоръ за формами суда, чтобы онѣ повсемѣстно были одинаковы. Средоточіемъ дѣйствій властей исполнительной, судебной и законодательной служилъ государственный совѣтъ; въ немъ всѣ дѣйствія соединяются и чрезъ него восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются. Всѣ законы, а равно уставы и учрежденія первоначально разсматриваются въ совѣтѣ, затѣмъ предлагаются соотвѣтствующимъ учрежденіямъ и, разсмотрѣнные ими черезъ совѣтъ, поступаютъ на утвержденіе государя. Высокое это учрежденіе есть довѣренный органъ верховной власти, въ которомъ она устанавливаетъ принципы всякаго новаго закона, а потомъ въ немъ же разсматривается, насколько представленный на утвержденіе законъ или уставъ соотвѣтствуетъ ея первоначальнымъ намѣреніямъ. Поэтому совѣтъ состоитъ изъ лицъ, призванныхъ въ него высочайшимъ довѣріемъ.

Съ перваго взгляда этотъ Планъ можетъ показаться чрезвычайно подробнымъ, стройнымъ, обнимающимъ русское государственное устройство отъ волости до державной власти. Вникая въ него, нельзя однако не отмѣтить многочисленныхъ противорѣчій, недомолвокъ; нельзя не признать, что въ самомъ Планѣ заключаются положенія, которыя должны были отсрочить введеніе его въ жизнь на долгіе и долгіе годы.

Такъ, признавая собственность основаніемъ политическихъ правъ, Сперанскій не опредѣлилъ ценза; мало этого, по его же словамъ, «волостную думу составляютъ всѣ владѣльцы *недвижимой* собственности». Представители капитала, слѣдовательно, забыты здѣсь, во первыхъ; а во-вторыхъ, всякій мѣщанинъ, владѣвшій домами въ уѣздномъ городѣ, членъ ли думы волостной?

Волостная дума выбираетъ волостное правленіе и депутатовъ въ окружную думу; а въ порядкѣ судномъ оказывается, что сверхъ волостного правленія есть волостной судъ (изъ трехъ лицъ) и волостной совѣтъ, изъ состава котораго судъ приглашаетъ присяжныхъ. Какъ образуется совѣтъ, ничего не сказано; можетъ быть, совѣтъ замѣняетъ «правленіе»? Присяжныхъ двое; одинъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, изъ того состоянія, къ которому принадлежитъ подсудимый. А если подсудимый рабочаго состоянія, то это уже невозможно.

Излагая дѣйствія губернской думы, Сперанскій ничего не говоритъ о томъ,

что они должны выбирать также сенаторовъ, хотя всѣ выборы этихъ думъ указаны подробно; ниже оказывается: по смерти или увольненіи сенаторовъ, мѣста ихъ замѣщаются державной властью изъ лицъ, избранныхъ въ губернскихъ думахъ и внесенныхъ въ *государственный избирательный списокъ*. Что это за списокъ, приходится догадываться, потому что губернскія думы, окончивъ свои занятія, посылаютъ три списка: одинъ министру юстиціи (лица, выбранныя въ правленія волостныя и въ суды окружные и губернскіе); второй—канцлеру государственной думы (лица, выбранныя въ совѣты окружные и губернскіе); третій въ государственную думу (списки 20-ти отличнѣйшихъ обывателей губерніи). Какой изъ этихъ списковъ государственный и въ какомъ должны быть кандидаты въ сенатъ судебный?

Существовавшія тогда сословія и классы бытовые Сперанскій слилъ въ три состоянія; при этомъ онъ (сынъ священника, поповичъ) забылъ о духовенствѣ и его дѣтяхъ.

Къ рабочему классу отнесены: мастеровые, ихъ работники, всѣ помѣстные крестьяне и домашніе слуги. Понятіе «помѣстные» крестьяне — весьма неопредѣленное; тогда были крестьяне: казенные, экономическіе, удѣльные, поссесіонные (заводскіе), владѣльческіе—всѣ ли эти разряды обобщены однимъ новымъ названіемъ

или только нѣкоторые? Нѣсколько ниже въ волостную думу «казенныя селенія отъ каждаго пятисотеннаго участка посылаютъ въ думу одного старшину», слѣдовательно, казенные крестьяне выдѣлены изъ среды остального крестьянства. Такія же недоумѣнія вызываетъ терминъ «мастеровые»; они также отнесены къ рабочему классу, лишенному политическихъ правъ; какъ будто подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ разумѣть цеховыхъ ремесленниковъ, о которыхъ ничего не сказано; естественно возникаетъ недоумѣніе, отчего же они лишены политическихъ правъ, но мѣщане (ремесленники тоже мѣщане) отнесены къ среднему состоянію и, владѣя собственностью, могутъ пользоваться политическими правами?

Отдѣлъ о государственной думѣ, который, казалось бы, уже въ силу его новизны слѣдовало изложить весьма тщательно, возбуждаетъ нѣсколько серьезныхъ недоумѣній.

Срокъ полномочій представителей не указанъ: дѣйствіе государственной думы пресѣкается двоякимъ образомъ: 1) отсрочкою его до будущаго года; 2) «совершеннымъ всѣхъ чиновъ ея увольненіемъ»,—слѣдовательно, если бы извѣстный составъ думы понравился правительству, оно имѣло бы право держать такую думу неопредѣленное время. Между тѣмъ выборы членовъ въ государственную думу — очередное занятіе губернскихъ думъ, которые собираются разъ

въ три года, причемъ всѣ губерніи въ отношеніи къ выборамъ раздѣляются на пять классовъ, а выборы располагаются такъ, чтобы въ двухъ близко смежныхъ губерніяхъ никогда вмѣстѣ выборовъ не было и чтобы въ десяти губерніяхъ они ежегодно совершались. Такой порядокъ, казалось бы, приводилъ къ тому, что составъ государственной думы ежегодно обновлялся.

Еще большее затрудненіе—отношеніе государственной думы къ государственному совѣту. «Въ порядкѣ государственныхъ установленій совѣтъ представляетъ сословіе, въ коемъ всѣ дѣйствія порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго въ главныхъ ихъ отношеніяхъ соединяются и черезъ него восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются». «Никакой законъ, уставъ и учрежденіе не исходитъ изъ совѣта и не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія державной власти».

Сперанскій не предвидитъ случаи столкновенія двухъ законодательныхъ собраній и сословій.

Еще болѣе недоразумѣній должно было возникнуть при проведеніи этого плана въ жизнь. Провести его можно было двоякимъ способомъ: изложить заключавшіяся въ немъ начала въ манифестѣ и даровать Россіи сразу новое бытіе. На это какъ будто и намекаютъ слова Сперанскаго: «блистательнѣе, можетъ быть, было бы все уста-

новленія сего плана, пріуготовивъ вдругъ, открыть единовременно: тогда они явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ стройности и не произвели бы въ дѣлахъ смѣшенія. Но ваше величество предпочли твердость сему блеску и признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вдругъ перемѣнить» и т. д.

Второй путь былъ: ввести въ жизнь новыя и реформированныя высшія учрежденія и затѣмъ уже черезъ нихъ провести намѣченныя реформы.

Полагаю, что ни тотъ, ни другой путь не привелъ бы къ скорому завершенію дѣла.

Въ первомъ случаѣ надлежало сначала переустроить всѣ высшія учрежденія и затѣмъ все областное управленіе, поставить на новыхъ началахъ губернаторскую власть, раздѣлить губерніи на округа, округа на волости, *даровать всей Россіи* гражданскія права (не исключая и крѣпостныхъ), выдѣлить гражданъ, имѣющихъ права политическія, и изъ числа ихъ тѣхъ, кто обладаетъ не только правомъ выбора, но и правомъ представительства. При тогдашнихъ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ дарованіе всѣмъ гражданскихъ правъ было невозможно безъ продолжительныхъ подготовительныхъ работъ и правительственныхъ разъясненій, а иначе выборы явились бы жалкою комедіей.

«Никто безъ суда наказанъ быть не можетъ, никто не обязанъ исполнять вещественныхъ повинностей по произволу дру-

того, но по закону или добровольнымъ условіямъ»,—такія слова манифеста не могли быть не поняты во многихъ мѣстахъ, какъ упраздненіе властью государя крѣпостного права. Смѣло можно сказать, что намѣченныя въ планѣ административныя и соціальныя реформы потребовали бы десятилѣтія напряженной работы, если не больше: въ два года (1810—1811 и начало 1812) Сперанскому не удалось, какъ извѣстно, окончить переустройство министерствъ. Онъ былъ высланъ изъ Петербурга, а уставы отдѣльныхъ министерствъ далеко не были закончены.

Сколько же времени потребовалось бы на всѣ, указанныя въ Планѣ, реформы?

Оставался, слѣдовательно, второй путь—какъ будто и указанный самимъ Сперанскимъ: по реформѣ государственнаго совѣта и новомъ образованіи министерствъ—«государственное уложеніе въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ не только будетъ составлено, но и во всѣхъ частяхъ успѣетъ быть разсмотрѣно; слѣдовательно, съ 1-го сентября можно положить первыя начала его введенію; для сего манифестомъ, сообразнымъ тому, какой изданъ былъ въ 1766 г., назначить выборъ депутатовъ *изъ всѣхъ состояній* (курсивъ нашъ), взявъ предлогомъ изданіе гражданскаго уложенія, созвать думу къ 15 авг., двѣ недѣли употребить для разсмотрѣнія депутатскихъ наказовъ, собраніе назвать государственною думою, перваго сентября открыть думу,

дѣйствіе которой начнется разсмотрѣніемъ гражданскихъ законовъ; «между тѣмъ распоряженія депутатовъ будутъ надлежащимъ образомъ испытуемы и пріуготовляемы; если не встрѣтится какихъ-либо непреоборимыхъ препятствій, то съ Божіею помощью предложится государственное уложеніе» и т. д.

Къ сожалѣнію, Шильдеръ, опубликовавшій эту записку Сперанскаго, поданную, по его словамъ, государю, не отмѣтилъ, откуда онъ взялъ эту записку, гдѣ ея рукопись.

То, что Сперанскій написалъ такую записку, это не подлежитъ сомнѣнію; но возможно сомнѣваться, чтобы онъ рѣшился подать ее государю. Въ черновыхъ бумагахъ Сперанскаго встрѣчаются записки, которыя онъ иногда сгоряча намѣревался представить, но которыя впослѣдствіи онъ замѣнялъ другими, значительно измѣненными. Прежде всего, выборъ и собраніе депутатовъ предлагается произвести не безъ хитрости; во-вторыхъ, сами депутаты должны быть испытуемы и если выдержатъ испытаніе, то имъ предложено будетъ на утвержденіе государственное уложеніе! Нельзя не признать такія предложенія недостаточными для государственной власти, оскорбительными для государя, который по собственному почину хотѣлъ дать Россіи политическія права. Съ другой стороны, Сперанскій не могъ не пожелать испытать депутатовъ раньше предложенія имъ своего проекта государственнаго переустройства. Собраніе депутатовъ должно

было согласиться, въ нѣкоторой своей части, на самоуничтоженіе, такъ какъ по новому государственному уложенію политическими правами могли впредь пользоваться лишь два первыхъ состоянія: дворянство и среднее состояніе, и эти два класса могли остаться участниками въ политической жизни на основаніи ценза, ценза повышеннаго для представительства. Такъ, наше первое собраніе государственной думы, которое было бы названо учредительнымъ, должно было начать съ акта самопожертвованія. Но это самопожертвованіе простиралось и дальше: большинство его, дворяне, должны были согласиться на значительное видоизмѣненіе крѣпостного права, послѣ котораго оно, можетъ быть, для нихъ оказалось бы невыгоднымъ; и они же должны были отказаться отъ того, что такъ цѣнили, чего такъ долго добивались и съ такимъ трудомъ добились ихъ предки—освобожденія отъ службы, ибо потомственное дворянство, по проекту Сперанскаго, пріобрѣтается происхожденіемъ и службою, не менѣе 10 лѣтъ.

Разсчитывать, что планъ новаго образованія государства, предполагаемый рядъ крупнѣйшихъ политическихъ, административныхъ и соціальныхъ реформъ, можетъ пройти легко и скоро въ нѣсколько мѣсяцевъ и быть принятымъ, могъ или ослѣпленный фанатикъ или человѣкъ, находившійся въ состояніи самогипноза. Сперанскій не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Онъ

былъ участникомъ, правда не ближайшимъ, всѣхъ реформъ царствованія Александра I; онъ не могъ не видѣть, какія затрудненія, тренія встрѣчали планы государя; онъ не могъ не знать, къ какимъ ничтожнымъ результатамъ привело обсужденіе крестьянскаго дѣла въ неофиціальномъ комитетѣ.

Сперанскій могъ составить «Планъ» по указаніямъ государя, исполняя его волю; могъ предложить порядокъ, которымъ «Планъ» вводился въ жизнь. При всемъ томъ, онъ не могъ не указать государю величайшихъ затрудненій, которыя должны были возникнуть при проведеніи «Плана». И тогда должно было послѣдовать значительное измѣненіе «Плана». Не этимъ ли и объясняется нѣкоторая небрежность «Плана»? Вмѣсто того, чтобы разрабатывать его въ подробностяхъ, Сперанскій предложилъ, вѣроятно, государю на первое, по крайней мѣрѣ, время ограничиться реформами административными и притомъ въ области центральныхъ учрежденій. Огромную, колоссальную реформу онъ свелъ къ тому, чтобы «посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы». Онъ убѣдилъ государя вернуться къ той точкѣ зрѣнія, что самодержавная власть *пока* должна быть сохранена.

Этотъ сокращенный планъ, который вѣроятно и находился въ кабинетѣ государя,

первоначально разсматривался въ комитетѣ председателей. Разсмотрѣніе его председателями приводитъ къ тому же заключенію, а именно то, что предъ ними былъ не первоначальный проектъ; первая часть проекта — образованіе государственнаго совѣта—разсмотрѣна была пятью лицами, изъ которыхъ трое съ 1 янв. 1810 г. стали председателями департаментовъ совѣта (гр. Кочубеемъ, Завадовскимъ и кн. Лопухинымъ), т. е. порядокъ предварительнаго разсмотрѣнія былъ, такъ сказать, предрѣшенъ.

Планъ образованія лежалъ на столѣ у государя въ октябрѣ 1809 г., въ декабрѣ того же года означенныя лица, а за ними и еще нѣкоторыя (Аракчеевъ и Румянцевъ) уже читали учрежденіе совѣта; и что же? Это учрежденіе, объявленное манифестомъ 1 января 1810 г., *кореннымъ* образомъ расходится съ Планомъ; именно въ «Планѣ» о совѣтѣ говорится—въ порядкѣ государственныхъ установленій совѣтъ представляетъ сословіе, въ коемъ всѣ дѣйствія частей *законодательной, судной и исполнительной*, въ главныхъ ихъ отношеніяхъ, соединяются и черезъ него восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются».

Въ образованіи государственнаго совѣта вышеприведенныя слова замѣнены слѣдующими: «всѣ части управленія въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству соображаются», т. е. государствен-

ный совѣтъ разсматривается, какъ *единое* законодательное сословіе имперіи. Послѣ преобразованія законодательной части перешли къ новому образованію исполнительной, т. е. министерствъ, и затѣмъ сената, то есть судебной части. Необходимость реформы сената Сперанскій видѣлъ прежде всего въ совершенныхъ уже преобразованіяхъ совѣта и министерствъ; слѣдовательно реформа законодательства предполагалась уже законченной. Весьма существенная часть «Плана» — отвѣтственность министровъ предъ думою—замѣнена инымъ порядкомъ, болѣе бюрократическимъ (см. ниже).

Проектъ реформы сената, внесенный въ совѣтъ, также весьма существенно расходится съ «Планомъ»; во вступительной запискѣ къ этой реформѣ Сперанскій развиваетъ взгляды, противоположные тѣмъ, что составляютъ основу «Плана» (ниже); оттого, конечно, и его проектъ сената встрѣтилъ возраженія, какъ справа, такъ и слѣва.

Весьма рѣшительное доказательство наконецъ—слова пермскаго письма, которыми Сперанскій оправдывается отъ обвиненія, будто бы учрежденіемъ совѣта онъ стѣснилъ государеву власть, — «другіе утверждали, что разумъ сего учрежденія стѣсняетъ власть государеву. Гдѣ и какимъ образомъ? Не по государеву ли повелѣнію дѣла вносятся въ совѣтъ? Не единымъ ли словомъ его? По зависть или

клевета лучше желаютъ казаться слѣпыми, нежели быть безгласными».

Какой смыслъ было Сперанскому оправдываться въ этомъ обвиненіи, если вслѣдъ за образованіемъ совѣта предполагалось образованіе думы, дарованіе населенію политическихъ правъ?

Съ большимъ тактомъ Сперанскій не говоритъ въ этомъ письмѣ о томъ, онъ ли отклонилъ государя отъ первоначальнаго его намѣренія или самъ государь принялъ такое рѣшеніе. Скорѣе можно предполагать первое.

То, что въ домѣ Сперанскаго не было «Плана», слѣдуетъ и изъ нижегородскаго письма къ государю, гдѣ онъ о бумагахъ своихъ говоритъ такъ: однѣ (бумаги) касаются плана общаго образованія, составленнаго подъ вашимъ покровительствомъ и по непосредственнымъ вашимъ приказаніямъ. Оригиналъ этого плана долженъ находиться въ кабинетѣ вашего величества, а французскій переводъ по вашему приказанію былъ отосланъ въ свое время принцу Ольденбургскому. Работа эта, государь, главная и единственная причина всего того, что случилось со мной, слишкомъ исключительна, чтобы позволить ей смѣшаться съ другими бумагами въ министерскихъ канцеляріяхъ. Я буду въ Сибири, государь, но я не перестану вѣрить, что рано или поздно ваше величество вернетесь къ тѣмъ же основнымъ идеямъ; онѣ запечатлѣны въ вашемъ сердцѣ; не я

ихъ предложилъ; я ихъ нашелъ совершенно образовавшимися въ вашемъ умѣ; и ихъ исполненіе можетъ и должно быть видоизмѣнено или отложено до болѣе спокойнаго времени, но основанія ихъ не должны быть оспариваемы».

Слова эти, написаныя въ мартѣ 1812 г., тотчасъ послѣ пріѣзда въ Нижній-Новгородъ, безусловно относятся къ плану, который проводился въ теченіе двухъ лѣтъ и который Сперанскому не удалось завершить.

Изъ всего этого позволительно сдѣлать выводъ: извѣстные намъ (по Тургеневу, Шильдеру и Семевскому) планы не представляютъ изъ себя послѣдней редакціи плана Сперанскаго.

Чѣмъ же замѣнилъ онъ свои конституціонныя идеи 1809 г.? «Не зная плана правительства, судили намѣренія его по отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, устрашились вредныхъ установленій.»

Слова эти сохраняютъ силу, отчасти, и до настоящаго времени. Центральный пунктъ реформы, предпринятой по плану Сперанскаго, составленному въ концѣ 1809 г., была реформа сената и потому представляется наиболѣе удобнымъ прежде всего разсмотрѣть эту часть его проекта; тѣмъ болѣе, что именно она и встрѣтила самыя сильныя возраженія и, въ концѣ концовъ, заваляласъ въ канцеляріяхъ.

Проектъ Правительствующаго и Судебнаго Сената.

Вслѣдъ за преобразованіемъ министерствъ Сперанскій поставилъ на очередь разсмотрѣніе своего проекта о преобразованіи сената, правильнѣе, о раздѣленіи сената на два самостоятельныхъ учрежденія: сенатъ правительствующій и сенатъ судебный *).

Проектъ этотъ разсматривался сначала въ комитетѣ предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта въ 1811 г., а затѣмъ и въ общемъ собраніи совѣта, въ засѣданіяхъ.

Во введеніи къ образованію сената Сперанскій опредѣленно говоритъ, что сила законодательная не можетъ принадлежать сенату. «Въ настоящихъ установленіяхъ нашихъ сіе непосредственно принадлежитъ государю въ его совѣтѣ. Если бы въ какой либо эпохѣ бытія нашей имперіи и можно бы предполагать необходимость установить особенное законодательное сословіе на началахъ, общему довѣрію болѣе свойственныхъ, то установленіе сіе не можетъ быть вмѣщено въ сенатѣ, ибо это равносильно

---

*) Проектъ напечатанъ у Шильдера, Александръ I, т., но не вполнѣ; предисловія нѣтъ. Мы пользовались рукописнымъ текстомъ архива Гос. Совѣта. Дѣла Комитета предсѣдателей 1810—1811 гг., гдѣ этотъ важный проектъ сохранился въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

преобразованію судебнаго и исполнительнаго сословія въ законодательное, и, превративъ сенатъ въ законодательное сословіе, вмѣстѣ съ тѣмъ должно учредить другія два совсѣмъ новыя установленія, изъ коихъ одно должно быть средоточіемъ верховнаго суда, а другое верховнаго исполненія, ибо, еще разъ примѣтить должно, три сіи установленія ни въ какомъ государствѣ благоустроенномъ не могутъ быть сливаемы воедино. Но время ли помышлять нынѣ въ Россіи о законодательномъ сословіи въ истинномъ его разумѣ, нынѣ въ трудномъ положеніи финансовъ, въ трудномъ сопряженіи политическомъ и въ совершенномъ недостаткѣ всякаго рода положительныхъ законовъ и учрежденій. Когда же сіе время настанетъ, когда не прихотьми или подражаніемъ, но силою и движеніемъ обстоятельствъ имперія наша придетъ въ сію эпоху: тогда, какъ всѣ статьи установленія сего будутъ готовы, трудно ли будетъ приложить имъ приличное имя? И должно ли нынѣ въ неопредѣленномъ ожиданіи сей эпохи оставлять настоящее устройство сената въ его безсиліи и смѣшеніи единственно для того, чтобы сберечь и сохранить имя его для другихъ установленій?»

Слова эти, безспорно, доказываютъ, что Сперанскій не отказывался совсѣмъ отъ идей 1809 г.; законодательнымъ, политическимъ учрежденіемъ должна быть государственная дума, а не сенатъ. Реформой сената

Сперанскій подготовляетъ, очищаетъ путь для думы.

Проектъ былъ подготовленъ Сперанскимъ тщательно. Въ канцеляріи составленъ былъ краткій историческій очеркъ сената, заключавшій въ себѣ всѣ указы и другія законоположенія, относившіяся къ сенату за время 1711—1783 г. На рукописи этой есть помѣты Сперанскаго; далѣе въ его рукахъ былъ любопытный проектъ новаго устройства сената 1788 г. съ собственноручными помѣтами Екатерины II. Для Сперанскаго же А. Энгельсономъ составлена особая записка о дѣятельности сената за 1802—1810 гг. Изъ приложенной вѣдомости видно, что весьма распространенные упреки сенату въ медленности нельзя считать справедливыми, такъ:

въ	1777	г.	въ	сенатъ	пост.	3.093	д. рѣш.	2.512	д.
„	1805	„	„	„	„	40.660	„ „	27.815	„
„	1806	„	„	„	„	42.530	„ „	31.813	„
„	1807	„	„	„	„	44.711	„ „	34.822	„
„	1808	„	„	„	„	47.223	„ „	38.618	„
„	1809	„	„	„	„	51.542	„ „	45.181	„

Несомнѣнно, что въ послѣдніе передъ 1810 г. дни сенатъ работалъ очень напряженно, но наличныхъ силъ его нехватало на работу, такъ быстро разраставшуюся. А главное «качество» сенатской работы далеко не соотвѣтствовало количеству. «Меморіи не только цѣли своей не соотвѣтствуютъ, но и виду меморій не имѣютъ. Онѣ суть только копіи съ журналовъ и состоятъ изъ огромныхъ кипъ

бумагъ. За одну недѣлю ихъ бываетъ обыкновенно по цѣлой стопѣ и болѣе, а въ годъ около 50 стопъ. Разсматривать же ихъ особливо, дѣлать по онымъ соображенія не только затруднительно, но и совсѣмъ неудобно». Ревизія судовъ въ Россіи почти исчезла, ибо не только, палаты должны по предписанію сената, у себя пополнять дѣла, но даже и себѣ сенатъ предоставилъ это право въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣчены упущенія, т. е. сенатъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ себя принудилъ исполнять обязанности нижней или первой инстанціи; въ результатѣ такого порядка, при множествѣ инстанцій, отсутствіе надлежащей ревизіи судопроизводства

«Замѣчанія сдѣланы мною, писалъ Энгельсонъ, не въ обиду сему судилищу, но единственно съ тѣмъ, чтобы обратить на нѣкоторые безпорядки вниманіе таковой особы, которая имѣетъ въ рукахъ власть къ поправленію оныхъ, ибо я вывелъ тутъ примѣры, гдѣ сенатъ, сей хранитель законовъ, явнымъ образомъ сдѣлался не только нарушителемъ оныхъ, но сверхъ того изданнымъ отъ себя указомъ безъ доклада государю императору постановилъ узаконеніе отяготительное для народа, вопреки указамъ предписаннымъ».

На критикѣ сената правительствующаго, какъ органа административнаго, Сперанскій останавливался меньше. Въ этомъ отношеніи его идеи извѣстны уже изъ его

же проекта 1803 г.: совмѣстное сосуществованіе сената правительствующаго и комитета министровъ и раньше и впослѣдствіи казалось Сперанскому совершенно неправильнымъ: оно становилось еще болѣе, если можно такъ выразиться, неправильнымъ, послѣ изданія устава и наказовъ министерскихъ. Къ такому заключенію Сперанскій пришелъ какъ по соображеніямъ теоретическимъ, такъ и практическимъ. Узаконеніями опредѣлены были степени и предѣлы власти министровъ. Все что превышало ихъ власть, должно быть представляемо ими на высочайшее разрѣшеніе. Въ области законодательной разрѣшеніе таковое принадлежитъ державной власти, дѣйствующей въ государственномъ совѣтѣ; въ области управленія—державной власти, дѣйствующей въ правительствующемъ сенатѣ.

Разборъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству сената правительствующаго и комитета министровъ, приводилъ Сперанскаго опять къ заключенію о томъ, что комитетъ министровъ долженъ быть поглощенъ сенатомъ.

Дѣла, которыя должны разсматриваться въ правительствующемъ сенатѣ, Сперанскій дѣлитъ на три категоріи:

1) неподлежащія въ частности ни одному министру (обнародованіе законовъ);

2) дѣла, и по существующимъ законамъ, принадлежащія сенату: заключеніе контрактовъ и подрядовъ на «важныя» суммы, дѣла винныя (откупныя), опредѣленіе къ мѣстамъ

3) дѣла, которыя должны представляться на высочайшее воззрѣніе.

Разрѣшеніе дѣлъ первыхъ двухъ категорій не представляло затрудненій, такъ какъ они и раньше разрѣшались сенатомъ. Но какъ поступить съ дѣлами третьей категоріи, т. е. требовавшими высочайшаго разрѣшенія? Если бы можно было разсчитывать на постоянное присутствованіе въ правительствующемъ сенатѣ государя, то вопросъ этотъ разрѣшался бы самъ собой; но разъ это невозможно, то какимъ образомъ, черезъ кого дѣла эти будутъ докладываемы государю? Чрезъ одно лицо? Опытомъ, однако, уже доказаны неудобства, проистекающія отъ единоличныхъ докладовъ. Остается, слѣдовательно, предоставлять такіе доклады каждому министру, но въ совокупномъ присутствіи всѣхъ министровъ; выгоды послѣдняго образа докладовъ очевидны: остальные министры могутъ свободно заявить здѣсь же свое мнѣніе наряду съ мнѣніемъ министра докладывающаго. Но такой совмѣстный докладъ и есть комитетъ министровъ, а слѣдовательно комитетъ министровъ есть не что иное, какъ особое засѣданіе правительствующаго сената въ высочайшемъ присутствіи, и слѣдовательно правительствующій сенатъ долженъ имѣть въ будущемъ два рода засѣданій: въ высочайшемъ присутствіи и безъ государя. Дѣла, которыя требуютъ соблюденія полной

тайны, должны быть разсматриваемы въ кабинетѣ.

Итакъ, всѣ дѣла текущаго управленія будутъ разсматриваемы и разрѣшаемы въ правительствующемъ сенатѣ.

Переходя къ сенату судебному, Сперанскій старался прежде всего поднять его значеніе въ глазахъ населенія. Лучшимъ средствомъ для этого ему представлялось измѣнить самый составъ высокаго учрежденія, которое должно состоять какъ изъ членовъ по назначенію такъ и по выбору, причемъ тѣхъ и другихъ должно быть поровну (ср. Планъ).

Только симъ способомъ можно доставить сенату ту степень свободы, независимости и уваженія, которыя должны принадлежать высшему въ имперіи судебному сословію. Затѣмъ рѣшенія сената—окончательныя; никакія жалобы на рѣшенія общаго собранія сената не должны быть допускаемы. Сперанскій справедливо указывалъ, что при тогдашнемъ судоустройствѣ у насъ было 7 инстанцій и, несмотря на это, повсюду раздавались жалобы на «неправосудіе». Сперанскій понималъ, что нелегко провести въ русскую жизнь запрещеніе подавать государю жалобы на рѣшенія сената; тѣмъ не менѣе, для утвержденія законности въ жизни онъ считалъ это существенно необходимымъ и нельзя не согласиться, что обновленный въ своемъ составѣ судебный сенатъ, поставленный столь высоко, сдѣлался бы учрежденіемъ

совершенно независимымъ отъ административной власти, и въ то же время верховная власть была бы освобождена отъ массы мелкихъ, сравнительно, дѣлъ. Дѣло, разсуждалъ Сперанскій, изъ департамента сената, въ которомъ засѣдаетъ до 7 сенаторовъ, переносится въ общее собраніе, гдѣ присутствуетъ до 50 сенаторовъ, на томъ основаніи, что 50 человѣкъ разсудятъ лучше, нежели семеро; а затѣмъ не рѣдко рѣшеніе общаго собранія сената разсматривается *однимъ* рекетмейстеромъ, т. е. одинъ оказывается умнѣе 50! Выходъ изъ такого положенія вещей Сперанскій видѣлъ въ установленіи запрещенія жалобъ на рѣшенія сената; съ этою же цѣлью, очевидно, онъ и вводилъ въ сенатъ выборныхъ членовъ: если бы и обновленный сенатъ оказался не на высотѣ своего положенія, то отвѣтственность за такое положеніе падала бы и на населеніе. Нельзя не признать, что независимое положеніе сената, его широкія права по пересмотру судебныхъ рѣшеній, ревизіи и управленію судебными мѣстами Имперіи, могли обезпечить населенію законность, въ которой оно столь сильно нуждалось.

По дѣламъ тяжебнымъ Сперанскій проектировалъ считать окончательными рѣшенія департамента по большинству голосовъ; въ дѣлахъ по отчужденію *казенной* собственности въ случаѣ протеста министра юсти-

ціи дѣло переносится въ общее собраніе сената, гдѣ и рѣшается окончательно.

Приговоры по дѣламъ уголовнымъ, соединенные съ лишеніемъ правъ чести и правъ дворянства, постановленные общимъ собраніемъ, утверждаются государемъ. Помилованіе, конечно, остается прерогативой монарха. Дѣла по важнымъ государственнымъ преступленіямъ, напр. измѣна, заговоръ, разсматриваются верховнымъ уголовнымъ судомъ; наконецъ, изъ сенаторовъ, по ихъ выбору, образуется верховный совѣстный судъ, въ который поступаютъ дѣла по опредѣленію общаго собранія сената, разсмотрѣннаго государственнымъ совѣтомъ.

Чтобы приблизить верховное судилище къ населенію, Сперанскій принималъ мысль объ устройствѣ сенатовъ въ четырехъ городахъ имперіи: Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани. Каждый сенатъ состоялъ изъ четырехъ департаментовъ: по тяжебнымъ казеннымъ дѣламъ, частнымъ тяжебнымъ, уголовнымъ и межевымъ (временно).

Проектъ Сперанскаго былъ сначала разсмотрѣнъ въ комитетѣ председателей совѣта. Любопытны ихъ отзывы. Вліятельное положеніе Сперанскаго чувствуется на робости критики. Завадовскій и Лопухинъ представили рядъ второстепенныхъ возраженій: должности министра юстиціи и генералъ-прокурора не должны быть соединены въ одномъ лицѣ; сенаторы должны быть особами 3-го класса; приговоры о

лишеніи дворянства, тѣмъ болѣе жизни, должны быть вносимы къ государю, но не подписываемы имъ (Завадовскій); предсѣдатель сената долженъ наблюдать, чтобы сенаторы собирались въ опредѣленное время и высиживали опредѣленные часы (Лопухинъ) *).

Графъ Кочубей оказался значительно либеральнѣе Сперанскаго; онъ боится, какъ бы при либеральныхъ правилахъ проекта не вкрались «противныя» начала; ему кажется, что часть исполнительная недостаточно ясно отдѣлена отъ судебной. Что скажутъ въ просвѣщенной Европѣ? Что скажутъ, когда съ проектомъ сличатъ установленія даже Наполеона, желающаго управлять азіатами?

Недовольный тѣмъ, что давалъ проектъ Сперанскаго, очевидно, ждавшій политической реформы, Кочубей переходитъ къ подробностямъ, ярко характеризующимъ тогдашніе нравы въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ. Нужно ли министрамъ и членамъ государственнаго совѣта быть сенаторами по званію своему? Часто видѣлъ, отвѣчаетъ себѣ бывшій министръ, большую храбрость, когда не было министра, по части коего дѣло производилось, но лишь только являлся онъ, то слѣдовало молчаніе или самое подлое снисхожденіе. Примѣры сего вліянія и весьма недавно въ сенатѣ были.

*) Отзывъ Мордвинова см. Архивъ гр. Мордвиновыхъ т. IV, № 934.

Предполагавшееся уничтоженіе комитета министровъ радовало кн. Кочубея; въ комитетъ министры будто бы возили дѣла на пароконныхъ телѣгахъ съ фельдъегерями; конечно, это гипербола, но фактъ, что благодаря этому учрежденію, неопытности нѣкоторыхъ министровъ, государь безусловно заваленъ былъ мелкими дѣлами.

Вслѣдъ затѣмъ проектъ былъ внесенъ въ общее собраніе государственнаго совѣта (засѣд. 17, 24 и 31 іюля и 7 авг. 1811 г.). Замѣчаній сдѣлано было немало; наиболѣе существенныя принадлежали Попову, гр. А. Н. Салтыкову и кн. А. Н. Голицыну. Первые двое находили проектъ прежде всего не «ко времени»,—вводить въ жизнь новое установленіе во время войны, финансоваго разстройства при всеобщемъ недостаткѣ въ людяхъ! По существу же проекта выставлено было до 25 отдѣльныхъ возраженій (Алексѣевъ, А. Н. Голицынъ, Вейдемейеръ, Кампенгаузенъ, Мордвиновъ, А. Н. Салтыковъ, Поповъ, Кошелевъ, Вязьмитиновъ). Порядокъ рѣшенія дѣлъ—запрещеніе приношенія жалобъ на рѣшенія сената, новый порядокъ назначенія сенаторовъ, раздѣленіе сената судебнаго на четыре округа, участіе министровъ въ сенатѣ, канцелярія, верховный совѣстный судъ и т. д.—вотъ предметы, затронутые въ государственномъ совѣтѣ. Сперанскимъ составленъ былъ сводъ сдѣланнымъ замѣчаніямъ, къ своду приложена

записка, въ которой онъ горячо защищаетъ свой проектъ, уступая противникамъ только въ мелочахъ. Въ послѣднемъ засѣданіи предсѣдательствовалъ государь. По открытіи засѣданія былъ прочитанъ сводъ замѣчаній и государь спросилъ, находятъ ли члены государственнаго совѣта сводъ содержащимъ въ себѣ силу всѣхъ поданныхъ мнѣній. Послѣ единогласнаго утвердительнаго отвѣта, государь поставилъ на разрѣшеніе вопросъ, существуютъ ли причины, необходимыя для введенія новаго учрежденія сената? Большинствомъ 18 противъ 3 этотъ вопросъ рѣшенъ былъ утвердительно. На поставленный государемъ вопросъ, благовременно ли нынѣ ввести новое установленіе, 9 членовъ высказались въ положительномъ, а 12—полагали: отложить до удобнѣйшаго времени. Государь согласился съ мнѣніемъ меньшинства, но (и это представляется намъ весьма интереснымъ) другою рукою на журналѣ приписано: «предоставляю себѣ назначить опредѣлительную эпоху». Приписка, сдѣланная другою рукою на журналѣ, фразы, значительно видоизмѣняющей рѣшеніе, представляется намъ весьма интересной и даже нѣсколько загадочной.

Особый порядокъ для исковъ къ казнѣ принятъ былъ 16 противъ 1; 20 противъ 1 голоса признано было, что сфера сената вполнѣ достаточно отдѣлена отъ сферы совѣта; раздѣленіе на 4 округа прошло 13 голосами противъ 9; опредѣленіе въ сенатъ

по выборамъ 15 голосами противъ 7. Противъ этого пункта особенно сильно возражали гр. П. И. Салтыковъ и сынъ его гр. А. Н. Салтыковъ, которые считали такое нововведеніе противнымъ самодержавію и даже цѣлостности Имперіи, опаснымъ при условіи запрещенія жалобъ на опредѣленіе сената. Нововведеніе это обратится въ источникъ злоупотребленій тѣмъ болѣе, что населенію запрещается искать прибѣжища подъ сѣнью закона.

Самый важный пунктъ новаго устава—запрещеніе жалобъ на рѣшенія сената—въ совѣтѣ по прочтеніи за него высказалось 9 членовъ противъ 13; государь опять утвердилъ мнѣніе меньшинства. Противъ этого пункта горячо возражали Поповъ и Голицынъ: народъ русскій привыкъ искони почитать въ лицѣ государя земное божество, верховнаго судью. Всякій твердо былъ увѣренъ, что слезы и вопль угнетенной невинности всегда могутъ достигнуть къ престолу монаршему. Горестно было бы лишить народъ сей утѣшительной надежды. Какія основанія могутъ побудить самодержавную власть удѣлить судному департаменту одну изъ существеннѣйшихъ своихъ принадлежностей — окончательное рѣшеніе судныхъ дѣлъ? Пока въ Россіи нѣтъ свода законовъ, возможны частыя ошибки; слѣдовательно, будутъ жалобы, въ какомъ же положеніи окажется государь? Къ чему государю связывать себя словомъ, когда общее мнѣніе, что *только* госуда-

рево вліяніе на всѣ части управленія можетъ доставить дѣламъ правильное рѣшеніе?

Остальныя замѣчанія редакціоннаго характера. Нѣкоторые члены совѣта, не присутствовавшіе на засѣданіи, отозвались письменно. Въ сводѣ замѣчаній, сдѣланныхъ Сперанскимъ, помѣщено было и замѣчаніе Мордвинова. Но Мордвиновъ въ общемъ былъ въ восторгѣ отъ труда Сперанскаго и писалъ ему: «сожалѣю, однако, что помѣстили меня въ число спорящихъ. Мои замѣчанія недостойны были ни опроверженія, ни выписки. Я препроводилъ ихъ къ вамъ при запискѣ, въ которой писалъ, что сообщаю не въ видѣ критики. Мнѣніе мое о семъ преизящномъ трудѣ вашемъ подробно изложено въ первой бумагѣ, которую я подалъ; мнѣніе мое утвердилось еще болѣе по прочтеніи опроверженія вашего на противныя сужденія».

Иначе отозвался старикъ Державинъ: «Судъ на судѣ, сенатъ на сенатѣ, чиновникъ на чиновникѣ, почти равносильные по одному и тому же дѣлу. Многосложныя машины слабо дѣйствуютъ, скоро и безпрестанно портятся. Когда и порознь съ оберъ-секретарями не умѣли ладить, что же теперь будутъ дѣлать съ привилегированными рекетмейстерами? Зачѣмъ рукамъ собираться, когда ихъ дѣло только писать, что приказано. Это дѣло головъ, но онѣ не подписываютъ

не только протоколовъ, но и журналовъ... Почитаю сіе преобразованіе еще неполнымъ, ибо нѣтъ въ немъ твердаго основанія... Кажется мнѣ, что все это можно бы сдѣлать проще, короче, яснѣе и удобнѣе, не столь убыточнымъ и болѣе охраняющимъ единство власти монаршей, безъ коей Россія благополучна быть не можетъ».

Итакъ, вопреки желанію Сперанскаго, въ совѣтѣ поставленъ былъ вопросъ о самодержавіи. Нѣкоторые члены совѣта и такой старый дѣлецъ, какъ Державинъ, въ выборныхъ сенаторахъ и, главнѣйше, въ запрещеніи приносить жалобы на рѣшенія сената, усмотрѣли ограниченіе правъ самодержавной власти. Такая постановка не могла быть пріятной для Сперанскаго. Однимъ изъ рѣшительнѣйшихъ доводовъ Сперанскаго было утвержденіе, что проектъ этотъ предусмотрѣнъ манифестомъ 1 января 1810 г. и что за устройствомъ законодательной части (государственный совѣтъ) и исполнительной (министерство) необходимо переустроить и судебную часть. Освобожденный отъ зависимости министрамъ, судебный сенатъ, наполовину составленный изъ выборныхъ членовъ, по мнѣнію противниковъ Сперанскаго, послужилъ бы мостомъ, который долженъ былъ соединить самодержавную Россію съ Россіей конституціонной. Противники Сперанскаго догадались объ этомъ раньше, чѣмъ онъ предполагалъ и хотѣлъ. И Сперанскій не могъ

не видѣть своего пораженія; въ двухъ существеннѣйшихъ пунктахъ большинство совѣта было противъ него; правда, государь утвердилъ его, Сперанскаго, мнѣніе, за которое высказалось меньшинство, но Сперанскій не могъ скрыть отъ себя, что среди большинства были люди, очень близкіе къ государю (гр. Н. И. Салтыковъ, кн. А. Н. Голицынъ) и что они заподозрѣли его въ покушеніи на самодержавную власть монарха.

Настроеніе Сперанскаго ясно обрисовывается изъ представленнаго имъ государю доклада по окончаніи преній въ совѣтѣ. Въ архивѣ государственнаго совѣта намъ попались два списка этого доклада: одинъ черновой, не конченный; другой—чистовой. Между ними разница, характерная и для Сперанскаго, и для эпохи. Въ черновомъ докладѣ, безъ конца, Сперанскій предлагалъ государю ввести реформу, ввести ее *незамѣтно*.

Сперанскій признаетъ, что всѣ мнѣнія государственнаго совѣта сводятся къ двумъ положеніямъ: хорошо, да не время.

Сперанскій не скрываетъ, что «время» въ данномъ случаѣ только предлогъ; ему представляется, что противники ухватились за несвоевременность проекта, не имѣя возможности возражать чего либо по существу. Правительствующій сенатъ составляется изъ министровъ; можно ли допустить, что министры будутъ содѣйствовать учрежденію, которое устанавливается

противъ мнѣнія большинства министровъ? За «своевременность» проекта подали голоса только трое изъ министровъ (Козодавлевъ, б. Кампенгаузенъ и Барклай-де-Толли). Иначе, разсуждаетъ Сперанскій, и быть не могло, такъ какъ проектъ лишаетъ министровъ драгоцѣннаго права докладывать лично государю императору и по докладамъ этимъ объявлять высочайшіе указы безъ всякой отвѣтственности; проектъ лишаетъ министровъ права раздавать чины и награды почти по произволу. Равнымъ образомъ устройство судебнаго сената не можетъ быть пріятно и почти всему наличному составу сената. Съ другой стороны, исключительно частныя возраженія противъ отдѣльныхъ пунктовъ доказываютъ истину и силу проекта, обезпечиваютъ ему успѣхъ, который былъ бы яснѣе для всѣхъ, если бы извѣстно было предполагаемое устройство суда и управленія въ губерніяхъ. Далѣе, по обычаю своему, Сперанскій ссылается на общественное мнѣніе и настроеніе: общее недовольство судомъ будетъ отнынѣ сильнѣе, такъ какъ проектъ доказалъ возможность новаго порядка: старый терпѣли, какъ неизбѣжное зло. Теперь необходимо, заключаетъ Сперанскій, дать успокоиться воспаленію страстей: холодный разумъ укажетъ всѣмъ,—кому яснѣе выгоды сего учрежденія (т. е. сената). Но вотъ что важно и что зависитъ исключительно отъ высочайшаго разрѣшенія: судебныя дѣла мо-

гутъ нѣкоторое время подождать, но дѣла, поступающія въ I департаментъ сената и министерскій комитетъ такъ неустроены, что если терпѣніе (очевидно ваше, т. е. государево) дошло до той степени, что неугодно вамъ еще нѣкоторое время ждать, то часть сію можно устроить такъ,—и далѣе Сперанскій предлагаетъ рядъ мѣръ, которыми существенная часть его проекта сената правительствующаго можетъ быть осуществлена незамѣтно:

1) Въ I департаментѣ сената оставить членами однихъ министровъ, остальныхъ размѣстить по другимъ департаментамъ подъ предлогомъ большого количества дѣлъ.

2) Наименовать государственныхъ министровъ и велѣть имъ присутствовать въ I департаментѣ сената и комитетѣ.

3) Рескриптомъ на имя предсѣдателя ввести въ I департаментѣ обряды, положенные (по проекту) для обыкновенныхъ собраній правит. сената.

4) Комитету министровъ предложить вмѣсто его инструкціи руководствоваться правилами, предложенными (въ проектѣ(для особаго присутствія правительствующаго сената.

5) Переименовать оберъ-прокурора I департамента въ статсъ-секретари и т. д.

Очевидно, этотъ докладъ писанъ былъ въ первые дни послѣ неудачи, въ моментъ, когда Сперанскій не совсѣмъ легко отдавалъ себѣ отчетъ въ происшедшемъ: только въ такой моментъ Сперанскій

могъ посовѣтовать государю ввести реформу столь унизительнымъ путемъ. Въ чистовомъ экземплярѣ онъ справедливо осуждаетъ подобный способъ дѣйствія. «Люди противодѣйствовавшіе возмечтаютъ, что правительство не имѣло довольно твердости, чтобы идти прямо противъ пустыхъ предубѣжденій, и потому рѣшилось лучше взять околичный путь. Путь сей, всегда унизительный, можетъ быть допускаемъ въ одной только крайности обстоятельствъ. Все это будетъ имѣть видъ нѣкоторой хитрости, недостойной правительства. Люди, которые противодѣйствовали сему учрежденію не столько открытыми ихъ мнѣніями сколько потаенными путями, возмнятъ, что они въ самомъ дѣлѣ устранили ихъ разглашеніемъ и принудили правительство уклониться съ прямого пути». Указавъ далѣе на цѣлый рядъ затрудненій, отчасти принципіальнаго, отчасти практическаго характера, съ которыми встрѣтилось бы правительство, идя по первому пути, Сперанскій предлагаетъ государю: опредѣлить рѣшительно время, когда новое устройство можетъ быть введено, за 2—3 мѣсяца манифестомъ назначить выборы въ сенаторы (приложенъ и проектъ манифеста), учредить предварительный комитетъ изъ предсѣдателей департаментовъ совѣта и министра юстиціи, при манифестѣ издать и самое учрежденіе, назначить соотвѣтствующихъ лицъ на должности предсѣдателей и министра, управляющаго письмоводствомъ.

Самые выборы Сперанскій полагалъ произвести обыкновеннымъ порядкомъ, т. е. такъ, какъ производились тогда дворянскіе выборы, внушивъ дворянству, чтобы оно выбирало лицъ, заслуживающихъ особаго довѣрія и уваженія, какъ по ихъ нравственнымъ свойствамъ, такъ и по опытности въ службѣ; не позволялось избирать только находящихся на дѣйствительной военной службѣ; избираемые должны были имѣть не менѣе 35 лѣтъ; окладъ жалованья имъ назначался дворянствомъ, но не менѣе 3.000 руб. въ годъ.

Какъ извѣстно, государь не утвердилъ этихъ предположеній Сперанскаго; слѣдовательно, осенью 1811 г. онъ потерпѣлъ сильное пораженіе.

Тогда же государю были поданы любопытные Refléxions sur le projet du statut de senat dirigeant par M. B. Août 1811: — Мемуаръ этотъ, надо думать, написанъ М. А. Балугьянскимъ; въ архивѣ государственнаго совѣта есть мемуары его, помѣченные только двумя упомянутыми инціалами; и по содержанію онъ обнаруживаетъ того же уважаемаго юриста, какимъ былъ Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій. Очень можетъ быть что дружественная Сперанскому партія или убѣдила Балугьянскаго самостоятельно выступить съ политическимъ трактатомъ, или устроила дѣло такъ, что отъ имени государя ему приказано было подать мнѣніе по поводу проекта Сперанскаго.

М. В. устанавливаетъ прежде всего двѣ точки, съ которыхъ должно смотрѣть на проектъ Сперанскаго: 1) какъ на реформу только сената или 2) какъ на образованіе сословія (corps) законодательнаго.

Въ первомъ случаѣ М. В. не находитъ нужнымъ много распространяться: ясно, что новое устройство во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучше прежняго, и потому авторъ ограничивается второстепенными замѣчаніями.

Иное дѣло, если смотрѣть на этотъ проектъ, какъ на первый шагъ къ конституціи: М. В. горячо доказываетъ и своевременность подобной мѣры и то, что русскій народъ вполнѣ заслуживаетъ этого. Русскій народъ флегматиченъ, трудолюбивъ, разсудителенъ и способенъ принять свободу. Направленный своимъ геніемъ къ торговлѣ и искусствамъ, онъ походитъ болѣе на англичанъ, голландцевъ, народы сѣвера, всегдашнихъ друзей свободы, чѣмъ на французовъ легкомысленныхъ, хвастливыхъ, то суевѣрныхъ, то невѣрующихъ, привыкшихъ къ деспотіи, попиравшихъ нравы отечества и вѣру свою. Всякій законодатель дѣлалъ изъ своего народа, что хотѣлъ. Александръ хочетъ славы, онъ будетъ ее имѣть, если установленныя имъ учрежденія дадутъ просторъ духу, а не свяжутъ цѣпи рабства. Для этого М. В. проектируетъ на-ряду съ сенатами судебнымъ и правительствующимъ сенатъ законодательный. Никакой законъ, никакой

расходъ не могутъ имѣть мѣсто безъ согласія сената законодательнаго. Сенатъ законодательный составляютъ двѣ палаты, сенатъ и палата депутатовъ. Въ первую верхнюю палату входятъ: принцы крови, верховные сановники, члены государственнаго совѣта, министры, сенаторы—члены сенатовъ правительствующаго и судебнаго и лица, особо назначенныя туда государемъ. Депутаты нижней палаты избираются: дворянствомъ по 1 на губернію, императорскими (крупными) городами, академіей наукъ и университетами, духовенствомъ—по одному съ епархіи, отъ банковъ, большихъ промышленныхъ компаній. Избранными могутъ быть только собственники; исключеніе сдѣлано лишь для духовенства; профессорамъ (университетовъ) лучше бы предписать избирать *не* профессора.

Въ общемъ конституція М. В. весьма любопытный трактатъ; но еще знаменательнѣе отношеніе его къ проекту реформы сената: въ умахъ современниковъ тѣсно сплелись планъ Сперанскаго и дарованіе Россіи конституціи: то отступленіе, которое долженъ былъ сдѣлать Сперанскій, не всѣмъ еще выяснилось, какъ не выяснились еще и причины его отступленія.

Рядомъ съ конституціей Балугьянскаго существуетъ еще проектъ извѣстнаго Розенкампфа.

Противники Сперанскаго стояли на той же почвѣ, что и его союзники: незави-

симое положеніе суда въ Россіи равнялось въ ихъ глазахъ введенію представительнаго образа правленія. Такъ ли это?

Одновременно обсуждалось и проводилось въ жизнь преобразованіе министерства. Въ ученой литературѣ давно выяснено, насколько несовершенно было первое (1802 г.) учрежденіе министерствъ. Сперанскій въ общемъ вѣрно уловилъ нѣкоторые существенные недостатки внутренней организаціи министерствъ. Главный недостатокъ реформы 1802 г. Сперанскій сводилъ къ тремъ основаніямъ: 1) недостатокъ отвѣтственности министровъ; 2) недостаточно точное раздѣленіе дѣлъ и 3) недостатокъ учрежденій (дѣла, не бывъ раздѣлены на свои степени, всѣ попрежнему стекаются въ однѣ руки и естественно производятъ пустое многодѣліе и безпорядокъ). Все это было совершенно вѣрно, и практика 1802—1810 гг. дала убѣдительныя доказательства несовершенства реформы 1802 г. Сначала Сперанскій предложилъ новое раздѣленіе государственныхъ дѣлъ въ порядкѣ исполнительномъ (манифестъ 25 іюля 1810 г.), а почти черезъ годъ (манифестъ 25 іюня 1811 г.) издано было общее учрежденіе министерствъ.

Какъ проведены были эти реформы и какова была при этомъ роль Сперанскаго?

Въ составленіи проектовъ этихъ учрежденій онъ принималъ живѣйшее участіе. Министерства организованы были почти совсѣмъ такъ, какъ проектировалъ ихъ

Сперанскій въ своемъ планѣ. Немало сохранилось доказательствъ и другого рода. Прежде всего для разсмотрѣнія учрежденій министерствъ образованъ былъ особый комитетъ, изъ предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта. Въ рескриптѣ канцлеру Н. П. Румянцеву (27 мая 1810 г.) читаемъ: «какъ предметъ сей не принадлежитъ отдѣльно ни къ одному изъ департаментовъ государственнаго совѣта, то призналъ я нужнымъ особый порядокъ для сего рода дѣлъ». Журналы комитета этого свидѣтельствуютъ, какъ сравнительно мало измѣненій онъ внесъ въ первоначальные проекты; комитетъ вносилъ только нѣкоторыя измѣненія; такъ, проектъ министерской инструкціи комитетъ нашелъ удобнымъ по образу производства, краткости и единообразію. Вторая часть наказа министерства финансовъ вызвала, кромѣ нѣсколькихъ замѣчаній, положеніе: заняться по сношеніи съ министромъ финансовъ прочнымъ образованіемъ государственнаго казначейства въ видѣ отдѣльнаго министерства и, кромѣ того, оставить въ своемъ дѣйствіи нейтральную комиссію и экспедицію государственныхъ доходовъ. Эти проекты вносили отдѣльные министры и затѣмъ исправляли по соглашенію съ государственнымъ секретаремъ на основаніи замѣчаній, сдѣланныхъ въ комитетѣ. Уже послѣ ссылки Сперанскаго морской министръ (марк. Траверсе) просилъ возвратить ему «оригинальные и

скопированные, существующіе по морскому министерству постановленія и законы, истребованные отъ него бывшимъ государственнымъ секретаремъ по случаю внесенія проекта образованія министерствъ». Сохранилась краткая записочка-письмо Сперанскаго къ гр. Н. П. Румянцеву. Сперанскій имѣлъ въ рукахъ на часъ трудъ Вестмана— учрежденіе министерства иностранныхъ дѣлъ; Сперанскій наскоро сдѣлалъ небольшое извлеченіе изъ проекта; отмѣтимъ, что въ существенномъ идеи Вестмана мало различаются отъ его собственныхъ идей,— и что наиболѣе рѣзкое отличіе въ томъ, что Сперанскій проектировалъ для этого министерства три департамента, тогда какъ Вестманъ—только два. Въ еще болѣе оживленныхъ сношеніяхъ былъ тогда Сперанскій съ Гурьевымъ, министромъ финансовъ; сохранилось немало записочекъ Сперанскаго къ Гурьеву, помѣченныхъ днями; то онъ сообщаетъ Гурьеву начала финансовой системы—«начала сіи не мои и весь трудъ мой состоитъ только въ выборѣ ихъ изъ лучшихъ извѣстныхъ вамъ писателей»,—то онъ предваряетъ Гурьева, о чемъ, вѣроятно, съ нимъ будетъ говорить государь; то онъ обращаетъ вниманіе министра финансовъ на банкира Ралля, то оговаривается съ Гурьевымъ, какъ провести въ департаментѣ экономіи изъятія по случаю новаго налога на вино въ пользу Финляндіи, Курляндіи и литовскихъ губерній, на что онъ, Сперанскій, получилъ повелѣніе;

«если завтра пожалуете, то и о семъ, можетъ быть, побесѣдуемъ», заключаетъ Сперанскій.

Сперанскій вѣрно изобразилъ свою роль въ этой реформѣ въ пермскомъ письмѣ; по его словамъ, имъ составленъ былъ общій уставъ, составленіе же частныхъ уставовъ возложено было на отдѣльныхъ министровъ. «Здѣсь и начались трудности, ибо каждый министръ, считая ввѣренное ему министерство за пожалованную ему деревню, старался наполнить ее людьми и деньгами. Тотъ, кто прикасался къ сей собственности, былъ явный иллюминатъ и предатель государства—это былъ я». Сперанскому одному пришлось вести тяжбу противъ восьми сильныхъ.

Едва ли этотъ отзывъ преувеличенъ; при господствѣ личныхъ отношеній, понятна вражда, которую долженъ былъ возбудить противъ себя смѣлый организаторъ. Эти нападки, также нападки за сенатъ,—онъ и считалъ въ письмѣ изъ Нижняго-Новгорода главною причиною своей погибели, когда говорилъ, что Планъ былъ главной и единственной причиной того, что съ нимъ случилось.

Безусловно Сперанскій принималъ большое и сильное участіе въ подготовленіи, исправленіи и окончательной отдѣлкѣ вносимыхъ въ совѣтъ и комитетъ председателей проектовъ учрежденій и министерскихъ наказовъ; онъ былъ душою всего

этого сложнаго дѣла. Оно вылилось въ двухъ названныхъ манифестахъ 1810 и 1811 гг.

Манифестомъ 1810 г., 25 іюля, было обнародовано новое раздѣленіе государственныхъ дѣлъ; комитетъ министровъ въ засѣданіи 4 августа могъ уже распредѣлить дѣла согласно новому образованію министерствъ. Огромное это дѣло далеко не было закончено къ началу 1812 г., оно остановилось, очевидно, вслѣдствіе паденія Сперанскаго.

Спрашиватся, насколько удачно было это переустройство министерской системы?

Самая сильная сторона реформы Сперанскаго—внутренняя организація министерствъ. Недостатки положенія 1802 г. къ 1810 г. сказались сильно (записки Кочубея, Трощинскаго). Отнынѣ коллегіальное начало уничтожено и министерства организованы, какъ строго бюрократическія учрежденія. Министерства «установлены на тотъ конецъ, чтобы непрерывнымъ дѣйствіемъ ихъ и надзоромъ доставить законамъ и учрежденіямъ скорое и точное исполненіе»; министръ имѣлъ полную возможность понуждать всѣ подчиненныя ему мѣста и лица къ исполненію законовъ и учрежденій; всякое дѣло по своему усмотрѣнію министръ можетъ предназначить къ своему разрѣшенію.

Учрежденіемъ министерствъ Сперанскій чрезвычайно гордился: «смѣю утверждать съ достовѣрностью, что ни одно государство въ Европѣ не можетъ похвалиться

учрежденіемъ столь опредѣлительнымъ и твердымъ. Оно лежитъ теперь покрыто пылью и прахомъ, но время и опытъ возстановятъ его и оправдаютъ». Послѣднія слова не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Въ 1814 г. министерства находились въ такомъ же положеніи, въ которомъ ихъ оставилъ Сперанскій въ 1812 г.

Безусловно‘ по своей организаціи строго бюрократической они значительно превосходятъ учрежденія 1802 года. Въ министерствахъ, одинаково устроенныхъ, хорошо дисциплинированныхъ, верховная власть получила сильное и надежное орудіе для проведенія въ жизнь своихъ предначертаній; къ тому же министерства оказались оружіемъ чрезвычайно гибкимъ. Нельзя, однако, восхищаться этимъ учрежденіемъ въ той мѣрѣ, въ какой имъ восхищается самъ творецъ ихъ. Избранныя Сперанскимъ системы очень хороши при условіи дѣйствительной отвѣтственности министровъ предъ собраніемъ представителей. Послѣ отказа отъ учрежденія думы вопросъ о министерствахъ слѣдовало пересмотрѣть; быть можетъ при тогдашнихъ условіяхъ, при отсутствіи отвѣтственности, невыгодно было для дѣла ввѣрять министру столь огромную власть и давать въ его распоряженіе вѣдомство, въ которомъ всѣ и каждый были въ полной зависимости отъ него. Вмѣсто рѣшенія этого вопроса Сперанскій ограничился созданіемъ новаго

порядка отвѣтственности, весьма далекаго отъ прежняго.

Вслѣдствіе спѣшности и того, что основанія Плана мѣнялись, явилась противорѣчія, замѣченныя уже тогда (Сборн. Имп. рус. ист. общ., т. 90, стр. 60), противорѣчія весьма важныя въ порядкѣ, коими министры должны были испрашивать отмѣну, ограниченія и дополненія прежнихъ положеній: по ст. 228 они должны были по такимъ предметамъ обращаться въ государственный совѣтъ, а по ст. 235—въ правительствующій сенатъ, а по ст. 232 могли даже обратиться непосредственно къ Государю! Между тѣмъ вопросъ этотъ чрезвычайно важный: Сперанскій хорошо зналъ, что именно такимъ путемъ ослаблялась и даже уничтожалась сила закона. Существеннымъ недостаткомъ положенія 1802 года Сперанскій считалъ то, что «дѣла, не бывъ раздѣлены на свои степени, всѣ по прежнему стекаются въ однѣ руки и естественно производятъ многодѣліе и безпорядокъ», т. е., что рѣшеніе всякаго дѣла зависѣло отъ министра, который былъ поэтому заваленъ мелочами. Сперанскій опредѣлилъ кругъ дѣлъ, которыя директора департаментовъ имѣли право разрѣшать сами. Практическихъ послѣдствій отъ этого не было: чиновники подчиненные отвѣчали передъ министромъ только за вѣрность въ изложеніи дѣла на бумагѣ; избѣгая отвѣтственности, подносили всѣ дѣла на разрѣшеніе министра.

Недостатки эти—слѣдствіе послѣдовательно проведеннаго уничтоженія коллегіальнаго начала въ министерствахъ. Въ настоящее время послѣ продолжительнаго опыта можно сказать, что въ монархическомъ государствѣ при безотвѣтственности министровъ управленіе выигрываетъ при сохраненіи въ министерствахъ нѣкоторыхъ коллегіальныхъ органовъ. Сперанскій сознавалъ это и самъ организовалъ въ министерствахъ совѣты министровъ и общія присутствія департаментовъ; но составъ этихъ учрежденій, изъ лицъ вполнѣ зависимыхъ отъ министра (или директора) привелъ къ тому, что значеніе ихъ было ничтожно; и въ комитетѣ 1826 г. признано было необходимымъ составить совѣты изъ людей, независимыхъ отъ министра; хотя это не осуществилось, но во всѣхъ министерствахъ послѣдовательно возникъ цѣлый рядъ коллегіальныхъ учрежденій (мануфактурный совѣтъ 1828 г., коммерческій—1829 г., ученые комитеты и т. п.).

Раздѣленіе дѣлъ по министерствамъ 1811 г. въ теоріи значительно совершеннѣе перваго раздѣленія 1802 г.: оно систематично, ибо выходитъ изъ начала, что исполнительный порядокъ есть приведеніе въ дѣйствіе закона, и потому, какъ раздѣляются законы, такъ же должно быть раздѣлено и управленіе. Сообразно этому получается пять главныхъ частей управленія: а) внѣшнія сношенія = 1) министер-

ство иностранныхъ дѣлъ; б) устройство внѣшней безопасности = 2) военное и 3-морское министерства; в) публичная экономія—народная промышленность=4) министерство внутреннихъ дѣлъ, доходы= 5) министерство финансовъ, расходы = 6) государственное казначейство, провѣрка счетовъ = 7) государственный контроль; г) устройство внутренней безопасности = 8) министерство полиціи; д) устройство и надзоръ суда=9) министерство юстиціи.

Сверхъ того Сперанскимъ указаны были части управленія, которыя не могли быть подведены подъ указанное начало, а именно дѣла духовныя и, наконецъ, такія части, какъ учебныя заведенія, почты и пути сообщенія, которыя всѣ могли бы быть отнесены къ министерству внутреннихъ дѣлъ, но которыя по соображеніямъ практическимъ удобнѣе и цѣлесообразнѣе было бы выдѣлить въ самостоятельныя вѣдомства. Отсюда возникли: 10) министерство народнаго просвѣщенія, 11) главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій 12) главное управленіе почтъ и 13) путей сообщенія. Большая заслуга Сперанскаго, что всѣ крупныя задачи управленія онъ выдѣлилъ въ самостоятельныя министерства, не подчиняя все управленіе интересамъ фискальнымъ и полицейскимъ (Коркуновъ). Два вѣдомства — полиціи и финансовъ—поглощали народныя силы и сбереженія; главы этихъ вѣдомствъ всегда являлись господами нашего внутрен-

няго управленія: не только комитетъ министровъ, но и совѣтъ и сенатъ послушно склонялись предъ требованіями этихъ двухъ министровъ. Нельзя поэтому не одобрить идеи раздѣленія министерства финансовъ, и противоположенія ему министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ вѣдомства земледѣлія, торговли и промышленности. Идея эта нѣтъ-нѣтъ да и проскальзывала во внутренней политикѣ; только съ 1905 г. явилось отдѣльное министерство торговли и промышленности.

Отказаться отъ этой идеи значило быть равнодушнымъ къ производительнымъ силамъ страны. Совершенно правильно также выдѣленіе контроля въ самостоятельное вѣдомство, хотя организовать контроль Сперанскому не удалось.

Ошибки Сперанскаго сводятся къ пренебреженію общественнымъ мнѣніемъ съ одной стороны и къ переоцѣнкѣ силы центральныхъ учрежденій — съ другой. Созданіе новыхъ учрежденій потребовало значительнаго увеличенія чиновниковъ и расходовъ; и то и другое было одинаково не по средствамъ Россіи. Уже первое образованіе министерствъ отвлекло лучшія силы изъ провинціи, реформа-же 1810 — 1811 г. имѣла послѣдствіемъ полное обезлюденіе провинціи. Облагороженная, на виду, хорошо оплачиваемая, со скорой карьерой—канцелярская служба въ столицѣ стала привлекательна для молодого поколѣнія; еще недавно пре-

зираемая, служба эта стала конкуррентомъ военной службѣ.

Въ виду недостатка въ деньгахъ и людяхъ, а также иногда и по высшей политикѣ, созданная Сперанскимъ система центральныхъ учрежденій не разъ подвергалась болѣе или менѣе сильнымъ измѣненіямъ; въ 1817 г. образовано такъ наз. соединенное министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; далѣе весьма неудачнымъ оказалось названіе министерства полиціи чѣмъ и обусловилось его скорое (въ 1819 г.) присоединеніе къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

Новое образованіе Государственнаго Совѣта.

Проектъ сенатовъ не прошелъ, т. е. былъ отложенъ и до сихъ поръ не увидѣлъ свѣтъ. Министерства были преобразованы на началахъ, указанныхъ Сперанскимъ; реформу ихъ ему не удалось довести до конца и скоро дѣло его было испорчено обстоятельствами времени и людьми, наслѣдовавшими ему. Только одна часть его плана — реформа государственнаго совѣта была проведена цѣликомъ.

Реформа эта вызвала тогда, вызываетъ и теперь не мало нареканій. Сперанскій справедливо указывалъ, что судятъ о части, не зная цѣлаго. Но и въ настоящее время многіе склонны видѣть въ совѣтѣ не то, чѣмъ онъ долженъ былъ быть по замыслу Сперанскаго (Покровскій), т. е.

продолжаютъ смотрѣть на учрежденіе 1810 г. 1 января, какъ на пробную конституцію, «парламентъ по назначенію, нѣчто неслыханное и невиданное». Цѣль созданія такого удивительнаго учрежденія раскрылъ самъ организаторъ его, Сперанскій, въ отвѣтѣ, поражающемъ своею «до цинизма доходящею откровенностью», т. е. что совѣтъ долженъ «отвѣтствовать» за возвышеніе податей, налоговъ и т. п.

Совѣтъ поставленъ, конечно, не вполнѣ удачно; въ значительной степени это объясняется его исторіей; по первоначальному «Плану» онъ долженъ былъ быть довѣреннымъ совѣтомъ около государя (см. выше); затѣмъ Сперанскій отступилъ, призналъ необходимымъ сохранить самодержавіе, уничтожилъ государственную думу, короче, рѣшился ввести законность при сохраненіи самодержавія. Если и можетъ быть рѣчь о какомъ либо ограниченіи власти, то только нравственномъ, т. е. что государь Александръ Павловичъ рѣшился избрать себѣ совѣтниковъ и отнынѣ утверждать мнѣнія большинства. Но, если государь и принялъ такое рѣшеніе для себя, то прежде всего оно нигдѣ выражено не было. Ст. 2 образованія гласитъ, что всѣ законы, уставы и учрежденія въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ, а ст. 3 —«никакой законъ, уставъ и учрежденіе *не исходитъ* изъ совѣта и не

можетъ имѣть совершенія *безъ утвержденія* верховной власти».

Отсюда ясно, что закономъ въ русской жизни отнынѣ становилось то, что разсмотрѣно совѣтомъ, какъ таковое, и утверждено государемъ. Этимъ путемъ Сперанскій устанавливалъ важное различіе между закономъ и указомъ; но вмѣстѣ ясно, что совѣтъ имѣлъ только законосовѣщательное значеніе.

Тѣмъ не менѣе многіе поняли тогда, понимаютъ и теперь, что совѣтъ имѣлъ законодательное значеніе. Причины такого явленія—манифестъ и тѣ пышныя формы, въ которыя облекъ производство дѣлъ въ совѣтѣ Сперанскій. Члены совѣта—законодательное сословіе; формула утвержденія—«внявъ мнѣнію совѣта»; послѣ прекрасныхъ разъясненій Коркунова едва ли нужно доказывать, насколько эти блестящія формы не соотвѣтствовали дѣйствительности. Однако Сперанскому должно поставить въ вину, что многіе тогда поняли дѣло иначе. Особенно важно, даже подозрительно, мнѣніе Мордвинова, ближайшаго соратника Сперанскаго, назначеннаго предсѣдателемъ департамента экономіи при участіи Сперанскаго: «самодержавный государь, удѣляя подданнымъ своимъ часть своей власти, долженъ былъ назначить и предѣлы оной». Манифестъ долженъ былъ быть написанъ проще и яснѣе. Сперанскій хвалился тѣмъ, что въ совѣтѣ законы обсуждались съ неслыханною до

того времени свободою. Едва ли исторія повторитъ такой отзывъ: самое обсужденіе многочисленныхъ проектовъ Сперанскаго (финансы, финляндскія дѣла, сводъ законовъ) указываетъ на робость критики; многія мнѣнія въ совѣтѣ очень краснорѣчивы, вѣрнѣе многорѣчивы, наполнены общими мѣстами, пышными вступленіями — это правда, но отсюда до дѣловитости и свободы еще очень далеко. Организаціей дѣлопроизводства въ совѣтѣ Сперанскій также значительно отѣснилъ свободу сужденій, что замѣтили его современники: канцелярія вмѣсто того, чтобы имѣть только служебное значеніе, весьма вліяла на самыя мнѣнія, ибо подготовляла дѣла. Въ первые годы Сперанскій самою близостью своею къ государю давилъ, можно сказать, государственный совѣтъ. При немъ государсвенная канцелярія вмѣстѣ съ коммиссіей составленія законовъ образовали министерство преобразованій. Нечего и говорить о томъ, что онъ совершенно вышелъ изъ той объективной роли, въ которой долженъ пребывать государственный секретарь; образчики его отношенія къ мнѣніямъ совѣта (о сенатѣ) были приведены выше. Если у него и была мысль о томъ, что государь долженъ бы всегда утверждать мнѣнія большинства, то онъ самъ же толкнулъ государя на противоположную дорогу. Къ тому же журналы совѣта Сперанскій докладывалъ государю *лично*; впослѣдствіи былъ при-

нятъ гораздо болѣе правильный порядокъ отсылки журналовъ (меморій) совѣта государю.

День открытія совѣта (1 января 1810 г.) былъ днемъ торжества Сперанскаго; государь прочиталъ въ собраніи рѣчь, написанную Сперанскимъ; манифестъ объ образованіи совѣта — также произведеніе его пера; несомнѣнно, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ назначеніи какъ членовъ совѣта, такъ и предсѣдателей его департаментовъ. Такъ, Н. С. Мордвиновъ вызванъ былъ въ Петербургъ рескриптомъ отъ 24 декабря 1809 г., рескриптъ сопровождался пояснительнымъ письмомъ Сперанскаго Мордвинову. Самъ Сперанскій въ этотъ день назначенъ былъ государственнымъ секретаремъ и вмѣстѣ съ тѣмъ директоромъ комиссіи составленія законовъ.

Сперанскій имѣлъ основаніе предполагать, что правильно поставленный, независимый судъ будетъ на стражѣ закона (см. выше); на первое время и это казалось ему достаточнымъ. Исходною точкою его плана было убѣжденіе, повторенное въ нижегородскомъ письмѣ, что идеи эти, т. е. идеи правды и закона, онъ нашелъ въ душѣ монарха; онъ могъ и долженъ былъ вѣрить, что монархъ всегда будетъ охранять какъ независимость суда, такъ и силу его рѣшеній. Дорогое ему всегда начало законности торжествовало и безъ полити-

ческой реформы, трудность которой онъ оцѣнилъ.

Въ настоящее время ясно, что средства, предложенныя Сперанскимъ первоначально (политическая реформа), были дѣйствительнѣе, чѣмъ попытка организовать независимый судъ и поставить его на стражѣ общественнаго блага.

Безъ особеннаго преувеличенія можно сказать, что первое время государственный совѣтъ занятъ былъ, главнымъ образомъ, разсмотрѣніемъ проектовъ государственнаго секретаря.

Департаментъ законовъ, а затѣмъ общее собраніе, 43 засѣданій посвятили проекту первыхъ двухъ частей гражданскаго уложенія.

Комиссія составленія законовъ «досталась» Сперанскому въ августѣ 1808 г.; приступилъ онъ къ занятіямъ въ комиссіи лишь послѣ возвращенія изъ Эрфурта. Еще къ началу 1808 г. комиссія эта, стала въ своей работѣ на вѣрную точку зрѣнія: вмѣсто *собиранія* и *исправленія* законовъ рѣшено было только *извлечь* дѣйствующіе законы изъ массы разновременно изданныхъ законовъ и утвердить ихъ на непоколебимомъ основаніи права. Но у комиссіи, и въ особенности у руководителей, не хватило умѣнья найти правильный методъ для осуществленія правильно поставленной задачи. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Сперанскій принялся распоряжаться въ комиссіи.

По общему признанію историковъ-юристовъ (Корфъ, Дмитріевъ, Филипповъ), для столь сложнаго дѣла ему прежде всего не хватало знанія; легкость, съ которою онъ взялся за него, поразительна, она можетъ быть объяснена лишь нашими традиціями XVIII вѣка: Сперанскій, не составлялъ исключенія изъ правила, по которому каждый сколько нибудь образованный человѣкъ считалъ себя вправѣ заниматься составленіемъ законовъ. Сперанскій тогда еще не зналъ нѣмецкаго языка; слѣдовательно, къ его услугамъ была англійская и французская юридическія литературы. Общепризнано, что онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Наполеонова кодекса. При такихъ условіяхъ и Сперанскому казалось легче сразу составить *уложеніе*, тѣмъ болѣе, что образецъ (французскій) былъ передъ глазами.

Первымъ шагомъ Сперанскаго было, какъ всегда у него, преобразованіе самой комиссіи, новые штаты комиссіи.

Перемѣны эти не были существенны: до Сперанскаго во главѣ работъ стояли референдаріи, послѣ его «реформъ»— начальники отдѣленій. Въ совѣтъ комиссіи вошли вліятельные люди (кн. Лопухинъ, гр. Завадовскій, Новосильцевъ, кн. Чарторыйскій, гр. Потоцкій, самъ Сперанскій и сенаторы Алексѣевъ и Карпѣевъ); санкція этихъ лицъ должна была обезпечить успѣхъ трудамъ комиссіи. Въ такомъ видѣ комиссія просуществовала недолго, лишь до 1

янв. 1810 г., когда она была обращена въ учрежденіе, при государственномъ совѣтѣ состоящее. Совѣтъ комиссіи былъ упраздненъ, члены его назначены были членами преобразованнаго совѣта. Теперь комиссія получила начальника въ лицѣ директора, который по самому званію своему засѣдалъ въ департаментѣ законовъ съ правомъ совѣщательнаго голоса. Директоромъ ея былъ назначенъ Сперанскій. Всѣ предварительныя начертанія гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, также уставовъ и учрежденій, составленныхъ внѣ комиссіи, отнынѣ должны были чрезъ государственнаго секретаря поступать въ комиссію и съ ея мнѣніемъ поступали въ департаментъ законовъ.

Такимъ образомъ комиссія собственно обращалась въ одно изъ отдѣленій государственной канцеляріи (Майковъ).

Что же помѣшало слить ихъ въ одно учрежденіе? «Званіе государственнаго секретаря, отдѣльно взятое, нетрудно, но соединенное со званіемъ директора комиссіи законовъ и въ связи съ работами всякаго рода, на меня возложенными лично,— весьма тягостно и для силъ моихъ невозможно» — отвѣтъ Сперанскаго, данный имъ въ 1812 г., когда онъ созналъ всю трудность составленія свода. Въ концѣ 1809 г., когда все это соображалось, мотивы были, кажется, другого рода. Къ законодательнымъ работамъ своимъ Сперанскій тогда и въ 1810 г. еще относился

легко: изъ своего времени Сперанскій удѣлялъ утро каждаго понедѣльника дѣламъ совѣта: что было одобрено, выработано имъ въ утро, что его писцы успѣли переписать на бѣло, то и вносилось въ совѣтъ.

Мотивы реформы были въ значительной степени личные. До 1810 г. главою комиссіи оставался кн. Лопухинъ; по свидѣтельству Ильинскаго, «кн. Лопухинъ нерасположенъ былъ къ Сперанскому, а Розенкампфъ прибѣгалъ болѣе къ князю, и тѣмъ сдѣлались надъ комиссіею начальники въ чувствованіяхъ и усердіи несогласны». Для удаленія Лопухина, прежде всего, и была произведена реформа; во-вторыхъ она же обосновывала исключительное положеніе Сперанскаго: всякое дѣло, касавшееся уставовъ или учрежденій, составленное и внѣ комиссіи, вносилось съ *его* заключеніемъ въ совѣтъ, и наконецъ благодаря званію директора, онъ становился членомъ департамента законовъ, хотя и не равноправнымъ остальнымъ.

Когда Сперанскій начиналъ свои работы по составленію Уложенія, онъ разсчитывалъ на помощь и содѣйствіе иностранныхъ ученыхъ, особенно французовъ; въ числѣ корреспондентовъ комиссіи числилось не мало знаменитыхъ иностранныхъ юристовъ, но дѣйствительной помощи отъ нихъ не было, да и могла ли она быть, разъ до Сперанскаго комиссія хотѣла (и правильно) составить русское уложеніе

изъ русскихъ законовъ. Манифестъ 1 января 1810 г. объявилъ Россіи, что первая часть гражданскаго уложенія уже окончена и что другія части непрерывно послѣдуютъ за нею. Эта первая часть и была вручена государемъ гр. Н. П. Румянцеву въ тотъ же достопамятный день. Но Россія такъ и не увидѣла этого гражданскаго уложенія.

Сперанскій свернулъ съ правильной дороги, на которую не безъ труда стала комиссія въ 1808 г.; онъ пересталъ извлекать статьи уложенія изъ русскихъ законовъ. Государственный совѣтъ разсматривалъ сначала первую часть (права лицъ), затѣмъ и вторую (вещественное право). Совѣтъ при разсмотрѣніи требовалъ отъ Сперанскаго на каждую статью ссылки изъ русскихъ законовъ, изъ которыхъ велѣно было составить уложеніе. Требованія этого комиссія исполнить вполнѣ не могла, хотя и пробовала отписаться канцелярскимъ путемъ, подводя иногда многіе законы подъ одну статью (Ильинскій). Къ концу 1810 г. совѣтъ окончилъ разсмотрѣніе первыхъ двухъ частей; онѣ были напечатаны для пересмотра ихъ въ исправленномъ видѣ, но больше уже до ссылки Сперанскаго въ совѣтъ не поступали. Третья часть гражданскаго уложенія представлена была въ 1813 г., но въ 1815 г. по представленію Трощинскаго пересмотръ, начатый въ 1814 г., былъ совѣтомъ остановленъ.

Мнѣніе Карамзина (Записка о древней

и новой Россіи) нашло сильное сочувствіе въ совѣтѣ—и тамъ раздались голоса, что все это почерпнуто изъ Наполеонова уложенія и совсѣмъ «противно духу россійскихъ законовъ и даже по грамматической словесности недостаточно; что первая часть написана такъ, чтобы, возмутя море, утопить одну муху».

Въ пермскомъ письмѣ Сперанскій защищаетъ и эту свою дѣятельность, называя ложью или незнаніемъ обвиненіе въ томъ, будто уложеніе есть переводъ съ французскаго или близкое подражаніе. Сходство, котораго онъ отрицать не могъ, объяснялъ тѣмъ, что «въ источникѣ своемъ, т. е. въ римскомъ правѣ, всѣ уложенія всегда будутъ сходны». Но можно ли считать римское право—источникомъ русскаго уложенія—этого Сперанскій еще не зналъ и въ Перми.

Въ первомъ торжественномъ собраніи совѣта государь вручилъ гр. Н. П. Румянцеву, кромѣ первой части гражданскаго уложенія, и планъ финансовъ. Разсмотрѣніе финансоваго плана поставлено было въ числѣ предметовъ, на которые совѣтъ долженъ былъ обратить свое вниманіе въ первыхъ же своихъ собраніяхъ, ибо этого требовало положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ.

Планъ этотъ также былъ представленъ государю Сперанскимъ; въ дѣйствительности же Сперанскому принадлежитъ только переработка записки, составленной все тѣмъ

же М. А. Балугьянскимъ. Передѣлка Сперанскаго подверглась въ 1809 г. обсужденію по словамъ гр. М. А. Корфа за обѣдами въ домѣ гр. С. Потоцкаго, по словамъ Сперанскаго—въ комитетѣ, который собирался въ домѣ Гурьева. Вѣроятно, были и тѣ и другія собранія; въ домѣ Потоцкаго въ собраніяхъ принимали участіе, кромѣ двухъ авторовъ и хозяина дома, Мордвиновъ, Кочубей и Кампенгаузенъ. Во всякомъ случаѣ плану заранѣе обезпечено было сочувствіе и поддержка со стороны главныхъ финансовыхъ дѣятелей, ибо съ 1 января 1810 г. Мордвиновъ сталъ предсѣдателемъ департамента экономіи, Гурьевъ — министромъ финансовъ, а Кампенгаузенъ—сначала государственнымъ казначеемъ, а затѣмъ (съ 1811 г.) государственнымъ контролеромъ. Вѣроятно, бывшій (до 1810 г.) министромъ финансовъ Голубцовъ признанъ былъ неспособнымъ усвоить новыя идеи, и тогда же предрѣшено было замѣнить его Гурьевымъ, о назначеніи котораго впослѣдствіи въ Перми Сперанскій отозвался очень характерно: его считали за честнаго человѣка и устрояли *подъ его руководствомъ*; но и онъ вздумалъ умничать». Можно допустить, что для проведенія финансоваго плана образовался кружокъ изъ вліятельныхъ лицъ, во главѣ которыхъ стали Сперанскій и Мордвиновъ; къ этому кружку примкнули и другіе, въ томъ числѣ и Гурьевъ (тогда, въ 1809 г. товарищъ министра финансовъ),

позволительно думать, что Гурьевъ присоединился не по внутреннему убѣжденію своему, ибо съ начала 1812 г. онъ перешелъ на сторону враговъ финансоваго плана.

Положеніе русскихъ финансовъ тогда было дѣйствительно тяжелое, по смѣтѣ 1810 г. доходовъ — 105 м. р., расходовъ — 230 м. р., ассигнацій — 517 м. р., курсъ которыхъ быстро падалъ. Денежныхъ знаковъ, бывшихъ въ обращеніи, было:

Золота	24 м. р.
Серебра	195 м. р.
Мѣди	98 м. р.
Ассигнацій	577 м. р.

Планъ Балугьянскаго - Сперанскаго въ главныхъ чертахъ своихъ сводился: 1) къ изъятію изъ обращенія ассигнацій, для чего долженъ былъ образоваться капиталъ погашенія; 2) къ твердому устройству монетной системы, 3) къ установленію равновѣсія между расходами и доходами,—это все предметы государственнаго хозяйства; въ области народнаго хозяйства прежде всего развитіе торговли. (Куломзинъ, 45 т. Сб. И. Р. И. О.).

Послѣ Сперанскаго наиболѣе горячимъ сторонникомъ этого плана былъ Н. С. Мордвиновъ, который, какъ въ своихъ мнѣніяхъ, такъ и въ мнѣніяхъ департамента экономіи, настойчиво проводилъ, прежде всего, изъятіе ассигнацій чрезъ замѣну ихъ банковыми свидѣтельствами.

Въ теоріи, конечно, трудно возражать противъ основныхъ положеній плана; и объ этомъ, финансовомъ, вопросѣ приходится повторить то же, что выше сказано было о политической реформѣ Сперанскаго: основныя положенія плана вѣрны и тѣ же сто лѣтъ, отдѣляющія насъ отъ 1810 г., убѣждаютъ въ томъ, какъ важно государству вмѣсто бумажныхъ денегъ имѣть звонкую монету, насколько выгоднѣе внутренніе и внѣшніе займы новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ; противъ равновѣсія расходовъ съ доходами никто, разумѣется, спорить не будетъ.

Другой вопросъ—*какъ* достигнуть этого? Улучшить государственное хозяйство страны, кажется, труднѣе даже, чѣмъ провести политическую реформу.

На Сперанскомъ и его друзьяхъ прежде всего лежитъ отвѣтственность за выборъ времени для финансовыхъ реформъ: Россія была въ войнѣ съ Турціей, отношенія къ Франціи выяснились, опасность войны съ нею должна быть принята во вниманіе; страна страдала и несла сильные убытки отъ континентальной системы; предстояли большія и крупныя реформы административнаго характера, которыя должны были, прежде всего, привлекать все вниманіе правительства: при такихъ условіяхъ нужна была сугубая осторожность во всѣхъ финансовыхъ мѣрахъ.

Во-вторыхъ, кружокъ Сперанскаго былъ проникнутъ слишкомъ большимъ оптимиз-

момъ и ставилъ вопросъ слишкомъ рѣшительно. Вотъ письмо Сперанскаго къ Мордвинову (октябрь 1810 г.): «Я тѣмъ болѣе утвердился въ вашихъ (Мордвинова) заключеніяхъ и, сколько голосъ мой ни маловаженъ, буду защищать начала сіи вездѣ и передъ всѣми; буду, какъ Кассандра, провозвѣщать бѣдствія, кои неминуемо изъ легкихъ и половинныхъ мѣръ и поправленій временныхъ и несовокупныхъ должны послѣдовать. Успѣха не надѣюсь, но буду все дѣлать для очищенія совѣсти».

Но кружокъ Мордвинова повидимому легкомысленно смотрѣлъ на дѣло. Что другое можно сказать о письмѣ Н. С. Мордвинова государю по поводу принятыхъ департаментомъ, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ, мѣръ; письмо отъ 12 января 1812 г., наканунѣ краха; въ немъ Мордвиновъ не только сулитъ Александру Павловичу незабвенный памятникъ въ исторіи народа, обѣщаетъ, что, слѣдуя намѣченной финансовой политикѣ, государь не только въ состояніи будетъ облегчить народъ отъ откуповъ, многихъ личныхъ повинностей, но и приготовитъ безъ всякихъ налоговъ запасный военный капиталъ и даже вообще по всѣмъ частямъ государственнаго управленія составитъ особые капиталы, которые современемъ могли бы достаточны быть не токмо каждой изъ нихъ съ подвѣдомственными ей вѣтвями въ предначертанное совершен-

*

ство, но и *на содержаніе всѣхъ оныхъ независимо отъ налоговъ*!

Государств. совѣтъ очень скоро въ 1810 г. согласился на финансовый планъ,—новое доказательство слабости тогдашняго совѣта и неосновательности возлагавшихся на него надеждъ. Манифестомъ 2 февраля 1810 г. объявлено было: новый выпускъ ассигнацій отнынѣ пресѣкается. Отнынѣ все производство государственнаго ассигнаціоннаго банка будетъ состоять въ одномъ промѣнѣ ветхихъ ассигнацій на новыя. Далѣе, очевидно, для вящшаго подкрѣпленія, купечеству Петербурга, Москвы и Риги повелѣно было выбрать по одному сочлену своему въ число директоровъ банка. 20 іюня 1810 г. главною непремѣняемою монетою объявленъ серебряный рубль; 29 августа велѣно было всѣ подряды и поставки казенные заключать на серебро; обѣщано было усилить, сколь возможно, чеканку серебряной монеты: и послѣ всего этого въ 1812 г. (Сперанскаго уже не было) съ апрѣля правительству пришлось прибѣгнуть къ новымъ выпускамъ ассигнацій и установить правило, что всѣ подати и налоги могутъ быть платимы исключительно ассигнаціями; въ 1812 г. выпущено было ассигнацій на 142 м. р., а въ слѣдующемъ—120 м. р., итого 262, такъ что къ 1814 г. ассигнаціонный долгъ возросъ съ 577 м. р. до 834 м. р. Критическое положеніе русскихъ финансовъ въ 1812—1814 годы слишкомъ извѣстно. Образовать

капиталъ погашенія также не удалось. Капиталъ предполагалось составить: а) продажею государственныхъ имуществъ (оброчныхъ статей, казенныхъ лѣсовъ, арендныхъ имѣній и др.) и внутреннимъ займомъ въ 100 м. р.; на 183 м. р. предполагалось продать государственныхъ имуществъ, съ разсрочкою операціи на 5 лѣтъ; заемъ также раздѣлялся на 5 частей. Для большаго успѣха продажи купцамъ 1 гильдіи и иностраннымъ капиталистамъ дозволено было покупать и населенныя казенныя имѣнія и владѣть ими на помѣщичьемъ правѣ.

Продажа пошла чрезвычайно слабо, заемъ не удался; между тѣмъ продажа имѣла роковыя послѣдствія для класса казенныхъ крестьянъ. 15-ый пунктъ манифеста 2 февраля обѣщалъ лучшее устройство сего класса людей, который терпѣлъ «важныя отягощенія. Въ огражденіе ихъ на будущее время въ теченіе сего года приняты будутъ всѣ нужныя мѣры». Вслѣдствіе же назначенія казенныхъ земель въ продажу повелѣно было прекратить переселенія казенныхъ крестьянъ, и даже тѣхъ, у которыхъ земли было совсѣмъ недостаточно. Въ двадцатыхъ годахъ предъ правительствомъ, по свидѣтельству тогдашняго министра финансовъ Канкрина, раскрылась тяжелая картина бѣдственнаго положенія казенныхъ крестьянъ, когда даже въ «лучшихъ» губерніяхъ приходилось по 2—3 десятины на ревизскую душу, а

въ нѣкоторыхъ и по одной. Недостатокъ земли у казенныхъ крестьянъ чувствовался всегда, но особенно ощутителенъ онъ сталъ съ 1812 г., когда переселенія были пріостановлены по случаю предположенной продажи оброчныхъ статей».

Средствъ для погашенія ассигнацій было недостаточно; хуже было то, что доходовъ не хватало на расходы, а между тѣмъ близилась война. Единственнымъ средствомъ оказалось возвышеніе налоговъ; эта всегда тяжелая операція была проведена и слишкомъ стремительно и безъ всякаго вниманія къ тѣмъ, кто платилъ налоги. Сперанскій разсуждалъ довольно правильно, когда писалъ, что отъ паденія курса ассигнацій многіе плательщики налоговъ и податей выиграли, и что, слѣдовательно, они должны быть привлечены къ погашенію ассигнацій чрезъ возвышеніе налоговъ и податей. Въ письмѣ своемъ онъ отмѣчаетъ, что къ 1810 г. доходы государственные состояли въ 125 мил. руб., а къ 1812 г. они были увеличены до 300 мил., т. е. въ два года на 175 мил. р. Если бы Сперанскій былъ опытнѣе, онъ понялъ бы, что нельзя повышать налоги въ такомъ размѣрѣ, что это не только должно вызвать сильнѣйшій ропотъ, но можетъ привести страну къ полному кризису въ народномъ хозяйствѣ. Если страна могла справляться съ подобнымъ возвышеніемъ налоговъ, то благодаря лишь новому, исключительному паденію ассигнацій, ибо если

въ 1810 г. 1 ассигнаціонный рубль равнялся половинѣ серебрянаго, въ 1812 г. за серебряный рубль давали 4 и даже 5 р. ассигнаціонныхъ; уже въ 1811 г. недоимки образовалось 30 мил. р. Затѣмъ въ манифестѣ 1810 г. прибавки въ податяхъ установлены были на 1810 г., а увеличеніе подушной подати объявлено *единственно* на текущій годъ; въ 1811 г. всѣ налоги, кромѣ подушной, обращены были въ постоянные, а въ концѣ 1810 г. введена въ губерніяхъ, гдѣ не было откуповъ, пошлина на винокуреніе; въ 1811 г. сдѣлана новая перепись, увеличившая число плательщиковъ; манифестъ 29 января 1812 г. объявилъ населенію, что доходы и расходы найдены въ соразмѣрности и что потому повелѣно расходы текущіе удовлетворить изъ доходовъ; а манифестомъ 11 февраля опять установлены надбавки въ податяхъ и новыя пошлины—*единственно* на погашеніе долговъ. Оба эти манифеста написаны Сперанскимъ послѣ долгихъ и тяжелыхъ преній въ совѣтѣ, ибо безнадежное положеніе финансовъ въ 1812 г. выяснилось вполнѣ. Первоначальный дефицитъ на этотъ годъ опредѣлялся въ совѣтѣ въ 106 мил. р. (234 мил. доходовъ и 340 мил. расходовъ). Тогда и въ совѣтѣ раздались голоса противъ того пути, по которому шло правительство.

Сочувствіе общества вызвали только таможенный тарифъ 1811 г. и торговое уложеніе. Первый, построенный на нача-

лахъ покровительственной системы, оказалъ большую поддержку нашей промышленности, совершенно разоренной континентальной системой.

Участіе Сперанскаго въ дѣлахъ по управленію Финляндіей.

Когда Сперанскій принялъ въ завѣдываніе финляндскія дѣла, страна эта de jure оставалась еще шведской провинціей. Государь Александръ Павловичъ вступилъ въ сношенія съ населеніемъ ея, обѣщалъ ему сохраненіе старинныхъ правъ, устройство управленія, религіи, принялъ отъ него присягу на вѣрность, созвалъ и лично открылъ и закрылъ сеймъ въ Борго, на которомъ подтвердилъ обѣщаніе о сохраненіи конституціи финляндской; все это сдѣлано было раньше, чѣмъ законный обладатель страны —король шведскій отказался отъ своихъ правъ на Финляндію.

Мотивы, которыми руководствовался императоръ Александръ I, очевидно, весьма разнообразны: желаніе поскорѣе кончить затянувшуюся и непопулярную въ Россіи войну и желаніе обладать новымъ населеніемъ не по праву силы, не по праву завоеванія; стремленіе привязать обитателей Финляндіи къ новому отечеству; наконецъ едва ли было цѣлесообразно въ глазахъ государя уничтоженіе финляндскаго политическаго строя, приближающагося къ тому новому строю, который онъ собирался дать Россіи. Такимъ обра-

зомъ задача Сперанскаго опредѣлялась слѣдующими положеніями: 1) Финляндія присоединялась къ Россіи и составляла отнынѣ одно цѣлое съ нею; 2) Финляндія получала отдѣльное, особое управленіе и 3) Финляндія сохраняла свое *политическое* бытіе, т. е. становилась въ иныя отношенія къ коронѣ, чѣмъ остальная Россія. Задача, данная Сперанскому, была тѣмъ труднѣе, что съ одной стороны условія присоединенія Финляндіи къ Россіи, характеръ ея «политическаго бытія», т. е. конституціи, умышленно не были выяснены, а съ другой стороны представляется доказаннымъ, что финляндскіе сторонники соединенія съ Россіей стремились къ возможно большему расширенію конституціонныхъ правъ Финляндіи.

Сперанскій,—что съ нимъ случалось рѣдко,—едва ли правильно опредѣлилъ теоретически свою задачу словами: «Финляндія есть *государство*, а не губернія». Если эту фразу понимать буквально, то пришлось бы считать Сперанскаго родоначальникомъ ученія о Финляндіи, какъ отдѣльномъ государствѣ; на дѣлѣ Финляндія представляла собою лишь автономную провинцію Россіи.

Ближе подошелъ Сперанскій къ истинному взгляду на вещи въ словахъ: «власть державная должна была искать усилить себя подробностями управленія». Въ этихъ словахъ заключается мудрый завѣтъ Сперанскаго его преемникамъ по управленію

финляндскими дѣлами. Только съ перваго взгляда такая роль можетъ показаться не вполнѣ достойною представителя русскаго монарха, но только такимъ путемъ можно было и соединить Финляндію тѣснѣе съ Россіей, и въ то же время сохранить ей и старые законы, обычаи и конституцію.

Вступленіе Сперанскаго въ финляндскія дѣла произошло такъ:

Въ ноябрѣ 1808 г. особымъ комитетомъ (Аракчеевъ, Кноррингъ и Спренгпортенъ) представленъ былъ государю проектъ управленія Новой Финляндіей; государь утвердилъ проектъ, кромѣ § 11: «генералъ-губернаторъ представляетъ всѣ дѣла по принадлежности чрезъ министровъ, отъ коихъ равнымъ образомъ получаетъ высочайшія повелѣнія». Противъ этого § государемъ написано: «*кромѣ сего пункта, всѣ же представленія дѣлать ко мнѣ*». Слѣдовательно, уже тогда было рѣшено государемъ дать финляндскимъ дѣламъ особое направленіе. Вслѣдъ затѣмъ, въ декабрѣ 1808 г. (см. выше) дѣла эти поручены были Сперанскому. Такъ какъ новый любимецъ государя не зналъ ни языковъ края, ни законовъ и обычаевъ его, то помощникомъ его былъ назначенъ бар. Ребиндеръ, въ свою очередь, взявшій себѣ въ помощь двухъ финляндцевъ: Блэкборна и Валлена. Такъ возникло въ Петербургѣ зерно канцеляріи по финляндскимъ дѣламъ; во главѣ ея сталъ Сперанскій, остальные чины были уро-

женцы новаго края. Сперанскій отнынѣ долженъ былъ дѣйствовать: suavirter in modo, fortiter in re. Первое ему удалось вполнѣ; во всякомъ случаѣ по отношенію къ новымъ подданнымъ Россіи онъ, по указанію свыше, дѣйствовалъ совсѣмъ иначе, чѣмъ по отношенію къ своимъ соотечественникамъ, и добился, конечно, обратнаго результата: финскіе дѣятели (Спренгпортенъ, Маннергеймъ, де-Гееръ, Тенгстренъ, Колоніусъ, позже Армфельдъ и Аминовъ) смотрѣли на Сперанскаго, какъ почти на «своего» человѣка, не только льстили ему въ глаза, съ похвалою отзываясь о немъ императору, но и въ мемуарахъ своихъ сохранили теплые отзывы о немъ.

Насколько же Сперанскій держался fortiter in re?

Первое важное, крупное дѣло—сеймъ въ Борго. Въ приготовленіяхъ къ сейму Сперанскій принималъ весьма дѣятельное участіе.

Созывъ сейма, впрочемъ, былъ уже предрѣшенъ. Церемоніалъ открытія составленъ былъ въ Петербургѣ при участіи Сперанскаго. Напрасно, однако, нѣкоторые изслѣдователи (Ординъ) преувеличиваютъ роль Сперанскаго въ составленіи церемоніала, предполагая даже, что Сперанскій о многомъ даже не докладывалъ государю. Въ вопросахъ церемоніальныхъ Сперанскій никогда не былъ авторитетомъ.

На сеймъ Сперанскій выѣхалъ въ свитѣ государя 13 марта изъ Петербурга; рѣчь

государя сочинена была Сперанскимъ, равно какъ и грамота 15 марта. Въ грамотѣ государь торжественно подтверждалъ свое обѣщаніе вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались. Въ рѣчи своей государь обѣщалъ сохранить конституцію, коренные законы.

Общеизвѣстна полемика, которая завязалась изъ-за значенія употребленныхъ въ этихъ актахъ словъ «конституція» и «конституціи» (Мехелинъ, Даніельсонъ, Ординъ и др.).

Сперанскій въ бумагахъ своихъ употребляетъ слово «конституція» въ разныхъ смыслахъ: то онъ разумѣетъ вообще всякое государственное устройство и въ этомъ смыслѣ говоритъ о конституціи Россіи въ 1803 г., когда онъ писалъ свой первый большой проектъ, то, напротивъ, подъ конституціей онъ разумѣетъ монархическое правленіе, ограниченное торжественнымъ актомъ монарха. Но едва ли можетъ быть сомнѣніе, въ какомъ смыслѣ это слово употреблено здѣсь, конечно—въ послѣднемъ смыслѣ; и, когда Сперанскій ставилъ это слово, онъ исполнялъ волю своего государя. Чрезъ годъ въ проектѣ наказа финляндскому генералъ-губернатору совершенно ясно сказано: «Намѣреніе мое при устройствѣ Финляндіи состояло въ томъ, чтобы дать

народу самое бытіе *политическое* (нашъ курсивъ); чтобы онъ считалъ не порабощеннымъ Россіи, но привязаннымъ къ ней собственными его очевидными пользами; для сего:

1) сохранены ему не только гражданскіе, но и политическіе его законы» и т. д.

Но конституція—конституцій рознь. На долю Сперанскаго выпало опредѣлить, какая же отнынѣ конституція предназначалась Финляндіи.

Государственное устройство Финляндіи и ея отношенія къ Швеціи основывались на двухъ актахъ: 1772 и 1789 гг. (актъ соединенія и безопасности). Теперь Россія вступала на мѣсто Швеціи и самодержавный императоръ замѣнялъ конституціоннаго короля; не могло быть сомнѣнія, что оба указанные акта не могли вполнѣ сохранить своей силы; съ этимъ согласны и финскіе историки (по актамъ этимъ государь, напр., долженъ исповѣдывать евангелическую религію, пришлось бы соблюдать актъ о престолонаслѣдіи 1643 г.). Кажется, съ финской стороны, однако, сдѣланы были попытки къ тому, чтобы государь присягнулъ въ сохраненіи этихъ конституціонныхъ актовъ (инцидентъ вечеромъ 17 марта въ Борго между Маннергеймомъ и Сперанскимъ), но Сперанскій рѣшительно отклонилъ подобную попытку. Для послѣдующихъ отношеній было бы очень важно въ самомъ началѣ выяснить вопросъ о конституціи исчерпывающимъ образомъ; Сперанскій отъ

этого уклонился; внѣ сомнѣнія, онъ дѣйствовалъ такъ по указаніямъ свыше; политическія права Финляндіи должны были выясниться путемъ практики; государь не вполнѣ открывалъ свою мысль. Можно догадываться, что Финляндіи предназначалась такая же, приблизительно, конституція, которая вырабатывалась тогда и для всей Россіи. Дѣйствительно, прежде всего ограничили дѣятельность сейма разсмотрѣніемъ вопросовъ, предложенныхъ ему правительствомъ; слѣдовательно, иниціатива законодательства должна была оставаться за правительствомъ. Сейму поставлено было четыре вопроса (о милиціи, податяхъ, монетѣ и устройствѣ управленія), и Сперанскій зорко слѣдилъ, чтобъ сеймъ не выходилъ изъ указанныхъ ему предѣловъ; было стремленіе подвергнуть обсужденію вопросъ о конституціи, но безуспѣшно. Чинами сейма сверхъ того, подано было государю много петицій; это обстоятельство—опять-таки въ соотвѣтствіи съ правомъ государственной думы представлять на высочайшее воззрѣніе о нуждахъ страны.

Утвержденіе выработанныхъ законопроектовъ, по плану, принадлежитъ монарху. Постановленія финскаго сейма Сперанскій всегда называлъ по французски «avis» (совѣты); представленныя на утвержденіе государя, эти «avis» утверждены были съ нѣкоторыми измѣненіями.

Слѣдовательно, Сперанскій по отношенію къ Финляндіи хотѣлъ установить пра-

вило, что верховная власть можетъ вносить измѣненія въ постановленія сейма, оттого онъ и называлъ ихъ «avis». Послѣ этого становится понятно, почему онъ не хотѣлъ на-чисто объяснить Финляндіи, какъ должно понимать слово «конституція» Въ то же время—далекій и въ планѣ отъ мысли дѣлать изъ законодательнаго сословія комедію—Сперанскій охранялъ свободу преній на сеймѣ. Когда генералъ-губернаторъ Спренгпортенъ сдѣлалъ попытку властно говорить на сеймѣ, Сперанскій по жалобѣ маршала сейма де-Геера сейчасъ же пресѣкъ эту попытку, разъяснивъ генералъ-губернатору, что онъ вправѣ давать разъясненія сейму лишь тогда, когда сеймъ будетъ просить его объ этомъ. Государь, закрывая сеймъ, высказалъ это словами: «Никакое вліяніе, никакая власть, кромѣ вашей, не осмѣлились переступить порогъ этой двери. Я охраняю независимость вашихъ мнѣній». Такое отношеніе Сперанскаго къ сейму достигло цѣли: результатомъ его работъ русское правительство не могло не остаться довольнымъ: Финляндія разоружилась, приняла русскую монету и выработанный Сперанскимъ въ Петербургѣ проектъ управленія Финляндіи прошелъ на сеймѣ.

Управленіе организовано было въ Финляндіи такъ: надзоръ верховный ввѣренъ былъ генералъ-губернатору. Около него поставленъ былъ совѣтъ, въ которомъ генералъ-губернаторъ былъ предсѣдателемъ.

Идея областного (губернскаго) совѣта— одна изъ излюбленныхъ идей Сперанскаго (она проведена и въ «Планѣ», а позже въ сибирскомъ учрежденіи). Въ Финляндіи совѣтъ поставленъ былъ вполнѣ самостоятельно; даже при раздѣленіи голосовъ поровну, голосъ предсѣдателя не давалъ перевѣса; но генералъ-губернаторъ могъ, остановивъ исполненіе, дѣлать представленіе верховной власти. Совѣтъ раздѣлился на два отдѣленія: судебное и хозяйственное.

Члены новаго совѣта были избраны на сеймѣ, т. е. государь позволилъ сословіямъ указать лицъ, которыхъ считали достойными этой чести. Любопытно,что сословія выбрали гораздо больше, чѣмъ сколько требовалось. Всѣ избранные получили мѣста: или въ совѣтъ, или на другія должности. При томъ уваженіи къ избирательному принципу, которое имѣлъ тогда Сперанскій, трудно было и ожидать другой постановки дѣла.

Въ общемъ представляется, что во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ Сперанскій дѣйствовалъ осторожно, сообразуясь съ выгодами Россіи, по наставленіямъ государя. Онъ добивался того, чтобы Финляндія присоединилась къ Россіи не только на словахъ, но и на дѣлѣ, чтобы финскій народъ не сожалѣлъ о перемѣнѣ владычества. Сперанскій относился къ финнамъ благожелательно, не думая мелкими ограниченіями или придирками умалить значеніе великаго и бла-

гожелательнаго акта. Осторожность Сперанскаго понятна: Финляндія была присоединена къ Россіи—союзницѣ Франціи; когда закрывался сеймъ въ Борго, тѣмъ болѣе при заключеніи мира въ Фридрихсгамѣ, призракъ грозной войны съ Франціей уже достаточно обрисовался; сохранить Финляндію за собой, не сдѣлать изъ нея второго герцогства варшавскаго—задача, которая не могла не тяготѣть надъ Сперанскимъ, тѣмъ болѣе, что скоро въ Швеціи наслѣдникомъ престола былъ избранъ маршалъ Наполеона, Бернадоттъ.

Распустивъ сеймъ, государь не только не назначилъ времени созыва слѣдующаго сейма, но, какъ извѣстно, во все послѣдующее время (1809—1825 гг.) и не созывалъ больше сейма. Хотя въ ближайшіе годы (съ 1809 года по конецъ 1811 года) Сперанскій стоялъ во главѣ финляндскихъ дѣлъ, но едва-ли въ этомъ вопросѣ онъ не дѣйствовалъ по указаніямъ государя, который въ своей политикѣ былъ гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Однако Сперанскій не могъ не видѣть опасности отъ столь отвѣтственной роли, какъ единоличнаго совѣтчика государя по совершенно чуждымъ ему дѣламъ. Напримѣръ, въ бытность еще въ Петербургѣ финской депутаціи духовенство (евангелическое) просило государя, чтобъ рѣшенія по церковнымъ вопросамъ восходили до государя; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на сеймѣ, когда уже выяснилось

устройство совѣта (сената), духовенство ходатайствовало о передачѣ дѣлъ церкви на рѣшенія проектированнаго совѣта. Мотивъ—боязнь обременять драгоцѣнное время государя мелкими сравнительно дѣлами. Сперанскій поддержалъ ходатайство; хотя едва ли это было послѣдовательно со стороны министра, желавшаго усилить вліяніе Россіи въ Финляндіи подробностями управленія; казалось бы не трудно было Сперанскому разобраться въ вопросѣ, почему желаніе финскаго духовенства такъ быстро измѣнились въ противоположную сторону; тогда, можетъ быть, подъ выставленнымъ мотивомъ онъ увидѣлъ бы нѣчто другое.

Еще въ 1802 г. учреждена была комиссія для преобразованія управленія Выборгской губерніи. Въ 1809 г. она была преобразована въ комиссіи финляндскихъ дѣлъ.

Съ учрежденіемъ комиссія 1809 г. выдвигался вопросъ о «старой» Финляндіи— «и вмѣстѣ съ тѣмъ находя нужнымъ, чтобы и прежняя Финляндская губернія, коей устройство поручено было особенной комиссіи, получила сколь можно успѣшнѣе приличное ей образованіе, признаніе» и т. д.

Учрежденіе этой комиссіи не удовлетворило финляндцевъ; да и дѣйствительно дѣятельность ея совершенно незамѣтна: мало ли члены ея были освѣдомлены съ финляндскими дѣлами, не имѣли ли они достаточно авторитета въ глазахъ какъ правительства, такъ и общества,—фактъ тотъ,

что комиссія эта была почти незамѣчена. Какъ бы вмѣсто нея въ Петербургъ прибыла депутація офицеровъ бывшей финской арміи (ген. Аминовъ, Гриппенбергъ и др.). Барклай де-Толли въ конфиденціальномъ письмѣ къ Сперанскому далъ краткую характеристику главныхъ ея членовъ (27 ноября 1809 г.). Черезъ полгода гр. Армфельдъ, съ позволенія государя, представилъ ему свои замѣчанія о Финляндіи, въ которыхъ писалъ: «Величайшимъ счастьемъ этого народа (финскаго) было видѣть господина Сперанскаго исполнителемъ воли новаго монарха. Такъ какъ дарованіе и либеральные принципы этого статсъ-секретаря имперіи извѣстны и соотвѣтствуютъ великимъ и гуманнымъ планамъ императора Александра I для общаго блага, то остается желать только одного: зная, насколько обремененъ этотъ министръ, нужно пожелать, чтобы при немъ учреждено было особое бюро для дѣлъ Финляндіи; нужно, чтобы начальникомъ этого кабинета былъ человѣкъ вполнѣ честный, способный и трудолюбивый, и чтобъ подчиненные ему избирались изъ среды финской молодежи, изъ самыхъ выдающихся поведеніемъ и способностями подданныхъ»... Слова Армфельда заключаютъ въ себѣ, конечно, очень тонкую критику Сперанскаго, именно—его нѣкотораго невниманія и проистекающей отсюда медлительности въ теченіи финскихъ дѣлъ. Но, съ другой стороны, что же значитъ предложеніе образо-

вать около Сперанскаго бюро? Во-первыхъ, у Сперанскаго давно уже былъ товарищъ— Ребиндеръ, у котораго, въ свою очередь, были помощники, и всѣ они были финляндцы; во-вторыхъ, — работала комиссія 1809 г.; не знать ея Армфельдъ не могъ, ибо тамъ были членами тотъ же Ребиндеръ, Егергорнъ? Остается предположить, что искусный дѣятель—Армфельдъ указывалъ на необходимость реформировать комиссію, положеніе и составъ которой его и друзей его не удовлетворилъ.

Чѣмъ же комиссія 1809 г. навлекла неудовольствіе довольно вліятельнаго кружка? Можетъ быть, отвѣтъ на это заключается въ письмѣ Сперанскаго къ дѣлопроизводителю комиссіи Емину отъ 18 авг. 1810 г. Сперанскій сообщаетъ Емину высочайшее повелѣніе, «чтобы по части образованія прежней Финляндіи», Еминъ, до внесенія дѣлъ на разсмотрѣніе комиссіи, *предварительно представлялъ* работу его величеству. Съ какой стати было бы обременять государя предварительными свѣдѣніями, когда у него немного оставалось времени и на разсмотрѣніе окончательныхъ рѣшеній комиссіи? Въ рукахъ опытнаго, искусившагося въ бюрократическихъ пріемахъ, Сперанскаго такое предварительное представленіе не значило ли, что послѣ дѣла возвращались въ комиссію съ состоявшеюся уже Высочайшею резолюціею, и въ такомъ случаѣ комиссія вмѣсто рѣшенія дѣла по существу должна лишь указать способы

къ наискорѣйшему и легчайшему исполненію высочайшей воли. Къ подобному пріему министры прибѣгали нерѣдко. Это предположеніе представляется тѣмъ вѣроятнѣе, что во второмъ пунктѣ письма Сперанскій уполномачиваетъ Емина не стѣсняться для старой Финляндіи заимствованіями изъ законовъ и постановленій въ новоприсоединенной Финляндіи.

Нѣсколько странная роль, предложенная теперь Емину, производителю дѣлъ, указываетъ на желаніе обойти самую комиссію; вѣроятнымъ представляется и то, что соображенія Емина дополнялись, освѣщались, измѣнялись Армфельдомъ, который пользовался тогда огромнымъ вліяніемъ на государя и былъ въ глазахъ его авторитетомъ по шведо-финскимъ вопросамъ. Сперанскій, сколько можно догадываться, не перечилъ восходящему на придворномъ горизонтѣ свѣтилу. Отношенія между ними были тогда очень хорошія, Армфельдъ пока даже льстилъ Сперанскому (письмо отъ 1 сент. 1810 г.).

Въ августѣ 1810 г. Сперанскій даетъ наставленія Емину; въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1810 г. о комиссіи отзывается уже такъ: она «едва успѣваетъ пересматривать дѣла уголовныя и заниматься собираніемъ свѣдѣній къ образованію Старой Финляндіи» и далѣе предлагаетъ устроить на будущее время финляндскія дѣла довольно близко къ плану Армфельда: дѣла ввѣряются особому статсъ-

секретарю или канцлеру юстиціи, при которомъ должна быть комиссія изъ четырехъ членовъ: двухъ финляндцевъ и двухъ здѣшнихъ. Сперанскій сталъ на точку зрѣнія Армфельда, но не вполнѣ, а только на половину.

На первый разъ это предложеніе какъ будто было оставлено безъ вниманія. Скоро, однако, въ апрѣлѣ 1811 г. возникло дѣло, которое указало государю, что финляндскія дѣла во всякомъ случаѣ требуютъ большаго къ себѣ вниманія. Это—дѣло о высочайше утвержденныхъ инструкціяхъ генералъ - губернатору и прокурору (совѣта).

По словамъ Сперанскаго, онъ не былъ «ни первымъ, ни послѣднимъ редакторомъ сихъ инструкцій», а проекты были составлены упомянутымъ уже профессоромъ Колопіусомъ и представлены въ Петербургъ вмѣстѣ съ замѣчаніями тогдашняго генералъ-губернатора Барклая де-Толли; въ Петербургѣ, по словамъ Сперанскаго, проектъ былъ нѣсколько измѣненъ и затѣмъ утвержденъ.

Въ Финляндіи инструкціи произвели весьма неблагопріятное впечатлѣніе, а совѣтъ финляндскій полагалъ даже, что ими ограничивается дарованная краю конституція, такъ какъ инструкціи утверждены были безъ вѣдома совѣта.

Сперанскому, хотя онъ и не былъ авторомъ, пришлось ликвидировать это дѣло. Генералъ-губернатору Штейнгелю Сперан-

скій разъяснилъ, что финляндскій совѣтъ устроенъ не по праву конституціи, но *по единому усмотрѣнію правительства.* Финляндія никогда не имѣла особеннаго совѣта. Утвержденіе правъ ея никакой не имѣло связи съ симъ установленіемъ. Права могли существовать и безъ совѣта и были даже утверждены прежде его учрежденія... Примѣчатели предполагаютъ, что для составленія сихъ инструкцій надлежало прежде сообщить ихъ совѣту и истребовать его мнѣніе. На сіе нѣтъ никакого положенія въ законахъ. *Сіе могло быть и не быть по усмотрѣнію правительства.*

Слова эти очень характерны для Сперанскаго, они показываютъ, какъ онъ понималъ финляндскую конституцію и какое значеніе въ его глазахъ имѣли постановленія сейма. Это—avis и ничего больше. То, что учрежденіе совѣта было разсмотрѣно и принято сеймомъ, не придавало совѣту никакой политической силы; совѣтъ какъ будто оставался учрежденіемъ по усмотрѣнію правительства, а сеймъ—учрежденіемъ законосовѣщательнымъ.

Но слова эти сказаны въ письмѣ къ Штейнгелю, сказаны въ минуту понятнаго раздраженія. При другихъ политическихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, благодаря данному случаю и послѣдовало бы разъясненіе, какъ слѣдовало понимать финляндскую конституцію. Но въ 1811 г. правительство въ лицѣ Сперанскаго вмѣ-

сто разъясненія поспѣшило отступить. Взгляды Сперанскаго остались извѣстны только генералъ-губернатору, а на дѣлѣ тому же генералъ-губернатору поручено было государемъ составить подъ своимъ предсѣдательствомъ небольшой комитетъ изъ двухъ или трехъ членовъ совѣта, при участіи автора инструкцій Колоніуса и въ комитетѣ этомъ разсмотрѣть: 1) въ чемъ не сходство инструкцій съ *коренными законами*; 2) чѣмъ замѣнить статьи, оказавшіяся неудачными, и 3) по окончаніи дѣла представить его на усмотрѣніе государя. Пока же, до разсмотрѣнія, дѣйствіе инструкцій повелѣно было пріостановить. Если Сперанскій настоялъ на томъ, что обсужденіе инструкцій въ совѣтѣ финляндскомъ не состоялось, то нетрудно видѣть, что по существу онъ поспѣшилъ сдѣлать уступку финляндцамъ: но уступка эта удобная лично для Сперанскаго, такъ какъ она отсрочивала моментъ необходимаго объясненія, едва ли соотвѣтствовала интересамъ государственнымъ.

Съ другой стороны, пріостановленіе высочайше утвержденныхъ инструкцій, пересмотръ ихъ—подобные факты должны были убѣдить Сперанскаго въ необходимости настаивать на измѣненіи порядка обсужденія финляндскихъ дѣлъ. Съ весны 1811 г. онъ уже не сопротивляется идеямъ Армфельда о преобразованіи коммиссіи и учрежденіи особой должности статсъ-секретаря по финляндскимъ дѣламъ. Армфельдъ на-

стаивалъ, чтобы какъ статсъ-секретарь, такъ и члены комиссіи были обязательно уроженцы великаго княжества.

Учрежденіе комиссіи было написано Сперанскимъ; 8 сент. 1811 г. Сперанскій могъ извѣстить Армфельда объ утвержденіи его доклада, а 26 окт. 1811 г. данъ былъ указъ о преобразованіи комиссіи.

Организація комиссіи остается пока не совсѣмъ выясненной; дѣлопроизводство въ ней пока дозволено было на шведскомъ языкѣ, но составлялась ли она исключительно изъ финляндскихъ уроженцевъ, это обстоятельство для насъ не выяснено, несмотря на утвержденія Коркунова и Бородкина. Дѣло въ томъ, что въ концѣ декабря 1811 года членами ея были назначены Сперанскій и Розенкампфъ, именно 26 дек. 1811 г. Армфельдъ извѣстилъ Сперанскаго о назначеніи его членомъ финляндскаго комитета по случаю возсоединенія Старой и Новой финляндій,—«давая вамъ новый случай употребить вашъ признанный талантъ на пользу его службы».

Во всякомъ случаѣ съ преобразованіемъ комиссіи активная роль Сперанскаго по финляндскимъ дѣламъ кончилась.

Но за время управленія Сперанскаго этими дѣлами совсѣмъ подготовлено было еще одно крупное и очень важное дѣло, которое и послужило причиной назначенія Сперанскаго въ Финляндскій Комитетъ, именно присоединеніе Старой Финляндіи къ Новой.

Мысль о возсоединеніи обѣихъ Финлян-

дій—мысль сравнительно старая: она высказывалась финляндскими дѣятелями еще во время аньяльской конфедераціи.

Старая Финляндія (завоеванія по Ништадскому и Абовскому мирнымъ договорамъ) имѣла всегда особое управленіе. Абовскій трактатъ § 9 обезпечилъ населенію присоединяемаго края сохраненіе старыхъ привилегій. Обѣщанія Елизаветы были подтверждены въ 1764 г. Екатериною. Областныя реформы Екатерины не успѣли еще пустить корней въ Старой Финляндіи, какъ Павелъ I приказалъ возстановить въ ней всѣ тѣ присутственныя мѣста, кои «по прежнимъ тамошнимъ правамъ и привилегіямъ существовали до открытія намѣстничества». Александръ Павловичъ повелѣлъ (1801 г. сент. 9) оставить въ настоящемъ образѣ правленіе Финляндской губерніи, какъ состоящее на особыхъ правахъ.

Безусловно обособленное положеніе этой губерніи не могло не привести къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Вопросъ этотъ озабочивалъ русское правительство, образовавшее еще въ 1802 г. особую комиссію. Послѣ присоединенія остальной части Финляндіи у государя явилась мысль соединить обѣ части въ одно. Со времени появленія Армфельда въ Петербургѣ вопросъ этотъ снова былъ поднятъ. Армфельдъ писалъ докладныя записки (мемуары) на эту тему. Въ дѣлахъ государственнаго совѣта при журналѣ, въ которомъ

обсуждалось это дѣло, сохранились двѣ записки—одна на французскомъ, другая на русскомъ языкахъ. Можетъ быть, что первая написана Армфельдомъ, вторая—Сперанскимъ. Первая, французская, записка доказываетъ крайне бѣдственное, нищенское положеніе Старой Финляндіи подъ русской властью; авторъ записки считалъ своимъ долгомъ удостовѣрить, что не государи Россіи виновны въ столь плачевномъ положеніи Финляндіи, а тѣ лица невѣжественныя, которымъ ввѣрялось управленіе: они-то, не зная ни языка, ни законовъ страны, извратили ея установленія и довели ее до матеріальнаго и нравственнаго упадка. Средство поправить зло одно—возсоединеніе (réunion) съ той Финляндіей, qui vient d'être *incorporée* à la Russie.

Если эта записка Армфельда, то онъ не отрицалъ, что Новая Финляндія инкорпорирована Россіей.

Русская записка—по изложенію, повидимому, принадлежащая Сперанскому—исходитъ изъ того положенія, что нельзя ни образовать управленія въ Старой Финляндіи по шведскому образцу, оставляя ее въ числѣ русскихъ губерній, ни распространить на нее общія начала губернскихъ учрежденій. Первое невозможно потому, что 1) шведскія гражданскія права тѣсно связаны съ правами политическими, 2) въ сенатѣ и министерствахъ трудно соображать финляндскія

дѣла съ нашими узаконеніями. Второе предположеніе также невозможно, потому что намъ при этомъ придется затронуть весьма сильно права личныя и вещественныя, сохраненіе которыхъ обѣщано населенію; слѣдовательно придется или выкупить эти права или нарушить обѣщаніе.-

Итакъ, и русская записка приходитъ къ тому же выводу, что и французская: средство одно—возсоединеніе обѣихъ Финляндій. Зато, утѣшаетъ авторъ русской записки, бѣдность, упадокъ земледѣлія и нравовъ не будутъ болѣе въ предверіяхъ самой столицы въ укоризну закону и управленію. Авторъ нѣсколько смущенъ тѣмъ только, что старая Финляндія ставила рекрутовъ и давала доходъ казначейству. Но доходъ маловажный, а въ Финляндіи предположено современемъ возстановить милицію.

Это было внесено сначала въ комитетъ предсѣдателей 28 ноября, не вызвало тамъ никакихъ возраженій, а затѣмъ единогласно 4 декабря прошло и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта; манифестомъ 11 декабря 1811 г. возвѣщено было населенію.

Отчего столь важное дѣло прошло такъ незамѣтно и въ высшихъ установленіяхъ имперіи и въ обществѣ? Въ обществѣ, конечно, оттого, что національное самосознаніе развито было чрезвычайно слабо. Въ правительственныхъ учрежденіяхъ была еще одна особая причина,—вопросъ

былъ предрѣшенъ государемъ, и Сперанскій явился первымъ вѣстникомъ царской воли. Почти за мѣсяцъ до внесенія дѣла въ комитетъ председателей государь далъ рескриптъ боргоскому епископу Алопеусу—«остановившись на проектѣ соединить старую и новую Финляндію» (26-го октября 1811 г.); Алопеусъ съ восторгомъ отвѣчалъ Сперанскому—отъ 2 ноября; 4 ноября Сперанскій писалъ офиціально кн. Голицыну: «изъ прилагаемаго при семъ въ спискѣ высочайшаго рескрипта... ваше сіятельство усмотрѣть изволите намѣренія государя императора, чтобы при присоединеніи старой Финляндіи къ новой...»

Что же значило обсужденіе дѣла въ комитетѣ предсѣдателей и совѣтѣ?

Какой ироніей звучатъ послѣ этого слова пермскаго письма!

Приблизительно тѣмъ же началамъ автономіи Сперанскій сочувствовалъ и въ русско-польскихъ отношеніяхъ. Въ іюнѣ 1811 г. съ нимъ бесѣдовалъ кн. Огинскій, извѣстный сторонникъ автономіи Литвы, объ отдѣльномъ управленіи литовскаго *княжества*. Сперанскій, въ докладѣ своемъ, предлагаетъ сообразно намѣреніямъ и видамъ государя учредить въ Петербургѣ комитетъ изъ лучшихъ польскихъ дворянъ *подъ предлогомъ* жалобъ на неуравнительность повинностей. Удобнѣе, продолжаетъ Сперанскій, составить комитетъ не по выбору (слишкомъ громко), а по назначенію, тѣмъ болѣе, что у Огинска-

го есть уже списокъ людей примѣчательныхъ; сообразивъ сей списокъ съ тѣмъ, который доставленъ былъ отъ Северина Потоцкаго, кажется, легко будетъ сдѣлать хорошій выборъ. Предсѣдателемъ комитета Сперанскій предлагаетъ гр. Завадовскаго (поляки его уважаютъ и любятъ), а *нашимъ* это назначеніе преградило бы толки о комитетѣ.

Итакъ, по образцу финляндской комиссіи предполагалось образовать польско-литовскую для введенія автономіи въ западномъ краѣ.

Вновь присоединенная къ Россіи по Шенбрунскому миру часть Галиціи, т. наз. Тарнопольская область устраивалась при посредствѣ Сперанскаго. Для устройства управленія туда посланъ былъ сенаторъ Тейльсъ, который сносился съ Петербургомъ чрезъ Сперанскаго. Чрезъ Сперанскаго же шли бумаги по управленію Молдавіей и Валахіей. Митрополитъ и экзархъ Гавріилъ просили Сперанскаго ходатайствовать предъ государемъ за бѣдный, шесть лѣтъ уже раззоряемый народъ; лучшимъ средствомъ къ этому экзархъ считалъ учредить комиссію молдаво-валахійскихъ дѣлъ, которая занялась бы устройствомъ края. 5 марта 1812 г. Сперанскій извѣстилъ митр. Гавріила объ учрежденіи этой комиссіи.

Не всѣ дѣла внѣшней политики проходили черезъ руки Сперанскаго, но во всякомъ случаѣ важнѣйшія изъ нихъ. Уча-

стіе Сперанскаго въ дѣлахъ внѣшнихъ наглядно показываетъ, въ какихъ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ ему приходилось бывать, въ атмосферѣ какого притворства и обмана приходилось дѣйствовать.

Какъ и многіе государи, Александръ Павловичъ велъ свою политику, помимо офиціальныхъ представителей своихъ. Извѣстно нѣкоторое недовѣріе, которое государь имѣлъ къ способностямъ тогдашняго канцлера, гр. Н. П. Румянцева и своего посла въ Парижѣ кн. А. Б. Куракина. По мысли Сперанскаго рѣшено было отправить въ Парижъ для непосредственныхъ переговоровъ съ Наполеономъ, для развѣдыванія положенія и для наблюденія К. В. Нессельроде, тогда совсѣмъ еще молодого человѣка; Нессельроде долженъ былъ вести переписку со Сперанскимъ, который представлялъ со государю. Министерство иностранныхъ дѣлъ о перепискѣ этой ничего не знало. Переписка эта чрезвычайно характерна для тогдашнихъ отношеній. Нессельроде совершенно правильно указываетъ на неизбѣжность войны Наполеона съ Россіей, указываетъ и то, что война будетъ въ 1812 г. Письма Нессельроде начинаются 15 марта 1810 г. и кончаются въ сентябрѣ 1811 г. Главными свѣдѣніями Нессельроде снабжалъ Талейранъ, измѣнившій своему отечеству. Онъ носитъ въ письмахъ названія «mon couzin Henry», «Anna Ivanov-

na», «le jurisconsulte», «notre libraire» (предлогомъ переписки, были сношенія Сперанскаго съ французскими юристами). Самъ Сперанскій называется «mon zemillant cousin», «le voyageur» и «Caroline». Александръ Павловичъ—«Louise»,«Mollvo» и «Savant». Есть подозрѣніе (вел. кн. Николай Михаиловичъ), что и другія лица, доселѣ считавшіяся вполнѣ преданными Наполеону, задолго до 1812 г. продали его. Благодаря этой перепискѣ, Сперанскій былъ освѣдомленъ въ наиболѣе важныхъ, интимныхъ нитяхъ политики государя.

Дѣло Бека, арестованнаго скоро послѣ высылки Сперанскаго, показываетъ, что Сперанскій, очевидно безъ вѣдома государя, старался проникнуть въ иностранныя сношенія глубже, чѣмъ, можетъ быть, этого хотѣлъ государь. Къ тому, что раскрыто Корфомъ и Шильдеромъ, добавимъ, что Сперанскій интересовался личностью Бека, его жалованьемъ, обѣщалъ ему свою помощь; Бекъ давалъ Сперанскому и такія бумаги, на которыя не имѣлъ разрѣшенія, и съ своей стороны обращался къ Сперанскому съ просьбой по своимъ личнымъ дѣламъ; Бекъ былъ въ связяхъ со старикомъ гр. Паленомъ и т. п.

Преступленія со стороны Сперанскаго здѣсь никакого не было, но безтактность нѣкоторая, конечно, была допущена.

Ссылка Сперанскаго.

17 марта 1812 г. дѣятельность Сперанскаго внезапно прервалась. Къ 8 часамъ вечера онъ былъ вызванъ во дворецъ; ночью съ 17 на 18 отправленъ въ сопровожденіи частнаго пристава Шипулинскаго въ Нижній-Новгородъ.

Что могло заставить государя Александра Павловича поступить тамъ жестоко со своимъ любимцемъ?

Изслѣдователи выходили изъ предвзятой мысли, что въ дѣятельности Сперанскаго не было ничего такого, что могло бы навлечь столь жестокую кару. Сперанскій палъ невинно, палъ жертвою или гнусной интриги со стороны лицъ, расчитывающихъ унаслѣдовать его положеніе, или личныхъ разсчетовъ монарха—«итакъ патріотизмъ, требованія общественнаго мнѣнія прикрыло собою сведеніе личныхъ счетовъ оскорбленнаго мстительнаго сердца. Страшныя слова, измѣна, предательство, были пущены въ ходъ съ рѣдкимъ умѣньемъ, были найдены подходящіе исполнители и простое по сущности дѣло затмилось настолько что потребовалось почти сто лѣтъ, чтобы нѣсколько распутать его и найти путеводную нить среди цѣлаго лабиринта преднамѣренной лжи и противорѣчивыхъ показаній».

Такое отношеніе историковъ къ катастрофѣ Сперанскаго имѣло свои основанія:

бар. Корфъ не ставилъ задачею своею критическій разборъ дѣятельности Сперанскаго, для другихъ—Сперанскій остался носителемъ высшихъ политическихъ идеаловъ; паденіе Сперанскаго было крушеніемъ либеральныхъ идей, торжествомъ режима Аракчеева.

Въ настоящее время позволительно, прежде всего, поставить вопросъ, оправдалъ ли Сперанскій надежды и довѣріе своего государя, какъ первый министръ?

Сперанскій явился и въ эти годы 1809—1812 года политическимъ дѣятелемъ безъ строго опредѣленной программы; конституціоналистъ 1809 года обратился въ 1810 г. въ приверженца самодержавія, прикрытаго внѣшними формами конституціонныхъ учрежденій. Неутвержденіе проекта реформы сената не заставило Сперанскаго ни отказаться отъ своего положенія, ни прекратить своей реформаторской дѣятельности. Не имѣя опредѣленной программы политической, Сперанскій не имѣлъ ея и въ области общественныхъ отношеній; взгляды его на крестьянское дѣло оставались неопредѣленными и интересами этого класса онъ способенъ былъ жертвовать въ угоду другимъ своимъ взглядамъ.

Какъ практическій государственный дѣятель Сперанскій не обнаружилъ искусства проводить въ жизнь свои идеи, принятые государемъ, указывать имъ легчайшіе пути: ему не удалось ни составить

уложенія, ни переустроить финансовъ. Какъ государственный секретарь, онъ не обнаружилъ умѣнія редактировать манифесты: то манифестъ (объ образованіи совѣта) выражалъ на словахъ больше, чѣмъ слѣдовало, то между отдѣльными манифестами замѣчались противорѣчія.

Была еще одна отрицательная черта у Сперанскаго: неумѣніе привлечь на свою сторону русское общественное мнѣніе; напротивъ онъ скоро сталъ положительно предметомъ общественной ненависти; невѣрно было бы объяснить это тѣмъ, что Сперанскій выскочка, что онъ «поповичъ»; представитель либеральнаго режима; Сперанскій могъ бы привлечь къ себѣ располо ложеніе общественныхъ круговъ, какъ сумѣлъ онъ это сдѣлать въ Финляндіи,— въ Россіи онъ не считалъ это нужнымъ.

Слѣдовательно, Сперанскій, какъ дѣятель, не оправдалъ довѣрія государя; и если бы дѣло ограничилось этимъ, онъ вѣроятно, получилъ бы отставку болѣе или менѣе почетную, потому что на Сперанскаго возложено было слишкомъ много дѣлъ и чрезвычайно важныхъ дѣлъ. Но къ неудовольствію или разочарованію государя въ дѣяніяхъ Сперанскаго присоединилось разочарованіе въ личности Сперанскаго. Дѣйствія Сперанскаго никогда не отличались прямотой и искренностью, и, однако, онъ умѣлъ многимъ казаться человѣкомъ преданнымъ и расположеннымъ. Александръ Павловичъ, возвысивъ Сперанскаго, приблизивъ къ се-

бѣ, имѣлъ право считать его «своимъ» человѣкомъ, съ которымъ онъ могъ и не стѣсняться. Сперанскій не щадилъ болѣзненнаго самолюбія государя и въ отзывахъ о немъ позволилъ себѣ то, чего не имѣлъ права позволять; и не только въ отзывахъ, но и въ дѣйствіяхъ. Дѣло Бека показываетъ, что Сперанскій не прочь былъ проникать въ сферы, ему не подлежащія; затѣмъ Сперанскій въ своей дѣятельности вовсе не былъ одинокъ: финансовый планъ, извѣстный подъ его именемъ, былъ произведеніемъ кружка, члены котораго почти всѣ прошли въ совѣтъ или министры. Государь не захотѣлъ видѣть около себя такого человѣка, и Сперанскаго постигла участь, которой раньше подвергся Паленъ, гр. Панинъ и нѣкоторые другіе.

Представить себѣ, что государь повѣрилъ «измѣнѣ» Сперанскаго — значитъ умалить умъ Александра; допустить, что выслалъ Сперанскаго для примиренія съ общественнымъ мнѣніемъ, для возбужденія патріотизма—значитъ и унижать характеръ государя и преувеличивать значеніе этого событія. Должно въ этомъ сложномъ дѣлѣ различать двѣ стороны: отставку и ссылку; первая вызвана была неуспѣхомъ политики Сперанскаго; вторая—его отзывами о государѣ. Для такой катастрофы нуженъ былъ поводъ, нужно было дѣло, которое раскрыло бы окончательно

глаза государю, убѣдило бы его, что дальше такая политика продолжаться не могла.

Представляется, что въ литературѣ пока мало было обращено вниманія на связь, между удаленіемъ Сперанскаго и удаленіемъ Мордвинова и на перемѣну, немедленно же воспослѣдовавшую, въ положеніи двухъ высшихъ учрежденій: государственнаго совѣта и комитета министровъ.

По свидѣтельству Мордвинова, «17 марта (?), въ воскресенье, день катастрофы Сперанскаго, въ совѣтѣ читали проектъ манифеста финансоваго характера, составленнаго уже не Сперанскимъ и составленнаго на противоположныхъ началахъ, въ коемъ обѣщалось населенію сложить въ будущемъ году новые налоги, установленные манифестомъ 11 февраля, далѣе оглашались возможность удвоить число ассигнацій и введеніе 6% облигацій. За принятіе манифеста высказались четыре министра (Гурьевъ, Балашовъ, Дмитріевъ и Козодовлевъ) и два члена совѣта (Алексѣевъ, Соблуковъ); два (Румянцевъ и Чичаговъ) высказались за перемѣну финансовой политики, но постепенную, не столь рѣшительную. Но большинство совѣта послѣ возраженій Мордвинова, Кочубея, Кампенгаузена полагало отвергнуть манифестъ. Послѣ этого засѣданія Мордвиновъ отказался отъ должности, затѣмъ послѣдовало сліяніе двухъ департаментовъ совѣта—законовъ и экономіи—въ одинъ и назначены были новые члены въ со-

вѣтъ: Армфельдъ и Поповъ; помощникомъ статсъ-секретаря—Розенкампфъ».

Разсказъ этотъ не совсѣмъ точенъ и требуетъ поясненія: 30 марта кн. Лопухинъ, предсѣдатель департамента законовъ, старый непріятель Сперанскаго, назначенъ былъ предсѣдателемъ соединенныхъ департаментовъ и ему повелѣно было предсѣдательствовать во всѣхъ департаментахъ; предсѣдателемъ совѣта назначенъ былъ Н. И. Салтыковъ—также противникъ Сперанскаго; за такимъ назначеніемъ Лопухина, очевидно, гр. Кочубей, Мордвиновъ и Аракчеевъ, какъ предсѣдатели департаментовъ, остались безъ дѣлъ. Далѣе 3 апрѣля повелѣно было соединить департаменты законовъ и экономіи и этимъ соединеннымъ департаментамъ повелѣно было разсмотрѣть прежде всего мѣры, принятыя въ 1810 г. по всѣмъ частямъ государственныхъ финансовъ, и департаментъ этотъ долженъ былъ обсудить способы возстановить и усилить довѣріе къ благонамѣренности и постоянству мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ по части финансовой.

Конечно, послѣ этого Мордвиновъ долженъ былъ уйти въ отставку и 2 апрѣля онъ подалъ объ этомъ прошеніе.

Что могло заставить правительство произвести столь странную реформу въ совѣтѣ? Кромѣ крайне неудовлетворительнаго положенія финансовъ, выразившагося въ страшномъ паденіи курса (мѣстами 19

руб. серебра за 100 р. асс.), обсуждался въ совѣтѣ вопросъ о содержаніи арміи. Мнѣніе Гурьева, проведенное потомъ въ апрѣлѣ 1812 г. чрезъ комитетъ министровъ, сводилось къ тому, что слѣдуетъ продовольствіе и снабженіе арміи расположить по возможности на землю; т. е. войска имѣютъ право забирать то, что имъ необходимо, выдавая владѣльцамъ квитанціи, которыя замѣнены будутъ 6% облигаціями правительства; такимъ путемъ казначейство избавится отъ необходимости высылать въ армію звонкую монету и ассигнаціи. Барклай де Толли, на заключеніе котораго, какъ главнокомандующаго, посланъ былъ журналъ комитета министровъ, высказался за предложеніе Гурьева съ нѣкоторыми измѣненіями въ томъ смыслѣ, такъ какъ «не все же можно» возложить на землю и въ армію необходимо высылать и серебряную монету. Такъ дѣло и было утверждено государемъ.

Такимъ образомъ наша армія снабжалась провіантомъ и фуражемъ и лишь по окончаніи всѣхъ войнъ съ 1816 г. правительство приступило къ ликвидаціи своихъ обязательствъ; общеизвѣстно, что большинство губерній пожертвовало впослѣдствіи всѣми своими претензіями государству (Московская, Калужская, Лифляндская, Смоленская и др.).

Судя по разсказу Мордвинова, эта мѣра въ числѣ прочихъ и не прошла въ совѣтѣ. Мордвиновъ и бывшіе съ нимъ за

одно считали, очевидно, поднятіе курса ассигнацій единственнымъ выходомъ изъ труднаго положенія.

Сужденіями въ совѣтѣ государь остался недоволенъ; недоволенъ онъ былъ вполнѣ и финансовой политикой. Два главныхъ дѣла Сперанскаго были скомпрометированы въ глазахъ государя.

Мы не знаемъ, въ какихъ словахъ осуждалось въ совѣтѣ предложеніе Гурьева; судя по позднѣйшему, аналогичному мнѣнію его въ 1821 г., можно думать, что осужденіе было рѣзкое, даже съ угрозами.

23 марта Сперанскій привезенъ былъ Шипулинскимъ въ Нижній - Новгородъ. Здѣсь Сперанскій проживалъ подъ строгимъ и не всегда искуснымъ полицейскимъ надзоромъ. Сначала Сперанскій не отдавалъ себѣ полнаго отчета въ происшедшемъ; онъ считалъ его слѣдствіемъ искусной интриги: если бы Балашовъ не предупредилъ его двумя недѣлями, то былъ бы на его теперешнемъ мѣстѣ. И въ письмѣ къ родственникамъ и въ разговорѣ съ друзьями, поспѣшившими въ Нижній, онъ не скрывалъ надежды, что настоящее его положеніе скоро измѣнится къ лучшему. Гордая нота увѣреннаго въ правотѣ своихъ идей дѣятеля звучитъ и въ письмѣ къ государю. Сперанскій не избѣгалъ нижегородскаго общества, онъ желалъ съ нимъ жить въ ладу и мирѣ; старался также узнать настроеніе народныхъ массъ. Къ величайшему своему огорченію увидѣлъ,

какъ широко распространилась молва о немъ, какъ измѣнникѣ и предателѣ; открытіе это причинило величайшую боль его душѣ, но Сперанскій имѣлъ твердость и мужество не показать никому, какъ жестоко онъ страдалъ. Въ сердцѣ его не нашлось мѣста злобѣ и ненависти къ тѣмъ, кто такъ мстилъ ему за его стремленіе утвердить въ Россіи начало законности и права. Иное дѣло его, враги; они не оставили его въ покоѣ; однимъ изъ самыхъ ярыхъ ненавистниковъ его продолжалъ быть гр. Растопчинъ; паденіе Сперанскаго не удовлетворило его: Сперанскій сталъ Растопчину орудіемъ, на которомъ тотъ разсчитывалъ создавать свой «патріотизмъ» народныхъ массъ. Есть основаніе думать, что онъ готовилъ ему судьбу Верещагина.

Сперанскій надѣялся поселиться въ деревнѣ, около Нижняго; вмѣсто этого 15 сентября въ Нижній, гр. П. А. Толстому, командовавшему ополченіемъ, пришло повелѣніе отправить сего вреднаго человѣка (Сперанскаго) подъ карауломъ въ Пермь, съ предписаніемъ губернатору отъ имени государя имѣть его подъ тѣснымъ присмотромъ и отвѣчать за всѣ его шаги и поведеніе. Ближайшею причиною такого распоряженія былъ разговоръ Сперанскаго у нижегородскаго преосвященнаго Моисея, въ которомъ Сперанскій позволилъ себѣ съ похвалою отозваться о Наполеонѣ, въ частности объ его отношеніи къ духовенству.

23 сентября 1812 г. Сперанскій былъ привезенъ въ Пермь частнымъ приставомъ Козловымъ; вскоро прибыла его семья. Въ Перми Сперанскому жилось значительно хуже, чѣмъ въ Нижнемъ: надзоръ полиціи былъ сильнѣе, отъ него всѣ отворачивались, слово «измѣнникъ» бросали ему въ глаза, суровый климатъ, полное безденежье, отсутствіе друзей сломили духъ Сперанскаго. Онъ сталъ просить, сталъ домогаться облегченія своей участи; онъ не получалъ жалованья, не получалъ того, что ему слѣдовало. Первоначально онъ обратился къ гр. П. А. Толстому, прося его переслать письмо къ государю; послѣ неудачи, онъ рѣшился написать государю чрезъ Балашова: письмо зашито было въ шапку гонца и при письмѣ серебряныя деньги. Въ отвѣтъ на это Сперанскому повелѣно было производить жалованье по 6.000 р. въ годъ, вмѣстѣ съ тѣмъ губернатору пермскому (Гермелу) было разъяснено, какъ онъ долженъ обходиться съ Сперанскимъ. Огорченіемъ Сперанскому былъ выговоръ отъ государя за неприличную посылку письма въ шапкѣ, а также и за посылку серебряныхъ денегъ. Послѣ этого измѣнилось какъ матеріальное, такъ и нравственное положеніе опальнаго; пермское общество открыло ему свои двери и Сперанскій сумѣлъ скоро пріобрѣсти его любовь и уваженіе.

Въ душѣ Сперанскаго начался переворотъ, который приближалъ его міросозерцаніе къ новому настроенію государя. Въ

письмахъ своихъ онъ заговорилъ о «лжеименномъ» разумѣ, которымъ избаловались люди. Глубокимъ смиреніемъ, безразличіемъ нравственнымъ проникнуты строки: «я долго взиралъ на преступниковъ, закономъ осужденныхъ, публично наказанныхъ и сосланныхъ, съ внутреннимъ отвращеніемъ; нынѣ смотрю на нихъ съ *нѣкоторою отрадою*. Это ангелы добродушія въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, что мы называемъ часто честнымъ и порядочнымъ человѣкомъ».

Духъ смиренія не вполнѣ овладѣлъ Сперанскимъ: «я живу здѣсь изрядно, весьма уединенно и спокойно; возвратиться на службу не имѣю ни большой надежды, ни желанія; но желаю и надѣюсь зимою переселиться въ маленькую мою новгородскую деревню, гдѣ теперь живетъ моя дочь и семейство, и тамъ умереть, если только дадутъ умереть спокойно; люди и несправедливости ихъ по благости Божіей мало-по-малу изъ мыслей моихъ исчезаютъ».

Незадолго передъ этими письмами Сперанскій отправилъ свою семью изъ Перми въ упоминаемую имъ деревню «Великополье». Бар. Корфъ справедливо считаетъ причиною отправки дочери—желаніе Сперанскаго возвратить себѣ царскую милость. Дочь повезла съ собою письмо, такъ называемое пермское.

Письмо это лучше, чѣмъ письма къ друзьямъ, письма иногда длинныя на семи страницахъ, даетъ отчетъ о настроеніи автора его. Сперанскій рѣшительно защи-

щаетъ всѣ главнѣйшія свои преобразованія: совѣтъ—всѣ послѣдствія его оправдали; министерства устроены такъ, что ни одно государство въ Европѣ не можетъ похвалиться учрежденіемъ столь опредѣлительнымъ и твердымъ; сенатъ—необходимо долженъ быть переустроенъ по его предположеніямъ; законы—Сперанскій не могъ сдѣлать столько, сколько хотѣлъ, но въ два года онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ во все время съ Петра Великаго было исполнено; финансовая система его спасла государство отъ банкротства.

Изгнанникъ, онъ попрежнему ревнивъ къ славѣ своего государя: онъ догадывается, что государя стараются уловить системой ложныхъ страховъ и подозрѣній, и предостерегаетъ отъ нихъ государя, ибо такая система всегда приводитъ къ безславію и бѣдствію; онъ напоминаетъ, что онъ напротивъ, всегда старался питать и возвышать въ душѣ своего государя ту любовь къ человѣкамъ, ту терпѣливость къ ихъ слабостямъ, ту кротость и снисхожденіе, коею Богъ и природа въ благости своей одарили государя.

Въ награду всѣхъ горестей своихъ, въ возмездіе всѣхъ тяжкихъ трудовъ, онъ проситъ позволенія провести остатокъ своихъ дней въ маленькой своей деревнѣ; и онъ былъ бы вполнѣ счастливъ, если бы въ этой уединенной жизни государю угодно было поручить ему окончить какую либо часть

законовъ: гражданскую, или уголовную, или судебную.

Цѣль письма—вернуть довѣріе государя; для этого Сперанскій оправдывается въ сдѣланныхъ имъ преобразованіяхъ и, понимая невозможность уже сразу занять прежнее мѣсто, проситъ предоставить ему одно дѣло—составленіе свода.

Литературныя занятія Сперанскаго посвящены были религіи. Онъ перевелъ книгу Ѳомы Кемпійскаго, занимался Biblia polyglota. Въ новомъ письмѣ изъ Перми къ государю (9 іюля 1814 г.) Сперанскій близко подходитъ къ сокровеннымъ желаніямъ государя въ словахъ: «да будетъ миръ сей эпохою лучшихъ дней человѣчества, твердымъ союзомъ не только политическаго, но и *нравственнаго* порядка образованія, новымъ залогомъ благоустройства и счастія...»

Такъ правильно схватилъ Сперанскій новое настроеніе Александра, живя въ глуши, отдаленный отъ него на нѣсколько тысячъ верстъ; что же было, когда онъ часто видѣлся съ государемъ!

Теперь, въ отвѣтъ на это письмо, гдѣ онъ повторялъ свою просьбу о позволеніи жить въ деревнѣ, онъ получилъ благопріятный отвѣтъ. Онъ сталъ ближе къ Петербургу, онъ надѣялся, что скоро возвратится туда, куда его такъ неотразимо тянуло. Его дѣйствительное настроеніе, дѣйствительная надежда выразилась въ словахъ Кочубею, будто первымъ движе-

ніемъ государя было вызвать его въ Петербургъ; второе—проводить за присмотромъ въ деревню.

Но Сперанскій гораздо лучше схватывалъ идеи своего государя, чѣмъ его чувства. Онъ принужденъ былъ прожить еще два года въ Великопольѣ, въ той же ссылкѣ, только гораздо болѣе приличной За образомъ жизни его тщательно продолжали наблюдать. Въ Великопольѣ Сперанскій въ строгомъ уединеніи прожилъ почти два года, поклонникъ св. в. Терезы и Франциска обратился въ ревностнаго почитателя св. Саввы Вишерскаго. Повидимому, погруженный въ занятія, воспитаніе и образованіе дочери, Сперанскій на дѣлѣ не терялъ надежды на призывъ въ Петербургъ.

Политическая обстановка въ Петербургѣ измѣнилась: главные враги Сперанскаго (Армфельдъ, Балашовъ, Растопчинъ) сошли со сцены. Въ 1812—1814 гг. Россіей управляли гр. Н. И. Салтыковъ и Молчановъ при посредствѣ комитета министровъ, получившаго особыя полномочія тотчасъ послѣ удаленія Сперанскаго. Правленіемъ комитета министровъ государь остался чрезвычайно недоволенъ; конечно, обстоятельства, въ которыхъ приходилось дѣйствовать комитету министровъ, были чрезвычайныя, но и картины раскрывшихся послѣ окончанія войны злоупотребленій были также чрезвычайныя; государь не показалъ своего гнѣва старому своему воспитателю гр. Н. И. Салтыкову,—даже,

напротивъ, возвелъ его въ княжеское достоинство, но ст.-секр. Молчановъ отданъ былъ подъ судъ, а комитетъ министровъ (учрежденіе, къ которому Сперанскій всегда относился непріязненно, въ которомъ засѣдали его враги) попалъ подъ опеку гр. Аракчеева. Въ государственномъ совѣтѣ возстановленъ былъ тотъ нормальный порядокъ, который учрежденъ былъ образованіемъ 1810 г.; старый единомышленникъ Сперанскаго Мордвиновъ снова занялъ постъ предсѣдателя департамента экономіи.

Такимъ образомъ преемники Сперанскаго не только не доказали, что ихъ система лучше системы его, но скорѣе наоборотъ.

При совершившихся тогда (1814—1815 гг.) перемѣнахъ въ высшей администраціи, при замѣнѣ цѣлаго ряда министровъ (Разумовскій, Румянцевъ, Дмитріевъ, Балашовъ, Шишковъ), Сперанскій могъ разсчитывать на возвращеніе, но вопреки ожиданіямъ его этого не послѣдовало. Тогда онъ рѣшился уже прямо проситься снова на службу; сперва (въ Нижнемъ) онъ надѣялся, что сила обстоятельствъ заставитъ государя вернуться къ его, Сперанскаго, идеямъ и гордо заявлялъ о своей непоколебимости; позже (въ Перми) онъ оправдывался, доказывалъ правоту воззрѣній и дѣйствій и просилъ либо возможности спокойно дожить свой вѣкъ, либо позволенія работать надъ составленіемъ законовъ;

теперь въ Великопольѣ онъ просится на мѣсто, которое угодно будетъ предоставить ему, а мотивомъ просьбы выставляя ту страшную репутацію, которая сложилась вокругъ его имени; невозможность при такихъ условіяхъ передать своей дочери честнаго имени.

Первый разъ (насколько извѣстно) Сперанскій обратился изъ Великополья непосредственно къ государю чрезъ Вязьмитинова съ поднесеніемъ записки, мысли по поводу манифеста 25 декабря 1815 г. (отъ 6 января 1816 г.), въ которой онъ почти отрекался отъ прежняго своего міросозерцанія. Сперанскій сознавался, что пытливость разума часто ввергала его въ изысканія болѣе тонкія, нежели *основательныя*: изысканія сіи были въ свое время предметомъ бесѣдъ, коихъ ваше величество меня удостаивали. Священный союзъ—величайшій актъ, когда либо бывшій со времени введенія христіанской вѣры; онъ чистое изліяніе преизбыточествующей Христовой благодати—строители государственнаго порядка до сихъ поръ не примѣчали, пренебрегали основного, коренного начала—Божію силу, Божію премудрость; вмѣсто прежнихъ *дряхлыхъ* и *худородныхъ* стихій основано новое политическое право, коего твердость врата адовы не одолѣютъ.

Сперанскій спѣшитъ начертать, какіе предметы должны прежде всего обратить на себя вниманіе новаго христіанскаго

направленія политики: «1) народное просвѣщеніе и воспитаніе должны быть почерпаемы изъ ученія Христова; 2) улучшить содержаніе колодниковъ, ибо кто можетъ утверждать, чтобы въ числѣ осужденныхъ не было тѣхъ, которыхъ Христосъ называлъ меньшею своею братіею; и 3) уравнительное распредѣленіе государственныхъ податей и тяжестей всякаго рода, ибо нельзя умолчать, что есть подати, коихъ и простая языческая нравственность едва бы потерпѣла».

Мысли эти, кромѣ сознанія Сперанскаго въ прежнихъ его заблужденіяхъ, интересны и тѣмъ, что онѣ вполнѣ совпали съ правительственной политикою, хотя, конечно, не онѣ повліяли на нее: въ 1817 г. откупы замѣнены казенною продажею вина, народное образованіе поставлено именно на началахъ, предлагаемыхъ Сперанскимъ, и чины библейскаго общества, весьма вліятельнаго въ эти годы, усиленно стали заботиться объ улучшеніи быта заключенныхъ. Не Сперанскій принесъ либеральныя идеи въ 1801—1812 гг., но былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ ихъ распространителей; не Сперанскій принесъ и мистико-реакціонныя идеи 1815—1825 гг., но онъ же явился однимъ изъ первыхъ глашатаевъ ихъ.

Тѣмъ не менѣе это письмо не достигло цѣли.

Тогда онъ попытался обратиться къ посредничеству расположеннаго къ нему

Кочубея. Всегда уклончивый В. П. Кочубей уклонился отъ щекотливаго посредничества на томъ основаніи, что съ нимъ «ни одинъ разъ и слова не было вымолвлено о васъ», и что вообще онъ вовсе не у дѣлъ.

Кажется, одновременно съ обращеніемъ къ Кочубею, Сперанскій въ іюлѣ же 1816 г. обратился и къ посредничеству тогда уже всемогущаго Аракчеева.

Обращеніе къ прежнему противнику принесли другіе результаты, чѣмъ къ союзнику и покровителю. Конечно, Сперанскій могъ своеобразною лестью, щедро разсыпанною въ позднѣйшей перепискѣ, подкупить Аракчеева; но что для избалованнаго вельможи значило лесть бѣднаго изгнанника? А между тѣмъ, судя по тону переписки, защита была дѣйствительная, можетъ быть не изъ легкихъ: Сперанскій, по его же словамъ, стремился, чтобъ новый покровитель всегда смѣло могъ сказать: *«я его защищалъ, но онъ стоитъ моей защиты»*. Обычно непріязненное чувство къ гр. Аракчееву не позволяетъ нашимъ историкамъ (Корфъ, Шильдеръ) допустить мысль, что Аракчеевымъ руководило чувство справедливости и пониманія государственныхъ интересовъ, т. е. не могъ же онъ не понимать, что Сперанскаго *надо* возвратить къ государственной дѣятельности. Былъ, можетъ быть, еще одинъ вопросъ, по которому послѣдовало сближеніе между Сперанскимъ и Аракчеевымъ —

это военныя поселенія. Отношеніе Сперанскаго къ нимъ требуютъ дальнѣйшихъ разысканій. Впослѣдствіи, по настояніямъ Аракчеева онъ написалъ брошюру о поселеніяхъ, т. е. исполнилъ ту работу, отъ которой имѣлъ гражданское мужество отказаться его старый, принципіальный противникъ Карамзинъ; Великополье онъ продалъ подъ военное поселеніе (съ того времени оно и называется Сперанскою); переписку по этому дѣлу, въ которой Сперанскій и старался поднять цѣну имѣнію и болѣе чѣмъ сильно заискивалъ предъ Аракчеевымъ, послѣдній показывалъ государю... Но въ запискахъ Ильинскаго есть нѣчто болѣе интересное: онъ увѣряетъ, что онъ подалъ Сперанскому проектъ о поселеніи изъ крестьянъ вмѣсто рекрутскихъ наборовъ; Сперанскій доложилъ проектъ государю, «и сей велѣлъ населить прежде въ одной изъ польскихъ губерній». Военныя поселенія начались такъ, какъ указываетъ Ильинскій.

Въ письмахъ къ Аракчееву, которымъ надо полагать предшествовали переговоры, Сперанскій указалъ, какъ могло бы совершиться его возвращеніе на службу: или послѣ суда или образомъ «самымъ простымъ хотя, несравненно менѣе удовлетворительнымъ, предоставивъ ему оправдаться противъ словъ дѣлами. Сперанскій, какъ бы по старой привычкѣ, приложилъ проектъ приказа—«нынѣ, по подробномъ разсмотрѣніи, находя донесенія

сіи недоказанными, Его Величество соизволяетъ его употребить паки на службу».

Указомъ 30 августа 1816 г. Сперанскій назначенъ былъ пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Предложенный Сперанскимъ проектъ приказа не прошелъ вполнѣ; приказъ данъ былъ въ формѣ болѣе оскорбительной для Сперанскаго и его товарища по несчастью Магницкаго; Сперанскій, уже подъ конецъ жизни, увѣрялъ, что эта форма придумана была Аракчеевымъ, а что «государь совсѣмъ иначе былъ къ нему расположенъ», но это едва ли справедливо: государь тогда не хотѣлъ еще видѣть Сперанскаго и ему было приказано отправиться прямо въ назначенную губернію: государь простилъ его, но далеко не вполнѣ. Управленіе пензенской губерніей должно было убѣдить всѣхъ, насколько и какъ измѣнился Сперанскій. Постъ, занятый Сперанскимъ, былъ одинъ изъ труднѣйшихъ; безъ преувеличенія можн Ѧилизать, что немногіе счастливцы ка соходсъ подобныхъ мѣстъ безъ суда, безъ безконечныхъ тяжбъ и съ чистой репутаціей.

Пребываніе Сперанскаго въ Пензѣ интересно, какъ время его примиренія съ петербургскими сферами, явное обращеніе нѣкогда политическаго дѣятеля въ хорошаго чиновника; въ частности оно интересно измѣненіемъ его взглядовъ на задачи управленія.

Въ Пензѣ Сперанскій открылъ путь къ го-

сударю. До сихъ поръ ни одно изъ его писемъ къ Александру неудостоено было личнаго отвѣта; путь этотъ Сперанскій нашелъ чрезъ кн. А. Н. Голицына. Сперанскій всегда былъ религіозенъ, всегда былъ наклоненъ къ мистицизму, къ внутреннему христіанству. Тѣмъ радостнѣе было для него мистическое настроеніе государя: создавалась почва для новаго сближенія. Въ рядѣ писемъ кн. А. Н. Голицыну Сперанскій въ восторгѣ и отъ манифеста объ образованіи соединеннаго министерства и отъ дѣятельности библейскаго общества; въ Пензѣ библейское дѣло росло по малу, но ежедневно; Сперанскимъ обѣщано Голицыну лично вступить по дѣламъ этого общества въ сношеніе съ дворянствомъ. Зная любовь государя и Голицына къ всякаго рода пустынникамъ и затворникамъ Сперанскій проситъ Голицына испросить у государя разрѣшеніе ему краткаго отпуска для посѣщенія «пресловутой» Саровской пустыни; онъ надѣялся тамъ найти, судя по разсказамъ, силу внутренняго христіанства. Онъ не хотѣлъ просить отпуска обычнымъ порядкомъ чрезъ министерство полиціи («почтутъ сіе пустосвятствомъ»), онъ надѣялся что Голицынъ исходатайствуетъ ему отпускъ и самъ же сообщитъ ему о результатѣ. Дозволеніе было дано. Съ удовольствіемъ Голицынъ, а за ними и Александръ I, узнавали, что отнынѣ Сперанскій всѣмъ пытливымъ тонкостямъ авто-

ровъ предпочитаетъ чтеніе Ефрема Сирина; Сперанскій шелъ даже дальше: онъ опрашивалъ Голицына, что значитъ вообще чтеніе самыхъ истиныхъ пророческихъ книгъ, когда надо идти къ Богу живыми путями.

Къ этому времени Сперанскій окончилъ переводъ Ѳомы Кемпійскаго, который онъ пожертвовалъ библейскому обществу; государь соизволилъ приказать напечатать переводъ на свой счетъ. Сперанскимъ переведены были «Избранныя мѣста изъ твореній Таулера». Въ противоположность Голицыну и Александру Сперанскій не хотѣлъ, однако, заимствовать полезное чтеніе изъ постороннихъ кладезей, отчего не попытаться—изъ собственныхъ источниковъ, у него уже готовы были «Избранныя мѣста изъ бесѣдъ св. Макарія Великаго». Въ Перми и деревенскомъ уединеніи Сперанскій прошелъ твореніе отцовъ церкви; также основательныя знанія позволяли ему отнестись совершенно критически къ модному тогда мистику—Бему.

По дѣламъ библейскаго общества Сперанскій осмѣлился принести лично поздравленія государю и получалъ отвѣты уже лично отъ государя,—отвѣты, ярко обрисовывающіе тогдашнее мистическое настроеніе государя.

Съ Аракчеевымъ Сперанскій поддерживалъ весьма почтительныя отношенія; переписка касалась, главнымъ образомъ, продажи

Великополья. Въ самыя дружелюбныя сношенія вступилъ Сперанскій съ Гурьевымъ, о которомъ онъ такъ рѣзко отзывался еще въ пермскомъ письмѣ. Надо признать, что и Гурьевъ былъ весьма любезенъ со Сперанскимъ, сообщалъ ему свои предположенія, спрашивалъ мнѣнія составителя финансоваго плана. Тяжело читать отвѣты Сперанскаго—«сіи (Гурьева) превосходныя учрежденія ставятъ наше правительство на такой высотѣ финансовыхъ соображеній, къ которой и сама Англія доходила вѣками»... «Въ одной Англіи можетъ министръ говорить съ такимъ достоинствомъ» ....«остается желать, чтобы всѣ благонамѣренные люди считали долгомъ совѣсти поддерживать правительство въ его видахъ».

Благодаря Гурьеву Сперанскій получилъ высшій губернаторскій окладъ жалованья, по представленію Гурьева ему продолжена была аренда; наконецъ, за успѣшныя операціи по винной продажѣ, за возстановленіе казеннаго Брилевскаго завода Гурьевъ же исходатайствовалъ Сперанскому 5.000 десятинъ земли въ саратовской губерніи. Это показываетъ насколько полно было примиреніе Сперанскаго съ курсомъ, котораго держалось тогдашнее правительство.

Кн. Голицынъ, Аракчеевъ, Гурьевъ всегда держались другихъ убѣжденій, чѣмъ Сперанскій. Можно заподозрить, что въ перепискѣ съ ними Сперанскій не искре-

ненъ, что онъ до извѣстной степени поддѣлывался подъ ихъ политическіе и общественные взгляды. Письма къ Кочубею, который по своимъ воззрѣніямъ стоялъ всегда весьма близко къ Сперанскому, указываютъ, что перемѣна воззрѣній Сперанскаго вовсе не была такъ глубока: «Если бы теперь вопросили, какія же для внутренняго устройства Россіи учрежденія наиболѣе нужны,—не теряясь въ воздушныхъ высотахъ, можно было бы съ достовѣрностью отвѣтить: всего нужнѣе учрежденіе или уставъ объ управленіи губерній. Мысль о лучшемъ губернскомъ уставѣ сама уже приведетъ къ другимъ учрежденіямъ для внутренняго гражданскаго порядка необходимымъ,—къ учрежденіямъ, кои во *всѣхъ случаяхъ должны предшествовать* преобразованіямъ политическимъ, если желаютъ, чтобы сіи послѣднія когда-либо у насъ возникли съ прочною пользою и безъ потрясеній». Словомъ: добрая администрація есть первый шагъ; а въ администраціи правила и учрежденія занимаютъ первое мѣсто; выборъ и нарядъ исполнителей второе.

Передъ нами почти прежній Сперанскій, Сперанскій послѣдней редакціи знаменитаго «Плана»; разница и существенное лишь въ томъ, что тогда онъ начиналъ съ верховъ, т. е. центральной администраціи,—теперь, ставъ ближе къ провинціи, онъ на первое мѣсто ставитъ реформу губернскихъ учрежденій.

Цитата приведена изъ письма къ Кочубею, написаннаго Сперанскимъ по поводу весьма извѣстнаго проекта 1816 г. о намѣстничествахъ. Вѣроятно, по этому же поводу написана Сперанскимъ записка. Россія есть и всегда была государство военное. Гражданскія установленія ея—средства, а не цѣль; они не имѣютъ самостоятельности ни въ людяхъ, ни въ законахъ, ни въ учрежденіяхъ. Однако теперь время перейти отъ воинскихъ началъ управленія къ гражданскимъ. Необходимость этого перехода доказывается такъ же, какъ въ первыхъ редакціяхъ «Плана» доказывалась зрѣлость Россіи къ политической реформѣ: состояніемъ умовъ, общимъ неопредѣленнымъ недовольствомъ, упадкомъ значенія чиновъ и орденовъ, ропотомъ и т. п. Реорганизація управленія центральнаго и мѣстнаго необходима въ связи съ экономическимъ и образовательнымъ подъемомъ страны. Сперанскій цифрами доказываетъ, что одного дворянства не хватитъ на всѣ государственныя должности, что только путемъ привлеченія къ государственной службѣ и образованію другихъ сословій правительство можетъ обезпечить себѣ достаточный контингентъ служащихъ. Еще разъ Сперанскій подчеркиваетъ необходимость составить сводъ законовъ и на этотъ разъ предлагаетъ (вѣроятно, разумѣетъ себя), чтобы лицо, которому поручено будетъ столь важное дѣло, было освобождено отъ всякихъ дру-

гихъ занятій. Въ этой запискѣ любопытна не лишенная мѣткости характеристика русскаго управленія, какъ, «военнаго». Въ общемъ Сперанскій стоитъ на той же точкѣ, на которую онъ ступилъ съ конца 1809 г., когда выдвинулись всѣ трудности политической реформы, а равно (позже) и составленія законовъ. Пребываніе въ Пензѣ убѣдило его въ правильности прежнихъ взглядовъ на губернаторскую власть. По «Плану»—губернаторъ имѣетъ надзоръ надъ движеніемъ всѣхъ частей (полиціи, фабрикъ, торговли, почты, учебныхъ заведеній, казеннаго хозяйства) и всѣ предписанія министерствъ къ нему обращаются; онъ отвѣтствуетъ министерству, а управляющіе отвѣтствуютъ ему, т. е. губернаторъ не чиновникъ одного министерства внутреннихъ дѣлъ или полиціи, а хозяинъ губерніи, лицо отвѣтственное предъ всѣми министрами за все, происходящее въ губерніи, хозяинъ, ограниченный совѣтомъ депутатовъ всѣхъ состояній губерній, имѣющихъ собственность.

Въ Пензѣ Сперанскій воочію убѣдился, какъ далека была дѣйствительность отъ его предположенія и съ горечью писалъ: «губернаторъ есть хозяинъ губерніи; но въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ соединяются и вѣдаются хозяйственныя части, въ казенной палатѣ, онъ можетъ имѣть одно только случайное участіе. Губернаторъ есть надзиратель порядка въ при-

сутственныхъ мѣстахъ; но всѣ чиновники, къ надзору сему опредѣленные, не состоятъ въ его вѣдомствѣ и даже за нимъ сами надзираютъ». Губернаторъ, по Сперанскому, совершенно не имѣлъ способовъ быть въ дѣйствительности хозяиномъ губерніи. Положеніе лично Сперанскаго, какъ губернатора, было иное, чѣмъ, такъ сказать, обыкновенныхъ губернаторовъ: почти всѣ министры немедленно вступили съ нимъ въ весьма предупредительную переписку (Аракчеевъ, кн. Голицынъ, гр. Кочубей, Козодавлевъ, Кампенгаузенъ, Гурьевъ); тѣмъ не менѣе, такой опытный дѣлецъ, такой самостоятельный, самолюбивый и властный характеръ, какъ Сперанскій, живо почувствовалъ всю призрачность губернаторской власти, полную невозможность при тогдашнемъ составѣ сдѣлать что нибудь дѣйствительно полезное для губерніи. Слѣдуетъ припомнить, что тогда все казенное хозяйство (вино, соль, оброчныя статьи) вѣдалось вице-губернаторами, непосредственно подчиненными министру финансовъ; такъ что ближайшій помощникъ губернатора былъ чиновникомъ другого вѣдомства, и столкновенія между ними были довольно обычнымъ явленіемъ. Что же оставалось дѣлать Сперанскому? Сперанскій понималъ, для чего онъ назначенъ; что, конечно, онъ *не* долженъ былъ доказывать, что дѣятельность его не антиправительственна; онъ *не* долженъ былъ даже доказать, что онъ можетъ, имѣетъ способности управлять;

но онъ долженъ былъ доказать, что онъ способенъ своею дѣятельностью не раздражать общество и людей. Для этого надо было поладить съ петербургскими и мѣстными властями, а равно и съ пензенскимъ обществомъ—во-первыхъ, а, во-вторыхъ, не слишкомъ долго засиживаться въ Пензѣ, ибо при долговременномъ пребываніи невозможно было сохранить добрыя отношенія со всѣми.

Послѣднюю мысль нѣсколько позже высказалъ Сперанскому замѣчательно опредѣленно гр. Кочубей, тогда управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отчего отзывъ его получаетъ особое значеніе: «я у васъ спрашиваю, можете ли вы ласкаться, чтобы не имѣли вы впослѣдствіи чрезъ нѣсколько лѣтъ величайшихъ затрудненій и непріятностей по управленію вашему? Не приводя въ примѣръ всѣхъ предыдущихъ генералъ-губернаторовъ царствованій прошедшихъ и настоящаго, я не вижу, чтобы отправленіе, отъ высшаго правленія зависящее, имѣло то единство и ту систему, отъ коихъ въ администраціяхъ провинціальныхъ пользы ожидать можно».

Сперанскій понималъ это не хуже Кочубея; съ Петербургомъ у него установились наилучшія отношенія; возвращеніе его на службу привѣтствовали очень многіе его друзья, бывшіе сослуживцы и подчиненные. М. А. Балугьянскій восклицалъ: Restitueris patriae, amicis, bonis omnibus,

restitueris fortuna superior! Бар. Аминовъ поспѣшилъ послать Сперанскому медаль, выбитую офицерами старой финляндской арміи въ честь Александра Павловича, напоминая, что онъ, Сперанскій, принималъ большое участіе въ благополучіи Финляндіи. С. М. Броневскій въ дружественномъ письмѣ вспоминалъ, что Сперанскій научилъ его молитвѣ «Господи, помилуй»! Бетсонъ, генеральный французскій консулъ, посылалъ привѣтъ тому, кого имѣлъ счастье видѣть еще въ Эрфуртѣ; Хавскій прислалъ ему свое сочиненіе «О наслѣдствѣ» и т. д.

Со своими подчиненными Сперанскій обходился ласково, выхлопоталъ, пользуясь своимъ вліяніемъ, имъ много наградъ, на пріемахъ давалъ средство отъ зубной боли. Всего труднѣе, казалось бы, ему было поладить съ дворянствомъ, которое было вооружено противъ него; къ пензенскому дворянству принадлежала семья Вигелей, глава которой Ф. Ф. Вигель былъ врагомъ Сперанскаго вездѣ, гдѣ только могъ. Но, съ другой стороны, Сперанскому въ этомъ отношеніи много помогъ старый и вѣрный его другъ — А. А. Столыпинъ, тоже пензенскій помѣщикъ; и скоро Сперанскій, который всегда умѣлъ, когда хотѣлъ, очаровывать людей, пріобрѣлъ любовь и уваженіе пензенскаго дворянства. У губернаторовъ того времени бывали нерѣдко столкновенія съ губернскими предводителями дворянства; у Спе-

ранскаго, напротивъ, съ тогдашнимъ пензенскимъ предводителемъ Кишинскимъ завязались и надолго сохранились наилучшія отношенія. При первомъ же значительномъ возмущеніи крестьянъ помѣщичьяго села Кутли Сперанскій далъ дворянству доказательство своего отношенія къ больному и животрепещущему вопросу... Затѣмъ Сперанскій и самъ сталъ пензенскимъ помѣщикомъ, пріобрѣтя имѣніе Холеневка. Въ Пензѣ онъ пріобрѣлъ такую общую любовь, которой удостаивались лишь немногіе губернаторы; это признаетъ и Вигель. Дворянство и купечество торжественно провожали Сперанскаго; на одномъ транспарантѣ была надпись:

„Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ“.

Когда Сперанскій возвращался изъ Сибири, мѣстное общество опять устроило ему торжественную встрѣчу.

Итакъ, Сперанскій блестательно доказалъ, что онъ истинный христіанинъ, что дѣятельность его никого не возбуждаетъ противъ правительства, что онъ человѣкъ вполнѣ «спокойный», что онъ не только не врагъ дворянства, а, напротивъ, пользуется полными симпатіями этого сословія. По мѣрѣ того, какъ стали выясняться столь благопріятные результаты, Сперанскій усиленно сталъ хлопотать о томъ, чтобы выбраться изъ Пензы. Главнымъ

образомъ чрезъ старыхъ своихъ доброжелателей—К. В. Нессельроде и В. П. Кочубея —онъ сталъ домогаться сенаторства, дабы этимъ почетнымъ званіемъ закончить свою служебную карьеру и выйти затѣмъ въ отставку. Конечно, онъ былъ увѣренъ, что теперь его не отпустятъ со службы, и что любимое его занятіе—составленіе законовъ—не минуетъ его.

Сибирь.

Но государь еще не хотѣлъ видѣть его, не потому, чтобы онъ боялся встрѣтиться съ тѣмъ, кто призывалъ его къ суду Божіему, а потому, что не простилъ совсѣмъ личной обиды; поэтому Сперанскій назначенъ былъ (22 марта 1819 г.) сибирскимъ генералъ-губернаторомъ; не столько генералъ-губернаторомъ, сколько ревизоромъ. Назначеніе это сначала, кажется, не порадовало Сперанскаго; по крайней мѣрѣ, онъ въ перепискѣ съ высокими своими корреспондентами не скрывалъ огорченія. Но уже изъ рескрипта государя онъ могъ увидѣть, что назначеніе это, сводилось къ тому, что ему приходилось вмѣсто обычныхъ 1.500 верстъ, отдѣляющихъ Пензу отъ Петербурга, одѣлать 12.000 в. Затѣмъ онъ утѣшился мыслью, что путешествіе его будетъ небезполезно для обширнаго края; онъ даже мечталъ, что и Жуковскіе и Мерзляковы изъ рода тунгусовъ и остяковъ воспоютъ имя его, какъ греки воспѣвали Кадма или скандн-

навы — Одина. Во всякомъ случаѣ Сперанскій не думалъ и не хотѣлъ посвятить богатыя силы свои Сибири; проревизовать управленіе края, намѣтить средства для исправленія и поскорѣе въ Петербургъ, — «я не болѣе, какъ на годъ и много если на годъ съ половиною долженъ отправиться въ Сибирь». Такъ, Сибирь была лишь второю ступенью для возвращенія себѣ почетнаго положенія въ Петербургѣ.

27 мая 1819 г. Сперанскій вступилъ въ свою новую должность въ Тобольскѣ; 9 февраля 1821 г. онъ выѣхалъ уже изъ Сибири (изъ Тюмени); онъ выѣхалъ бы раньше, если бы не былъ задержанъ государемъ. Войти глубоко, войти съ любовью въ сибирскія дѣла, Сперанскій не хотѣлъ. Напрасно Козодавлевъ (игравшій въ исторіи Сперанскаго двусмысленную роль, теперь сильно заигрывавшій опять съ Сперанскимъ) интересовался, дошло ли до Сперанскаго извѣстіе, что онъ подалъ въ комитетѣ министровъ по сибирскимъ дѣламъ отдѣльное мнѣніе; напрасно бывшій союзникъ Армфельда и Балашова увѣрялъ Сперанскаго, что онъ «врагъ самовластія, а особливо пашинскаго»; что онъ любитъ «муниципальное правленіе, магистраты и прочее сему подобное»; что онъ «до коронныхъ чиновниковъ по губерніямъ небольшой охотникъ: они только подкрѣпляютъ *таканіемъ* самовластіе мѣстныхъ начальниковъ»; напрасно также онъ послалъ Сперанскому въ

подарокъ книгу Прадта «Sur les colonies» и совѣтовалъ прочитать madame Stahl sur la rèvolution française. Сперанскій понималъ лучше, на какихъ началахъ устроить сибирское управленіе въ будущемъ, чтобы всѣ остались довольны, убѣдились бы, что онъ недаромъ прокатился въ Сибирь, и чтобы проекты его не встрѣтили возраженій Аракчеева, Гурьева, Голицына, спорить съ которыми сколько нибудь крупно онъ теперь не хотѣлъ и не могъ. Сперанскій всегда былъ аристократъ духа, который былъ не прочь, чтобы остяцкіе Мерзляковы воспѣвали его и его любимую дочь, но искренней любви къ низшимъ классамъ населенія у него не было. Онъ былъ очень доволенъ, что его Великополье купили подъ военныя поселенія за 140.000 р. асс.; въ дневникѣ его попадаются фразы—въ Екатеринбургѣ—«умные люди, хотя и съ бородами». Въ Томскѣ—«духоборцы. Незначительная сволочь до 10 человѣкъ». «Весь путь отъ Канскаго до Красноярска есть садъ; но деревни бѣдны, грязны; обыватели большею частью народъ пьяный и лѣнивый». Въ проведенные имъ въ Сибири полтора года онъ много занимался дѣлами, разбиралъ безконечное число жалобъ, временами онъ находилъ, что недаромъ Провидѣніе прислало его сюда, но все же мыслями былъ въ Петербургѣ, или спѣшилъ углубляться въ Геродота, Шлегеля,—Geschichte der alten und neuen Literatur, запи-

сывалъ самъ все время показанія барометра, училъ Жоржа; порой даже замѣтно, что этотъ сильный умъ старѣетъ, занятъ мелочами. Попрежнему доносилъ Голицыну объ успѣхахъ библейскихъ обществъ; въ какомъ городѣ находилъ отдѣленіе общества, тамъ Сперанскій спѣшилъ вступить въ число членовъ; гдѣ не было (Нерчинскъ, Якутскъ), основывалъ товарищества. Всѣмъ, что попадалось ему по пути, Сперанскій интересовался чрезвычайно живо: развалинами, мѣстными обрядами, инородцами, ихъ обычаями, животными, растеніями,—всему искалъ объясненія; надъ всѣмъ этимъ царила масса жалобъ, жалобъ безъ конца. Только опытныя руки Сперанскаго могли разбираться въ этомъ морѣ жалобъ, исковъ, дрязгъ и пр.

Результатомъ наблюденій и работъ въ Сибири явилось обширное сибирское учрежденіе 1822 г.

Въ сибирскомъ учрежденіи 1822 г. отразились обычныя свойства работы Сперанскаго. Обстоятельства и условія на этотъ разъ были гораздо менѣе благопріятны, чѣмъ прежде; самъ Сперанскій былъ не тотъ; сибирскимъ учрежденіемъ онъ держалъ экзаменъ своего рода, причемъ онъ хорошо зналъ желанія и мысли своихъ негласныхъ экзаменаторовъ. Предметъ ему былъ мало извѣстенъ: недолго онъ тамъ пробылъ и все время мысли его были далеко отъ Сибири. Тѣмъ не

менѣе онъ желалъ доказать urbi et orbi, что его недаромъ посылали въ Сибирь, Какъ нѣкогда къ «Плану», манифестамъ,— къ сибирскому учрежденію присоединено не мало разсужденій хорошаго идейнаго содержанія, въ которыхъ высказано много хорошихъ словъ и мыслей.

Что касается до сути дѣла, то Сибирь получила немного, но такъ много, какъ думала она сама. И въ Сибири Сперанскій завоевалъ общественное мнѣніе— ошибки 1809—1812 гг. онъ не повторялъ.

По его предложенію, Сибирь прежде всего раздѣлена была на двѣ Сибири; обычный пріемъ Сперанскаго, но пріемъ чисто-бюрократическій: увеличеніемъ числа чиновниковъ обезпечить лучшее управленіе. Послѣ этого единство Сибири распалось, образовались двѣ крупныхъ области, правители которыхъ могли вести отдѣльную политику. Съ точки зрѣнія централизаціи—это было выгодно для государства. Для обезпеченія большей законности Сперанскій ввелъ въ сибирскую жизнь коллегіальное начало, идею совѣтовъ. Только съ перваго взгляда введеніе коллегіальнаго начала можетъ показаться противорѣчіемъ прежнимъ идеямъ Сперанскаго. Приверженецъ единоличнаго начала въ организаціи исполнительной власти въ центральныхъ органахъ, Сперанскій всегда и въ «Планѣ», и въ устройствѣ Финляндіи, и позже въ запискѣ о губернскихъ учрежденіяхъ — высоко ставилъ коллегіальное начало—«безотчетное

*

и личное дѣйствіе губернскаго правленія, писалъ Сперанскій въ запискѣ около 1827 г., должно подчинить надзору мѣстному, не личному и самовластному, каковъ есть надзоръ генералъ-губернатора, и не слабому и ничтожному, каковъ есть надзоръ прокурора, но надзору коллегіальному, постоянному, на твердыхъ правилахъ установленному, имѣющему власть не только заявлять за тысячу верстъ безпорядки и злоупотребленія, но прекращать ихъ, останавливая зло не спустя мѣсяцы и годы, но въ самомъ его началѣ; держать чиновниковъ въ строгой дисциплинѣ; преслѣдовать виновныхъ судомъ». Для Сибири Сперанскій остановился на бюрократическихъ совѣтахъ, составленныхъ изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, объединенныхъ въ совѣтѣ, имѣвшемъ однако ничтожное значеніе: при генералъ-губернаторахъ образованы совѣты главныхъ управленій, при губернаторахъ—губернскіе совѣты, въ округахъ—окружные совѣты. Наибольшее значеніе должны были имѣть совѣты главнаго управленія. Въ этотъ послѣдній совѣтъ Сперанскій проектировалъ включить бригаднаго начальника внутренней стражи, окружного начальника путей сообщенія и совѣтниковъ главнаго управленія по штату. Въ учрежденіи первая часть этой статьи измѣнена такъ: положено шесть штатныхъ чиновъ совѣта: три по представленію генералъ-губер-

натора и три по представленію отъ министерства.

Есть мнѣніе (Прутченко), что мотивомъ измѣненія было желаніе ослабить совѣтъ; что Сперанскій стремился окружить генералъ-губернатора возможно вліятельнымъ совѣтомъ и потому включилъ туда двухъ лицъ военнаго званія, начальствующихъ отдѣльными частями и не находящихся въ непосредственной зависимости отъ генералъ-губернатора. Едва ли съ этимъ мнѣніемъ можно согласиться; генералъ-губернаторы штатскіе у насъ рѣдкое исключеніе; а при военномъ генералъ-губернаторѣ (не говоря уже о томъ, что въ Сибири нерѣдко губернаторы были также и командующими расположенными тамъ войсками) военные чины совѣта главнаго управленія давали меньшую гарантію самостоятельности, чѣмъ члены по назначенію отъ министерствъ.

Совѣты главнаго управленія имѣли *совѣщательное* значеніе; это положеніе совершенно ясно выражено было въ § 257.

Составленное такимъ образомъ учрежденіе не обезпечило ни плодотворности работы, ни закономѣрности ея (Прутченко). Очень скоро жизнь дала яркое доказательство того, насколько новое управленіе осталось чуждымъ, разобщеннымъ съ населеніемъ. Дѣло, въ которомъ Сперанскій принималъ живѣйшее участіе, это положеніе о земскихъ повинностяхъ въ Сибири. По иниціативѣ Сперанскаго рѣшено было

замѣнить натуральныя повинности денежными, снять съ населенія тяжелую дорожную повинность, образовавъ постепенно изъ бродягъ и ссыльныхъ рабочія команды, содержаніе которыхъ отнести на счетъ земскихъ повинностей.

Несмотря на нѣкоторую настойчивость, обнаруженную Сперанскимъ, дѣйствовавшимъ чрезъ сибирскій комитетъ, мѣры эти въ жизнь не прошли. Легко написать на бумагѣ—образовать изъ ссыльныхъ и бродягъ рабочія команды и содержать ихъ въ строгой дисциплинѣ; чѣмъ на дѣлѣ были эти команды, какъ онѣ себя вели, какія жалобы поднялись на нихъ—это легко тоже себѣ представить; затѣмъ, главное, сибирскому крестьянину, нерѣдко жившему безбѣдно, но, за отсутствіемъ почти рынковъ сбыта, замѣнить натуральную повинность денежною было крайне тяжело (возраженіе Канкрина). Чрезвычайно любопытна резолюція императора Николая I, который призналъ, что «лучшіе судьи удобнѣйшаго исполненія земскихъ повинностей суть сами жители. Они ближе знаютъ, гдѣ, что и кто можетъ исправить деньгами, гдѣ, что и кто самъ собою, своими руками и своею лошадью». Государь приказалъ опросить мѣстныхъ жителей.

Никто никогда не скажетъ, чтобы государь Николай Павловичъ былъ сторонникомъ участія общественныхъ силъ въ управленіи, а Сперанскій предоставилъ

этимъ силамъ еще менѣе возможности вліять на управленіе, хотя бы только доставленіемъ свѣдѣній, чѣмъ это допускалъ императоръ Николай I.

Планомѣрности не было, не было и закономѣрности; если какіе чины совѣтовъ главнаго управленія и проявили нѣкоторую самостоятельность, такъ это какъ разъ чины, назначенные отъ министерства. Сибирское учрежденіе написано Сперанскимъ какъ бы мимоходомъ.

Ни дѣтство и юность, проведенныя въ провинціи, ни время ссылки, ни пензенское губернаторство, ни обладаніе деревнями не дали ему ни необходимыхъ свѣдѣній, ни опыта: интересы его всегда были въ другомъ мѣстѣ, и провинціальная жизнь казалась ему всегда слишкомъ мелочной.

22 марта 1821 г. Сперанскій возвратился въ Петербургъ. «Выѣхалъ 17 марта 1812 г. Возвратился 22 марта 1821 г. Странствовалъ 9 лѣтъ и 5 дней». Государь пріѣхалъ изъ Лайбаха въ Царское Село 26 мая, 6 іюня Сперанскій былъ принятъ государемъ; лишь 31 августа государь говорилъ съ нимъ о причинахъ ссылки его.

Возвращеніе Сперанскаго первоначально чрезвычайно взволновало общественные кружки: разсчитывали, что онъ скоро займетъ прежнее положеніе, т. е. станетъ во главѣ гражданскаго управленія и что, слѣдовательно, Россія снова вступитъ въ пору реформъ, необходимость которыхъ чувствовалась тогда можетъ быть сильнѣе,

чѣмъ когда либо. Самъ Сперанскій также надѣялся на нѣчто въ этомъ родѣ. Но этого не только не произошло, но Сперанскій даже не получилъ болѣе никакой отдѣльной части (министерства) въ свое управленіе. Онъ назначенъ былъ членомъ государственнаго совѣта, въ награду получилъ 3.486 десятинъ земли въ пензенской губерніи, затѣмъ ему же поручалось управленіе комиссіей составленія законовъ,— на время отсутствія кн. П. В. Лопухина. Для разсмотрѣнія его отчета о Сибири и тѣхъ мѣрахъ, которыя предполагалось принять по сибирскому управленію, учрежденъ былъ сибирскій комитетъ (Кочубей, Гурьевъ, Аракчеевъ, Голицынъ, Кампенгаузенъ и Сперанскій). Въ комитетѣ этомъ, состоявшемъ изъ лицъ, съ которыми Сперанскій былъ въ перепискѣ, предположенія Сперанскаго прошли въ общемъ легко; особаго оживленія въ правительственную дѣятельность они не внесли, такъ что занятія эти, равно какъ и отдѣльныя порученія, многократно дававшіяся Сперанскому, не могли отвлекать его вниманія отъ законодательной работы. Но въ комиссіи законовъ, гдѣ начальникомъ оставался его старый недоброжелатель кн. Лопухинъ, а главнымъ почти единственнымъ работникомъ былъ сильнѣйшій врагъ его Розенкампфъ,—положеніе Сперанскаго было неопредѣленное.

Сперанскій поспѣшилъ представить государю обозрѣніе дѣлъ комиссіи (21 августа 1821 г.); въ обозрѣніи онъ не по-

щадилъ комиссіи; онъ указывалъ не только на весьма значительную неполноту трудовъ комиссіи и на неудовлетворительное исполненіе замѣчаній государственнаго совѣта, но обвинялъ даже комиссію въ спутанномъ и затемненномъ «какъ бы съ намѣреніемъ» слогѣ, своды комиссіи представляли изъ себя безобразную смѣсь (Майковъ).

Во всякомъ случаѣ приговоръ этотъ едва ли справедливъ; самолюбіе Сперанскаго было слишкомъ задѣто всѣмъ, что случилось съ выработанными имъ частями уложенія, чтобы онъ могъ быть безпристрастнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ, работѣ своего врага. Обстоятельства перемѣнились и теперь для исправленія сдѣланнаго комиссіей Сперанскій предлагалъ сдѣлать то же, что въ 1812 г. враги его сдѣлали относительно его финансовыхъ мѣръ, а именно —«чтобы, назначивъ, писалъ Сперанскій государю, для этого рода занятій особый день въ недѣлю, приказано было комиссіи вносить въ это засѣданіе совѣта по порядку ея работы. Какъ членъ совѣта я (Сперанскій) буду дѣлать и вносить письменныя примѣчанія. Совѣтъ будетъ ихъ разсматривать и судить», т. е. работы комиссіи будутъ обличены не частнымъ мнѣніемъ лицъ, а цѣлымъ сословіемъ.

Предложеніе Сперанскаго было принято государемъ и въ этомъ смыслѣ данъ былъ на имя Лопухина рескриптъ, коимъ Сперанскому не только предписывалось особо

заниматься симъ дѣломъ, представлять свои изъясненія и примѣчанія на статьи, но ему поручалось составленіе журналовъ этихъ засѣданій совѣта и докладъ ихъ государю. Неудивительно, что скоро, чрезъ пять мѣсяцевъ, Розенкампфъ уволенъ былъ изъ комиссіи.

Сперанскій сталъ во главѣ дѣла, но комиссія ему не была подчинена; мѣсто Розенкампфа занялъ Балугьянскій, старый пріятель и сослуживецъ Сперанскаго. Тѣмъ временемъ въ государственномъ совѣтѣ начались пренія по вносимымъ Сперанскимъ проектамъ комиссіи (съ 21 ноября 1821 г. по 21 декабря 1822 г., 49 засѣданій: изъ 1343 разсмотрѣнныхъ статей осталось безъ перемѣны только 622). Въ общихъ собраніяхъ первенствовалъ въ замѣчаніяхъ Мордвиновъ; одно дѣло—глава о бракѣ—причинило большую непріятность Сперанскому: онъ временно разсорился съ кн. А. Н. Голицынымъ и получилъ замѣчаніе отъ государя. Исправленное совѣтомъ уложеніе (первыя двѣ части котораго три раза были разсмотрѣны совѣтомъ) все-таки не увидѣло свѣта: введенію его въ дѣйствіе противился самъ Сперанскій; несмотря на внесенныя по его же иниціативѣ поправки и передѣлки, онъ продолжалъ считать работу слабою, нуждающеюся въ коренной передѣлкѣ. Образъ дѣйствія Сперанскаго во всемъ этомъ дѣлѣ представляется загадочнымъ: къ чему же было заставлять государственный совѣтъ такъ

работать, посвятить ему 49 засѣданій, вызвать столько споровъ.

Въ августѣ 1824 г. въ совѣтъ внесенъ былъ проектъ уголовнаго уложенія, но и это дѣло скоро, въ началѣ слѣдующаго года остановилось.

Въ совѣтѣ Сперанскій, конечно, былъ виднымъ членомъ, но поведеніе его было очень осторожное. Во время бурныхъ преній въ совѣтѣ по проекту Гурьева объ установленіи пошлинъ съ наслѣдства, противъ которыхъ съ жаромъ возставалъ Мордвиновъ, увлекшій за собой и департаментъ, и общее собраніе, Сперанскій сталъ на сторону Гурьева; съ другой стороны, нѣкоторыя мнѣнія Мордвинова изложены Сперанскимъ. Къ искусному перу Сперанскаго въ затруднительныхъ случаяхъ государственная канцелярія также охотно прибѣгала (по дѣлу гр. Каменскаго съ поваромъ-французомъ, когда кн. А. Г. Куракинъ очень рѣзко отозвался о дѣйствіяхъ гр. Каменскаго).

Въ частной жизни Сперанскій поддерживалъ хорошія отношенія съ представителями тогдашняго высшаго служебнаго общества въ Петербургѣ: съ главнымъ своимъ покровителемъ Аракчеевымъ Сперанскій работалъ въ комитетѣ по военнымъ поселеніямъ; въ началѣ 1825 г. имъ и была издана брошюра «О военныхъ поселеніяхъ», имѣвшая цѣлью примирить общественное мнѣніе съ этимъ крайно непопулярнымъ учрежденіемъ. Въ душѣ своей

Сперанскій, конечно, держался совсѣмъ другого взгляда на поселенія; но кто же рѣшился бы тогда громко критиковать ихъ?..

Въ общемъ кредитъ Сперанскаго падалъ и довольно сильно: съ 1823 г. онъ обратился въ рядового члена совѣта, которому иногда давались порученія законодательнаго характера (уставы о коммерціи, коммерческомъ судопроизводствѣ, о банкротствѣ); государь въ 1824 и 1825 гг. совсѣмъ не принималъ Сперанскаго съ бумагами, несомнѣнно, что онъ охладѣлъ къ нему; есть извѣстія, что государь недоброжелательно относился къ тому, чтобы близкія ему лица входили въ сколько-нибудь тѣсныя сношенія съ Сперанскимъ. Въ 1822 г. Сперанскій, на ряду со всѣми лицами, состоявшими на государственной службѣ, далъ подписку о непринадлежности къ тайнымъ обществамъ и массонскимъ обществамъ; давъ подписку, Сперанскій прибавилъ: «въ 1810 и 1811 гг. повелѣно было разсмотрѣть массонскія дѣла особому секретному комитету, въ коемъ и я находился. Дабы имѣть о дѣлахъ сихъ нѣкоторое понятіе, я вошелъ съ вѣдома правительства въ массонскіе обряды; для чего составлена была здѣсь частная и домашняя ложа изъ малаго числа лицъ по системѣ и подъ предсѣдательствомъ доктора Фесслера, въ коей былъ два раза. Послѣ чего, какъ въ сей, такъ и ни въ какой другой ложѣ, ни тайномъ обществѣ не бы-

валъ; да и сами собранія сіи, не принадлежавшія къ числу правильныхъ и установленныхъ ложъ, сколько мнѣ извѣстно, сами собою прекратились».

Частная жизнь Сперанскаго въ эти годы ознаменовалась чрезвычайно важнымъ для него событіемъ: дочь его, столь имъ любимая, единственная радость его на землѣ, Елисавета Михайловна вышла замужъ за А. А. Флорова-Багрѣева, черниговскаго гражданскаго губернатора, родственника гр. В. П. Кочубея. Съ этого времени начинается обширная переписка Сперанскаго съ зятемъ: старикъ очень занятъ былъ свадьбой, онъ постоянно въ «свѣтѣ», то у Кочубеевъ, то у Васильчиковыхъ, то у Лобановыхъ, то у кн. Прозоровской. Сперанскій дѣятельно хлопочетъ объ «Аннѣ I ст.» для зятя, устраиваетъ его дѣла, сообщаетъ, что весь городъ толкуетъ о свадьбѣ ихъ; даетъ, конечно, наставленія будущему зятю; съ Багрѣевымъ Сперанскій откровеннѣе и разговорчивѣе, чѣмъ со своими родными, которые слишкомъ далеко стоятъ отъ своего знаменитаго родственника; зятю онъ сообщаетъ о нѣкоторыхъ слухахъ, о наградахъ и передвиженіяхъ по службѣ.

Сперанскій въ началѣ царствованія Императора Николая I.

Вступленіе на престолъ императора Николая измѣнило положеніе Сперанскаго:

при Николаѣ Павловичѣ онъ занялъ то мѣсто, на которое имѣлъ полное право, къ которому давно готовился: онъ поставленъ былъ во главѣ составленія свода законовъ, онъ сталъ официальнымъ юрисконсультомъ русскаго правительства. Принципіальнаго разногласія между нимъ и новымъ самодержцемъ не могло быть не только потому, что Сперанскій «смирился», не только потому, что Сперанскій давно уже сталъ сотоварищемъ Аракчеева и кн. А. Н. Голицына. Еще до ссылки своей Сперанскій убѣдился въ необходимости сохранить, по крайней мѣрѣ, до поры до времени самодержавіе и считалъ возможнымъ утвердить законность, различить «законъ» и «указъ» при сохраненіи самодержавія: это и было идеаломъ Сперанскаго съ 1810 г., отъ котораго онъ съ горечью отступилъ въ 1816 г.; императоръ Николай, безусловно, намѣревался и искренно хотѣлъ водворить самую строгую законность въ царствѣ своемъ; онъ прекрасно увидѣлъ, въ какомъ хаосѣ пребывало тогдашнее управленіе Россіей; съ создавшимся положеніемъ вещей онъ не хотѣлъ мириться. Были и другія черты у императора Николая, сблизившія его со Сперанскимъ: вѣра въ форму, вѣра въ силу предписанія, приказы, стремленія къ наибольшей централизаціи.

Николай Павловичъ не ввѣрилъ Сперанкому никакой отрасли управленія, считая его недостаточно положительнымъ человѣкомъ,

но зато составленіе законовъ поручено было Сперанскому: работа Сперанскаго—лучшее дѣло тридцатилѣтняго царствованія Николая I. О кончинѣ Александра Павловича Сперанскій узналъ 27 ноября въ Невской лаврѣ; Сперанскій явился туда на молебенъ о здравіи, по полученіи письма Елисаветы Алексѣевны, въ которомъ стояло: «il y a un mieux décidé, mais il est très faible». Во время причастнаго въ Невскій явился генералъ Нейдгартъ и объявилъ горестную вѣсть; въ одно мгновеніе ока она разлилась по всей церкви и обнаружилась рыданіемъ.

Для Сперанскаго настали трудные и тяжелые дни; о тайномъ обществѣ онъ, вѣроятно, зналъ. Въ домѣ у него тогда проживалъ такой видный декабристъ, какъ Батеньковъ. Можетъ быть, Сперанскій зналъ, что новые люди пытались осуществить то, что онъ надѣялся ввести въ Россіи совершенно мирнымъ путемъ; онъ, можетъ быть, зналъ, что имя его и его политическаго друга Мордвинова произносилось декабристами, что они расчитывали на нихъ.

Впрочемъ, у себя дома Сперанскій рѣшительно запретилъ всякіе разговоры о политикѣ, объ отреченіи цесаревича. Со времени катастрофы онъ сталъ чрезвычайно остороженъ; даже, когда онъ получалъ явно-несостоятельныя приказанія, онъ позволялъ себѣ лишь одно слово: «чудаки». Батеньковъ вздумалъ было провѣрить городскіе слухи о томъ, что цесаревича уда-

ляютъ, но Сперанскій прервалъ его словами: ежели не хочешь погибели себѣ, то не занимался бы тѣмъ, что до тебя не относится.

13 декабря Сперанскій вызванъ былъ во дворецъ для составленія манифеста; сперва это дѣло было поручено Карамзину, но редакція послѣдняго не удовлетворила Николая I; тогда и обратились къ искусному перу Сперанскаго. Проектъ Сперанскаго былъ принятъ; имъ же было написано письмо отъ государя цесаревичу Константину Павловичу.

Такое приближеніе очень обрадовало Сперанскаго; вернувшись домой онъ сказалъ дочери, что императоръ обѣщаетъ новаго Петра Великаго. Когда присутствовавшій при разговорѣ Батеньковъ огорчился такимъ отзывомъ, замѣтивъ Елисаветѣ Михайловнѣ, по уходѣ Сперанскаго, что всѣ думаютъ о себѣ, о Россіи—никто, то послѣдняя отвѣтила: у васъ странныя желанія, менѣе всего надѣялась ихъ отъ математика. Перестаньте о ненужномъ хлопотать; это ихъ дѣло (указавъ на малютку). Время все сдѣлаетъ, а мы должны теперь радоваться.

Если Николай Павловичъ произвелъ на Сперанскаго такое впечатлѣніе, что онъ готовъ былъ видѣть въ немъ Петра I, то первыя впечатлѣнія Николая Павловича о Сперанскомъ были обратныя, въ чемъ Николай Павловичъ и сознался впослѣдствіи: «Михаила Михайловича не всѣ по-

нимали, и не всѣ довольно умѣли цѣнить; сперва и я самъ, можетъ быть, больше всѣхъ былъ виноватъ противъ него въ этомъ отношеніи. Мнѣ столько было наговорено о его либеральныхъ идеяхъ; клевета коснулась его даже и по случаю 14 декабря, но всѣ эти обвиненія разсыпались какъ пыль». Дѣло въ томъ, что нѣкоторые подсудимые показали, что надежды свои на успѣхъ они строили на содѣйствіи Мордвинова, Сперанскаго и другихъ. Показанія эти были разслѣдованы самымъ секретнымъ образомъ; производившій разслѣдованіе Боровковъ пишетъ: «по точнѣйшимъ изысканіямъ обнаружилось, что надежда эта была только выдуманною и болтовнею для увлеченія легковѣрныхъ».

Какъ членъ совѣта, Сперанскій былъ судьею въ дѣлѣ декабристовъ; нечего и говорить о томъ, что такой законникъ, какъ Сперанскій, долженъ былъ чувствовать въ судѣ, который менѣе всего походилъ на правильный судъ. Сперанскому выпала болѣе активная роль: онъ былъ избранъ въ ту комиссію суда, которой предоставлено было опредѣлить степень преступности и мѣру наказанія каждаго обвиненнаго. Участіе его, какъ юриста въ этой комиссіи, вѣроятно, значительное, тѣмъ болѣе, что онъ же избранъ былъ послѣ въ комиссію всего изъ трехъ лицъ для составленія всеподданѣйшаго доклада. Приговоръ комиссіи, принятый судомъ, извѣстенъ: пятерыхъ четвертовать, 31 чело-

вѣка казнить отсѣченіемъ головы, прочихъ сослать въ вѣчную каторгу и т. д.

Есть вполнѣ достовѣрное свидѣтельство, что Сперанскій чувствовалъ себя очень разстроеннымъ въ эти мѣсяцы.

Такимъ же, какъ въ Верховномъ судѣ, Сперанскій былъ и въ комитетѣ 6 декабря 1826 г. Комитетъ этотъ (Кочубей, Толстой, Васильчиковъ, Голицынъ, Дибичъ и Сперанскій) долженъ былъ составить программу новаго царствованія, намѣтить рядъ преобразованій административныхъ и соціальныхъ. Вопроса политическаго не поднималось; послѣднее обстоятельство не противорѣчило идеямъ Сперанскаго, ибо комитетъ ставилъ ту же цѣль, что его планъ въ послѣдней редакціи, т. е. образовать вокругъ самодержавнаго государя учрежденія, вполнѣ обезпечивавшія законный ходъ въ жизни. Комитетъ началъ свою работу съ пересмотра узаконеній о высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ (совѣтъ, комитетъ министровъ, министерства и т. д.). Въ вопросахъ этихъ Сперанскій давалъ разъясненія, иногда весьма пространныя. Сперанскій старался провести обломки прежняго своего плана: раздѣлить сенатъ на два—судный и правительствующій, уничтожить комитетъ министровъ, заставить министровъ дѣйствовать рѣшительнѣе, брать на свою отвѣтственность тѣ случаи, которые могутъ быть разрѣшены по *разуму* законовъ, а не обращаться при всякихъ мало-мальски сомнительныхъ случаяхъ за

разрѣшеніемъ къ верховной власти. Но проводя этотъ проектъ, Сперанскій не напоминалъ ни о предположенныхъ въ 1811 г. высокихъ правахъ судебнаго сената, ни о дополненіи его *выборными* членами; для обновленія сената, для усиленія его онъ теперь останавливался на мысли, что въ сенатѣ могутъ быть назначаемы не только особы третьяго, но и четвертаго класса. Въ «Планѣ» 1810—12 гг. видна попытка приблизить населеніе къ монарху, воспрепятствовать бюрократіи стоять стѣною между монархомъ и населеніемъ; теперь, въ комитетѣ 6 декабря, Сперанскій ни о чемъ подобномъ не говоритъ и не думаетъ.

Въ вопросахъ мѣстнаго управленія комитетъ принялъ мысль Сперанскаго объ учрежденіи общихъ присутствій при губернаторахъ и въ уѣздахъ, т. е. почти тѣ же совѣты, которые Сперанскій далъ для Сибири; мысль эта не была осуществлена. Въ «законѣ о состояніяхъ», выработанномъ въ комитетѣ, послѣдній также слѣдовалъ авторитету Сперанскаго. Отношеніе Сперанскаго къ крѣпостному вопросу извѣстно: онъ мирился съ крѣпостнымъ правомъ настолько, что никогда не ставилъ уничтоженіе его въ основу своихъ проектовъ даже эпохъ 1810—1812 гг., вопросы политическіе и финансовые въ глазахъ его всегда имѣли первенство предъ разрѣшеніемъ крестьянскаго дѣла. Сперанскій и теперь указывалъ длинный и долгій путь постепенныхъ мѣръ, послѣ которыхъ можно

*

было ограничить крестьянскія работы и повинности на помѣщиковъ условіями, опредѣленными въ договорахъ между обѣими сторонами. Сперанскимъ же составлены были записки о дворовыхъ, принятыя комитетомъ; ихъ основная мысль—рядомъ мѣръ съ одной стороны затруднять увеличенія этого класса, а съ другой ускорить сокращеніе его: въ переписи обозначить отдѣльно дворовыхъ отъ крестьянъ, запретить вторыхъ переводить въ дворовые, запретить ставить крестьянъ въ рекруты вмѣсто дворовыхъ и vice versa, дозволить дворовыхъ вмѣсто крестьянъ и т. п. Сперанскій же указалъ на необходимость улучшенія быта казенныхъ крестьянъ; эта его мысль и привела къ образованію новаго министерства государственныхъ имуществъ.

Сводъ законовъ.

Несмотря на то, что императоръ Николай вначалѣ нѣсколько колебался въ довѣріи своемъ къ Сперанскому, послѣдній уже въ январѣ 1826 г. представилъ государю четыре записки съ своими предположеніями объ окончаніи дѣла; Сперанскій не щадилъ комиссіи законовъ ни ея устройства, ни ея членовъ. Доводы Сперанскаго были уважены; государь рѣшилъ взять это дѣло во непосредственное свое вѣдѣніе. Для этогъ учреждалось II-ое Отдѣленіе Собственнаго

Его Величества канцеляріи; комиссія составленія законовъ была упразднена, дѣла ея переданы въ новое учрежденіе. Но не Сперанскій сталъ во главѣ II отдѣленія; на это мѣсто назначенъ былъ М. А. Балугьянскій, управленіе же всѣмъ дѣломъ и доклады государю возложены были на Сперанскаго. Едва ли вѣрно объясненіе Корфа, что дѣло устроилось такъ по иниціативѣ самого Сперанскаго, опасавшагося возбудить снова зависть своихъ враговъ. Сперанскій безусловно разсчитывалъ, вернувшись изъ Сибири, на то, что онъ займетъ мѣсто министра. Гораздо правильнѣе второе указаніе Корфа, что государь назначилъ Сперанскаго по *необходимости*,— не найдя вокругъ себя никого, кѣмъ бы онъ могъ замѣнить Сперанскаго. Николаю Павловичу извѣстно было мнѣніе Александра I о Сперанскомъ и онъ не видѣлъ причины пока измѣнить это мнѣніе. Слова, сказанныя имъ Балугьянскому: «смотри же, чтобъ онъ не надѣлалъ такихъ же проказъ, какъ въ 1810 г.: ты у меня будешь за него въ отвѣтѣ»,— опредѣленно рисуютъ положеніе, занимаемое тогда Сперанскимъ: его талантомъ и знаніями хотѣли пользоваться, но онъ долженъ былъ находиться подъ присмотромъ. Въ этомъ, конечно, было много обиднаго лично для Сперанскаго, но возможность выполнить свое любимое дѣло, дать Россіи сводъ, заставила его стать выше разсчетовъ самолюбія; исторія должна

только преклониться предъ рѣшеніемъ Сперанскаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Николай Павловичъ далъ рѣшительное указаніе, что должно составить II отдѣленіе,—сводъ или уложеніе? Подъ первымъ разумѣли сводъ законовъ существующихъ, съ исключеніемъ всего недѣйствующаго, но безъ всякихъ измѣненій въ существѣ ихъ. Подъ вторымъ— таковой же сводъ, но съ дополненіями и исправленіями. Государь приказалъ слѣдовать первой системѣ безъ всякихъ измѣненій. Рѣшеніе это, вѣроятно, было принято по предложенію Сперанскаго; если это такъ, то въ этомъ находится прямое указаніе, въ какомъ направленіи совершалось измѣненіе идей Сперанскаго; обширныя его записки 1805—1812 гг. написаны въ убѣжденіи *сходства* русской исторіи съ исторіей запада; къ Николаевскому времени онъ постепенно перешелъ къ убѣжденію противоположности началъ нашей жизни съ началами западной жизни: всѣ западныя государства получили богатое наслѣдство: римскіе законы, Россіи же изъ римскаго наслѣдства ничего не досталось; законодательство наше должно все почерпать изъ собственныхъ своихъ источниковъ. Нашъ сводъ долженъ быть по составу Corpus juris Юстиніановъ, содержаніе же его совершенно отличное.

Составить сводъ Сперанскій рѣшилъ такъ же, какъ составленъ былъ образецъ, т. е. Corpus, но по началамъ, установлен-

нымъ Бекономъ: 1) законы, вышедшіе изъ употребленія, исключить; 2) всѣ повторенія также; 3) статьи свода излагать словами законовъ; 4) многочисленныя статьи сократить (мотивъ, разсужденія, случай); 5) изъ законовъ противорѣчащихъ избирать тотъ, который лучше другихъ. Это послѣднее правило Бекона Сперанскій замѣнилъ другимъ: изъ двухъ несходныхъ между собою законовъ надлежитъ слѣдовать позднѣйшему, не разбирая лучше ли онъ или хуже прежняго. 6) провѣрить сводъ, дабы не вкрались въ него законы новые подъ видомъ старыхъ; 7) кромѣ общеимперскаго свода, мѣстные законы изложить въ особенныхъ сводахъ (остзейскомъ, западныхъ губерній).

Сперанскій образовалъ II отдѣленіе, пригласилъ туда нѣсколько профессоровъ университета (кромѣ Балугьянскаго, Плисовъ, Куницынъ, Даниловичъ), пригласилъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей, воспитанниковъ царскосельскаго лицея, московскаго университета; нѣкоторые ему были предложены, напримѣръ Дибичъ пишетъ Сперанскому: государь императоръ узналъ, что старшій адъютантъ егерскаго полка штабсъ-капитанъ Кутузовъ имѣетъ наклонность и способность къ занятіемъ по части законовѣдѣнія, поэтому нельзя ли его принять; конечно, Кутузовъ былъ принятъ. О работахъ этихъ лицъ Сперанскій докладывалъ государю, докладывалъ такъ сказать мастерски, т. е. онъ умѣлъ испрашивать своимъ

подчиненнымъ щедрыя награды, почетныя и денежныя. Работу канцелярій Сперанскій всегда умѣлъ образовать, такъ что съ этой стороны Сперанскій былъ обставленъ хорошо.

Общеизвѣстны результаты этой работы: въ апрѣлѣ 1830 г. напечатано было первое полное собраніе законовъ (45 т. т., 48 част., начиная съ уложенія ц. Алексѣя Михаиловича по 12 декабря 1825 г.), а въ концѣ 1832 г. готовъ былъ печатаніемъ и сводъ законовъ, въ 15 т. т., заключавшихъ въ себѣ до 42.000 статей.

По мѣрѣ окончанія трудовъ этихъ, волненіе все болѣе охватывало Сперанскаго; сохранилась масса черновыхъ его записокъ, записочекъ (особенно К. Г. Рѣпинскому) съ разными замѣтками, сомнѣніями, вопросами о судьбѣ свода. Интересно, что Сперанскому не хотѣлось и въ количествѣ отстать отъ Юстиніанова Corpus,—онъ пишетъ въ черновой: число всѣхъ статей въ сводѣ 36 т., а съ приложеніями до 42 т., въ Corpus'ѣ — 45 т. статей; своду своему онъ дастъ девизъ «Structura nova veterum legum» (Baco, Aph., 62). Для достиженія такихъ результатовъ изъ архивовъ всѣхъ государственныхъ, сенатскихъ и коллежскихъ архивовъ были собраны сперва реестры всѣхъ узаконеній; по нимъ составленъ общій реестръ; затѣмъ обратились къ первоисточникамъ: осмотрѣно было болѣе 3.000 книгъ сенатскихъ протоколовъ, важнѣйшія постановленія свѣрены съ подлин-

никами, хранившимися въ кабинетѣ его величества или въ сенатскомъ архивѣ; уложеніе ц. Алексѣя Михаиловича взято было изъ московской окружной палаты и т. д.

Колоссальность работы, количество ее внѣ сомнѣнія; но затѣмъ долженъ былъ подняться вопросъ о качествѣ.

Относительно перваго полнаго собранія Сперанскій могъ не опасаться критики; конечно, онъ не могъ разсчитывать, чтобы въ собраніи не было пропусковъ, но огромность собраннаго матеріала была очевидна, и нѣкоторые пропуски не имѣли существеннаго значенія, такъ какъ собраніе и не предполагалось для практическихъ цѣлей: ученые же критики могли высказаться много позднѣе, ибо только *послѣ изданія* собранія и свода могла явиться наука русскаго права.

Иное дѣло сводъ.

Правда, до нѣкоторой степени сводъ былъ уже провѣренъ, ибо по мѣрѣ составленія свода отдѣльныя части его подвергались ревизіи въ соотвѣтствующихъ вѣдомствахъ, и затѣмъ образованъ былъ при министерствѣ юстиціи особый комитетъ для ревизіи всего свода.

Любопытно, что на составъ этого комитета Сперанскій имѣлъ вліяніе; такъ онъ доноситъ Императору докладною запискою, что, по его, Сперанскаго, мнѣнію, въ извѣстный комитетъ могутъ быть употреблены сенаторы: Энгель, Барановъ и Болгарскій; есть

далѣе черновая его докладной же государю о томъ, что Барановъ жалуется на разстроенное здоровье, Энгель просится къ водамъ; сначала въ этомъ комитетѣ предсѣдательствовалъ управляющій министерствомъ юстиціи кн. А. А. Долгоруковъ, позже за его болѣзнью предсѣдательствованіе перешло къ Д. В. Дашкову. Вообще съ ревизіей свода у Сперанскаго было не мало хлопотъ; напр., въ департаментѣ внѣшней торговли былъ уже составленъ сводъ; Канкринъ предлагалъ Сперанскому дополнить департаментскій сводъ тѣмъ, который будетъ присланъ изъ II отдѣленія, и затѣмъ исправленный и дополненный департаментскій сводъ представить въ государственный совѣтъ. Сперанскій на это не согласился; черезъ нѣсколько времени въ этотъ департаментъ присланъ былъ изъ II отдѣленія Уставъ Внѣшней Торговли; тогда департаментъ отвѣчалъ, что, сдѣлавъ сличеніе своего свода со сводомъ II отдѣленія, онъ не открылъ ничего такого, чѣмъ бы должно было дополнить уже составленный сводъ. Сперанскій объяснялъ въ отвѣтѣ, что присланъ Уставъ внѣшней торговли, въ которомъ таможенныя узаконенія попадаются случайно, а таможенный уставъ доставленъ будетъ позднѣе. Переписка эта едва ли не свидѣтельствуетъ, что нѣкоторыя вѣдомства были не прочь стать причастными къ кодификаціи, раздѣлить со Сперанскимъ славу дѣла.

Пройдя черезъ всѣ эти мытарства, Спе-

ранскій не безъ волненія ждалъ приговора совѣта. Представлялось четыре возможныхъ рѣшенія:

1) признать сводъ единственнымъ основаніемъ для рѣшенія дѣлъ;

2) наряду со сводомъ допустить и обращеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ самому тексту законовъ;

3) признать сводъ средствомъ лишь вспомогательнымъ;

4) нѣкоторое время пользоваться текстомъ законовъ, а съ точно указаннаго времени замѣнить ихъ сводомъ.

Это послѣднее рѣшеніе (не указанное у Корфа) и было принято въ совѣтѣ послѣ историческаго засѣданія 19 января 1833 г., въ которомъ государь Николай Павловичъ произнесъ обширную рѣчь. Сводъ становился обязательнымъ при рѣшеніи дѣлъ закономъ съ 1 января 1835 г., а остававшіеся до этого времени два года должны быть употреблены на ревизію свода.

Въ засѣданіи этомъ государь императоръ, снявъ съ себя Андреевскую звѣзду, надѣлъ ее на Сперанскаго.

Для вторичной ревизіи свода образованъ былъ особый комитетъ при государственномъ совѣтѣ: предсѣдатель гр. Головкинъ, члены— Новосильцевъ, Кушниковъ, кн. Долгоруковъ и двое сенаторовъ; Сперанскій и министръ юстиціи присутствовали съ правомъ совѣщательнаго голоса; для справокъ приглашались государственный секретарь и начальникъ II отдѣленія. При министерствѣ

юстиціи былъ особый же комитетъ подъ предсѣдательствомъ Дашкова изъ четырехъ сенаторовъ. Сколько можно судить, критика свода производилась чрезвычайно усердно; Дашковъ уже въ мартѣ 1833 г. имѣлъ до 300 замѣчаній.

Результаты ревизіи къ 1839 г. могутъ быть сведены къ такимъ цифрамъ:

Всѣхъ статей въ сводѣ (безъ приложеній) было 35.730, изъ нихъ измѣнено 7.581 статьи.

Великое дѣло было совершено, Россія получила сводъ законовъ,—никто не ожидалъ и не могъ ни требовать, ни надѣяться, что сводъ русскій будетъ составленъ безошибочно. Самъ Сперанскій, по словамъ Корфа, никогда не считалъ сводъ окончательнымъ трудомъ: онъ смотрѣлъ на него, какъ на очищенный матеріалъ для составленія впослѣдствіи настоящихъ уложеній. Безусловно въ сводѣ много повтореній, противорѣчій, недомолвокъ, отсутствіе общихъ руководящихъ началъ, множество статей праздныхъ и даже странныхъ. Составленный такъ не систематично, сводъ предопредѣлилъ направленіе послѣдующаго нашего законодательства, которое и продолжало развиваться шагъ за шагомъ, исходя изъ разныхъ вѣдомствъ, иногда совершенно противоположныхъ въ своихъ направленіяхъ. Случайно составляемые и включаемые въ сводъ законы, чрезвычайно увеличивались въ числѣ. Первое изданіе свода, колоссальное, включало съ приложе-

ніями 42.000 статей, третье его изданіе 1857 г. уже насчитывало болѣе 100.000 статей; принятое было правило при помѣщеніи новой статьи указывать точно, какія именно статьи она отмѣняетъ, скоро замѣнено было формулой: «въ отмѣну подлежащихъ статей».

Все это, конечно, вѣрно; но причина этому лежитъ какъ въ сводѣ Сперанскаго, такъ и въ направленіи послѣдующихъ кодификаціонныхъ работъ.

Затѣмъ наиболѣе важнымъ представляется вопросъ, насколько соблюдено обѣщаніе не включать въ сводъ чего-либо новаго, насколько дѣйствительны оказались мѣры, принятыя Сперанскимъ, противъ того, чтобы подъ видомъ старыхъ статей не пробрались новыя статьи.

Составителю свода приходилось нерѣдко соединять нѣсколько статей въ одну, толковать разумъ отдѣльныхъ статей,—при этомъ невозможно было имъ, воспитаннымъ на римскомъ правѣ, отрѣшиться отъ давно и прочно усвоенныхъ воззрѣній. Бумаги Сперанскаго, переписка его указываютъ на сношенія съ западными, по преимуществу германскими юристами (Миттермайеръ, Савиньи). Въ настоящее время можно считать доказаннымъ (Филипповъ, Винаверъ, Кассо, Пергаментъ), что иногда статьи X тома не имѣютъ себѣ источниковъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, онѣ заимствованы изъ сочиненій иностранныхъ юристовъ и иностранныхъ кодексовъ (Польде)

Надо думать, что такія отступленія были допущены незамѣтно для составителя и главнаго редактора свода; бумаги Сперанскаго позволяютъ установить и тотъ фактъ, что иногда отъ него требовалось творчество.

При обсужденіи нѣкоторыхъ вопросовъ или мѣръ государственный совѣтъ неоднократно обращалъ вниманіе на недостаточность нашего законодательства; такія дѣла (по утвержденіи государемъ) передавались Сперанскому, дабы онъ принялъ ихъ во вниманіе при составленіи свода.

Такъ, напр. Сперанскому переданы были труды комитета 1817 г. объ уничтоженіи кнута, какъ орудія наказанія; мнѣніе Дибича о необходимости усилить наказаніе за хищеніе казенной собственности; мнѣніе особаго комитета объ установленіи правилъ для обузданія ябедничества; записка Воронцова и кн. Куракина о гильдіяхъ. Въ 1824 г. государственный совѣтъ обратилъ вниманіе на довольно обычную тогда формулу приговора: по лишенію дворянства отдать въ военную службу, въ случаѣ неспособности къ ней сослать въ Сибирь на поселеніе. Совѣтъ усмотрѣлъ въ этой альтернативѣ несправедливость: физическій недостатокъ сильно увеличивалъ наказаніе виновнаго, ибо онъ этимъ самымъ не только извергался изъ общества, но наказывался даже разрушеніемъ семейныхъ связей. Поставлено было пере-

дать Сперанскому, чтобы онъ имѣлъ въ виду его при составленіи свода.

Итакъ, иногда по требованію или указанію верховной власти Сперанскій, долженъ былъ проявить свою инициативу.

Затѣмъ, судя по черновымъ Сперанскаго, противорѣчіе въ законахъ ставило его иногда въ затрудненіе. Выше было приведено, какъ Сперанскій вообще поступалъ при противорѣчіи, но онъ самъ же отмѣтилъ въ черновой, что есть два рода противорѣчій: одни въ законѣ, а другія— въ самыхъ началахъ различныхъ законовъ. Неудивительно, поэтому, что современная критика отмѣтила *иные, иностранные* источники для многихъ статей, хотя бы X тома Свода, слѣдовательно подъ видомъ старыхъ законовъ все-таки пробрались въ наше законодательство законы новые.

Составленіе свода было послѣднимъ большимъ дѣломъ въ неутомимой дѣятельности Сперанскаго; онъ занятъ былъ послѣ этого составленіемъ отдѣльныхъ сводовъ для остзейскаго края и для западныхъ губерній. Первый сводъ не былъ конченъ при жизни, второй—законченъ, но никогда не былъ обнародованъ, такъ въ 1840 году состоялось рѣшеніе о распространеніи на губерніи отъ Польши возвращенныя общихъ русскихъ законовъ (Нольде). Подъ руководствомъ Сперанскаго составленъ былъ особой комиссіей—Сводъ военныхъ постановленій, сводъ объ инородцахъ, кочующихъ въ Сибири; онъ причастенъ былъ

къ кодификаціоннымъ работамъ Финляндіи и Царства Польскаго; онъ разрабатывалъ новое уголовное уложеніе.

Сверхъ того, въ послѣдніе годы Сперанскій сталъ довѣреннымъ юрисконсультомъ царя и правительства: во всякихъ сколько нибудь затруднительныхъ случаяхъ спѣшили узнать мнѣнія Сперанскаго; сравнительно чаще другихъ съ вопросами обращался къ нему гр. Бенкендорфъ.

Вопросъ о продолженіи Свода не менѣе интересовалъ и занималъ Сперанскаго.— Кромѣ кодификаціонныхъ работъ, II отдѣленіе составило также руководства по законовѣдѣнію. Такъ въ 1833 г. великій князь, главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, писалъ Сперанскому, что въ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ не изучается одинъ изъ главныхъ предметовъ образованія, именно воинскіе законы: причины—неимѣніе преподавателей и отсутствіе учебныхъ руководствъ. Сперанскій отвѣчалъ, что руководство по гражданскимъ законамъ будетъ кончено въ апрѣлѣ 1834 г., тогда же будетъ законченъ во II отдѣленіи сводъ военныхъ постановленій и затѣмъ II отдѣленіе приступитъ къ составленію и руководства. Когда отвѣтъ Сперанскаго доведенъ былъ до свѣдѣнія государя, послѣдній предписалъ докладывать ему объ успѣхахъ составленія учебной книги.

Но преподавателей русскихъ законовъ не было не только въ военноучебныхъ за-

веденіяхъ, ихъ не было и въ университетахъ, дѣла не могло быть, какъ не было и руководствъ. По мѣрѣ приближенія къ окончанію работъ Сперанскій понялъ, что на немъ лежитъ нравственная обязанность дать Россіи не только сводъ и собраніе законовъ, но и преподавателей, которые могли бы растолковать эти сокровища подростающему поколѣнію. Сперанскій предполагалъ для этого пригласить лучшихъ студентовъ его almae matris, духовной академіи, назначить имъ стипендіи и заставить ихъ слушать лекціи, частью въ университетѣ (по римскому праву у проф. Шнейдера и по латинской словесности у проф. Грефе), частью во II отдѣленіи (по публичному праву у Плисова, по гражданскому у Куницына и у Балугьянскаго); юридическое свое образованіе и кандидаты законовѣдѣнія должны были завершить въ Берлинѣ подъ руководствомъ Савиньи. Сперанскимъ же одобренъ проектъ учрежденія училища правовѣдѣнія. Сперанскій лично приглашенъ былъ прочесть наслѣднику цесаревичу юридическій курсъ, которому онъ давалъ названіе «бесѣдъ» (1835—1837 г.). Для путешествія наслѣдника цесаревича по Россіи Сперанскій составилъ маршрутъ по Сибири. Въ совѣтѣ Сперанскій послѣдній годъ усиленно занимался, кромѣ вопросовъ кодификаціонныхъ еще финансовыми; онъ былъ въ живой перепискѣ съ гр. Канкринымъ по поводу подготовляемой имъ реформы денежнаго обращенія, изъ-

ятія столь ненавистныхъ нѣкогда для Сперанскаго ассигнацій.

Незадолго до смерти Сперанскаго постигло огорченіе въ совѣтѣ: не прошелъ выработанный въ комитетѣ подъ его предсѣдательствомъ проектъ новаго образованія петербургской полиціи (Сперанскій, Кокошкинъ, Курута, Степановъ, Веймарнъ, Корніолинъ-Пинскій); Сперанскій привыкъ до извѣстной степени, что нѣкоторые его проекты отвергались, какъ слишкомъ либеральные: теперь случилось обратное, творецъ «плана» оказался слишкомъ консервативнымъ, слишкомъ большимъ сторонникомъ полиціи. Основаніе этого проекта: поставить полицейскія учрежденія столицы внѣ зависимости отъ губернскаго правленія, расширить судебно-исправительную власть полиціи и преобразовать управу благочинія. Со свойственною Сперанскому систематичностью, онъ раздѣлилъ управленіе столицы на четыре степени: управленіе частью (кварталами), округомъ, общее управленіе и главное управленіе. Судебно-полицейская власть полиціи расширена и чрезвычайно регламентирована; система тѣлесныхъ наказаній—также: легкое наказаніе, строгое, строжайшее.

Служебное положеніе Сперанскаго мало измѣнилось: онъ оставался членомъ государственнаго совѣта; онъ засѣдалъ въ двухъ департаментахъ совѣта, что случалось очень рѣдко: законовъ и Царства Польскаго. Въ 1838 г. по смерти Новосильцева Государь

Николай Павловичъ, судя по разговору его съ Корфомъ, думалъ было одно время назначить Сперанскаго на высокій постъ председателя совета и комитета министровъ, но преемникомъ Новосильцева назначенъ былъ кн. Васильчиковъ, а Сперанскій сделанъ былъ лишь председателемъ департамента законовъ.

Въ 1837 г. Сперанскій получилъ высшую награду — бриллiантовые знаки къ ордену Андрея Первозваннаго; 1 января 1839 г. онъ пожалованъ былъ графскимъ титуломъ. Онъ достигъ высшихъ земныхъ почестей; матерiальное его положенiе обрисовывается такъ: онъ получалъ жалованья и столовыхъ 22 т. р. асс. въ годъ, имелъ два именiя (полтавской и пензенской губ.) въ 2.715 душъ, дохода съ которыхъ получалъ 75.733 р. асс., на именiяхъ былъ большой долгъ въ 459 т. р., такъ что Сперанскому приходилось платить % въ банкъ почти 34 т. р.; около 10 т. р. асс. онъ раздавалъ своимъ родственникамъ, которыхъ онъ поддерживалъ всегда очень щедро; 11 февраля 1839 г. Сперанскій скончался. Кончиной его больше всехъ, конечно, не говоря о дочери и родныхъ, пораженъ и огорченъ былъ императоръ Николай I. «Другого Сперанскаго мне не найти»—несколько разъ сказалъ государь.

Действительно, Сперанскій былъ совершенно исключительнымъ явленiемъ въ нашей высшей администрацiи первой поло-

*

вины XIX в. Безъ особаго преувеличенія онъ можетъ быть названъ организаторомъ бюрократіи въ Россіи. До него, до его эпохи, высшій служилый классъ тѣсно связанъ былъ съ помѣстнымъ дворянствомъ; если въ среду его и попадали иногда случайные люди недворянскаго происхожденія, то они очень скоро сливались въ господствующій классъ, растворялись въ массѣ его. До Сперанскаго гражданская служба въ общественномъ мнѣніи стояла очень невысоко; Сперанскій поднялъ ее на чрезвычайную высоту, онъ сообщилъ ей важность, ибо стянулъ управленіе Россіей въ центральныя учрежденія, сдѣлалъ ихъ распорядителями народнаго блага; гражданской служебной карьерѣ онъ сообщилъ своеобразную привлекательность, возможность постояннаго движенія впередъ, движенія въ ту эпоху чрезвычайнаго; мало того, онъ придалъ ей прелесть возможныхъ опасностей и таинственности. Сперанскій былъ своего рода Пушкинымъ для бюрократіи: какъ великій поэтъ, точно чародѣй, владѣлъ думами и чувствами поколѣній, такъ точно надъ развивавшимся бюрократизмомъ долго парилъ образъ Сперанскаго.

Въ Сперанскомъ ярко обозначились господствующія типическія черты бюрократа: своеобразная универсальность, энциклопедичность, гибкость характера и ума, удивительная работоспособность и самоувѣренность.

Онъ легко и охотно брался за все: одно-

временно перестраивалъ политическій, административный и соціальный строй Россіи, исцѣлялъ ея финансовыя затрудненія, сочинилъ для нея кодексъ законовъ, устраивалъ ея отношенія къ Финляндіи, подавалъ совѣты относительно польско-литовскихъ дѣлъ, рѣшалъ вопросы образованія, внѣшней политики, изслѣдовалъ масонство. Это совершенно исключительная универсальность, не та, что отличаетъ нашихъ дѣятелей XVIII в., по преимуществу петровской эпохи; то были мастера, если не на всѣ, то на многія руки. Сперанскій же въ расцвѣтѣ своей дѣятельности и силъ былъ универсаленъ на бумагѣ; эта та универсальность, которая имѣетъ своимъ источникомъ либо энциклопедическій словарь, либо такъ называемое послѣднее слово науки, т. е. недавно вышедшее сочиненіе. Взявшись за разрѣшеніе наиболѣе трудныхъ, сложныхъ общественныхъ вопросовъ, Сперанскій работалъ одинъ или въ сообществѣ съ немногими въ глубокомъ убѣжденіи, что его рѣшеніе есть и наилучшее и наилегчайшее, что мнѣнія лицъ, въ данномъ дѣлѣ непосредственно заинтересованныхъ, нечего и спрашивать.

Умъ Сперанскаго отличался необыкновенною гибкостью, онъ легко усваивалъ сущность самыхъ разнородныхъ предметовъ; но, можетъ быть, благодаря гибкости, это не былъ умъ оригинальный; творческой силы у него было мало: всѣ его учрежденія суть заимствованія съ чужихъ образцовъ,

измѣненія, перекраиваніе существующаго; даже въ лучшихъ, наиболѣе полныхъ созданіяхъ своихъ—Собраніи и Сводѣ—Сперанскій не былъ ни изобрѣтателемъ методы, ни, конечно, авторомъ содержанія. Въ первую половину его дѣятельности въ немъ было слишкомъ мало національнаго чувства, чтобы творчество его могло стать оригинальнымъ; во вторую, когда онъ безусловно сталъ на національную почву, умъ его, привыкшій къ подражанію, не могъ уже подняться на высоту самостоятельнаго творчества; любимую свою и драгоцѣннѣйшую идею законности, Сперанскій такъ и не сумѣлъ воплотить въ русскую жизнь.

Наиболѣе несимпатичной чертой Сперанскаго была, несомнѣнно, чрезмѣрная гибкость его характера; напрасно было бы думать, что она явилась слѣдствіемъ катастрофы 1812 г., она всегда была въ Сперанскомъ: въ школѣ онъ былъ уже любимецъ товарищей и начальства, поступивъ на гражданскую службу, по протекціи кн. Куракина, онъ благополучно сохранялъ свое мѣсто и подвигался впередъ послѣ опалы своего покровителя, умѣлъ нравиться всѣмъ вовсе непохожимъ другъ на друга генералъ-прокурорамъ Павловскаго времени; выступивъ при Александрѣ подъ эгидою Трощинскаго, онъ очень скоро перешелъ къ гораздо вліятельнѣйшему тогда Кочубею; паденіе Кочубея и его товарищей въ свою очередь не только не увлекло за собою Сперанскаго,

а подняло его на необычайную высоту самостоятельнаго политическаго дѣятеля; это положеніе оказалось не по плечу Сперанскому, и въ этомъ ясно сказалось, какъ трудно для бюрократіи всякое самостоятельное творчество... Изгнанія Сперанскій не перенесъ; страданія его или бѣдствія, скажемъ прямо, были невелики и непродолжительны; и не такія страданія, какъ ссылка въ Пермь или даже въ деревню, не могли сломать истинныхъ политическихъ борцовъ...

Но было бы крупною несправедливостью полагать, что организаціей бюрократіи исчерпывается дѣятельность Сперанскаго; онъ рано сталъ дорогъ всему русскому обществу; онъ всегда представлялся интеллигенціи несчастнымъ борцомъ, жертвою тѣхъ идей, къ которымъ большинство стремилось, осуществленія которыхъ ждали съ нетерпѣніемъ. Въ основѣ этого представленія лежитъ вѣрный фактъ: Сперанскій не только былъ всегда поклонникомъ идеи законности, но и всю долгую свою карьеру пытался провести ее въ жизнь. Проводить ее можно было разными путями: Сперанскій пошелъ сверху; въ борьбѣ за эту идею онъ потерпѣлъ крушеніе; съ трудомъ поднявшись, одинокій, израненный, онъ не оставилъ дѣла, которое считалъ святымъ: онъ сузилъ арену своей дѣятельности, направилъ всѣ свои усилія противъ одной изъ нѣсколькихъ причинъ господства беззаконія,—отсутствія Свода и вытекавшаго отсюда по-

головнаго невѣжества юридическаго. На этотъ разъ заслуженный успѣхъ увѣнчалъ опытнаго и искушеннаго борца. Исторія и отечество не забудутъ его заслуги и простятъ ему его вольныя и невольныя слабости. Онъ дѣйствовалъ въ эпоху,—которую исторія когда-нибудь охарактеризуетъ, какъ одну изъ наименѣе правдивыхъ эпохъ въ жизни человѣчества.

Передъ главною заслугой Сперанскаго блѣднѣютъ качества, которыя, однакожъ, должны быть отмѣчены, ибо они не часто встрѣчаются въ нашей исторіи: его честность и нравственная чистота.

Для составленія этого очерка авторъ пользовался бумагами Сперанскаго, хранящимися въ И. П. Библіотекѣ и Архивѣ Государственнаго Совѣта; въ послѣднемъ дѣлами комитета предсѣдателей 1810—1811 гг., дѣлами б. II отдѣленія собст. Е. Вел. канц.

Изданы слѣдующіе труды Сперанскаго:

Обозрѣніе историч. свѣд. о сводѣ законовъ. Предисловіе къ полн. собр. законовъ. О военныхъ поселеніяхъ. Матеріалы собран. для комиссіи о преобразов губерн. и земскихъ учрежденій. Сборн. ист. матеріаловъ, извлечен. изъ архива собств. Е. И. В. канцеляріи (бумаги относящіяся къ служебной дѣятельн. Сперанскаго). Проектъ освобожденія крестьянъ.—Бартеневъ.—Девятнадц. вѣкъ. О монетномъ обращеніи. Чт. общ. ист. и др. 1872 г., № 4. Проектъ гражданск. уложенія. Арх. гос. совѣта (журн. департ. законовъ).

Введеніе въ уложеніе государственныхъ законовъ.—Ист. Обоз., т. X; Планъ устройства судебныхъ и правительст. мѣстъ. Ист. Обозр., т. XI; Планъ финансовъ. Сб. И. Р. И. О., т. 45; Отчетъ за 1810 г.—Сб. И. Р. И. О., т. 21. Въ

архивѣ историч. и практич. свѣдѣній Калачева 1859—1861 г. рядъ произведеній Сперанскаго: объяснительн. записки содержанія и расположенія свода, о законахъ, о силѣ и дѣйствіи свода, о законахъ земскихъ, объ учрежденіяхъ, относящихся до экономіи государственной, о ипотекѣ, о состояніи, о губерск. учрежденіяхъ, дополненія къ нимъ. Въ Рус. Старинѣ — Мысль о новыхъ билетахъ казначейства 1873 г., Записка имиер. Николаю 1899 г., № 3; Записка о вѣроятн. войны съ Франціей—1900 г., № 1; Афоризмы Сперанскаго—1900 г., № 5. Двѣ записки о политич. дѣлахъ—1900 г., № 11; Записка о силѣ правительства 1902 г., № 12; О новомъ изданіи словаря З. И. И. 1368 г., XIV т. кн. 2-я.

Письма Сперанскаго.

Друж. письма Массальскому, Спб. 1862 г. Въ память гр. М. М. Сперанскаго, Спб. 1872 г. (Письма Сперанскаго и къ Сперанскому, дневникъ). Письмо о религіи къ Словцову, Москвитянинъ, 1845 г., мартъ. Въ Рус. Архивѣ помѣщены за 1868 г. письма къ дочери; 1870 г. Цейеру, Броневскому, Лопухину и Столыпину; Голицыну 1876 г.; Александру I изъ Перми 1892 г.; Имбергу—1900 г.; Словцову 1900 г.; о духоборахъ 1901 г.; Руничу—1904 г.; къ Голицыну—1905 г.; въ Рус. Старинѣ—Техелеву 1880 г.; Александру I 1881 г.; Руссову—1895 г.; о сводѣ законовъ—1898 г.; Николаю I—1901 г.; Аракчееву—1901 г.; Узарову—1903 г.; также есть въ Запискахъ Державина, въ Архивѣ Нессельроде т. III; Архивъ гр. Мордвиновыхъ (ред. Бильбасова, ост. III, IV и пос. т. п.).

Сочиненія, посвященныя Сперанскому.

Корфъ, „Жизнь гр. Сперанскаго", 2 тт. Дополненія къ этой книгѣ даны *И. А. Бычковымъ.* „Изъ бумагъ А. Ѳ. Бычкова" въ Русс. Старинѣ 1902 и 1903 гг. „Александръ I и его приближенные", „Бумаги біографія Сперанскаго, ссылка Сперанскаго, Сперанскій въ Нижнемъ - Новгородѣ и Перми, Сперанскій въ Великопольѣ и Пензѣ. Учрежденіе сибирскаго комитета.

Дмитріевъ. Сперанскій въ своей государств. дѣятельности. Р. Арх. 1868 г.

Южаковъ—М. М. Сперанскій, его жизнь и дѣятельность.

Семевскій—Біографія въ словарѣ Ефрона и Брокгауза.

Новковскій - въ „Біографическ. очеркахъ".

Чернышевскій —Русскій реформаторъ, современникъ 1861 г., № 12.

Романовичъ-Словатинскій.—Государственная дѣятельность Сперанскаго („Кіев. Ун. Изв.", 1873 г., № 2).

Корфъ—Смерть гр. Сперанскаго (Р. С. 73 т.).

Дума *Магницкаго* при гробѣ Сперанскаго (ibid); Мысли Рунича при погребеніи Сперанскаго (ibid.).

Чистовичъ—Въ память гр. М. Сперанскаго (Христ. Чт. 1871 г., № 12).

Никитенко—Рѣчь о Сперанскомъ. З. А. Н. 1872 г.

Общіе труды по русской исторіи XIX в., содержащіе болѣе или менѣе значительныя данныя о С—мъ:

Богдановичъ—Ист. Россіи въ царств. Имп. Александра I; *Пыпинъ*—Обществ. движеніе

въ Россіи; *Шильдеръ*—Имп. Александръ I; его же—Имп. Николай I; *Исторія Россіи въ XIX в.*, изд. Гранатъ (ст. *Покровскаго*, Имп. Александръ I; *Рожкова*—Финанс. реформы Канкрина; *Кизеветтеръ*—Комитетъ 6 декабря). *Schiemann*—Russland unter Nicolai I, 2 тома. *Поповъ*—Эпизоды 1812 г. *Дубровинъ*—„Русск. жизнь въ началѣ XIX в." и его же „Послѣ отечественной войны" (ст. въ Р. С. 1899—1904 гг.).

Отдѣльныя монографіи, въ которыхъ есть оцѣнка дѣятельности Сперанскаго:

1) **Дѣятельность 1801—1812 гг.** *Tourgueneff*—La Russie et les Russes.

В. Кн. Николай Михаиловичъ—Гр. П. А. Строгановъ. Его же—Диплом. сношенія съ Франціей.

Семевскій—Былое 1906 г., № 1; *Иконниковъ*—Гр. Мордвиновъ; *Swatikow*—Die Entwürfe der Aenderung; *Рождественскій*—Ист. Обозр. мин. нар. просв.; *Бильбасовъ*—Архивъ Мордвиновыхъ; *Чернышевскій*—Русск. реформаторъ (Современн. 1861 г., № 12); *Щегловъ*—Ист. Гос. Совѣта.

2) **Кодификація.** *Пахманъ*—Исторія кодификаціи.

Майковъ—Комиссія составленія законовъ, „Ж. М. Ю.". 1905 г., №№ 7, 9 и 10.

Польде—Очерки по исторіи кодификаціи. *Его же*—Забытая попытка кодификаціи. „Ж. М. Н. Пр." 1907 г.

Филипповъ—Значеніе Сперанскаго въ исторіи русскаго законодательства, „Р. М." 1889 г., № 4.

Коркуновъ—Теоретическія воззрѣнія Сперанскаго на право, „Журн. Мин. Нар. Пр." 1894 г., № 10.

Его же—Значеніе Свода Законовъ, „Ж. М. Н. Пр." 1894 г., № 9.

Курдиновскій—Пр. Пуффендорфъ и наука гражд. права въ Германіи. „Ж. М. Н. Пр." 1894 г., № 7.

Майковъ—Сперанскій и студенты законовѣдѣнія. „Р. В.“ 1892 г., № 8.

3) **Сибирь.** *Вагинъ*—Истор. свѣдѣнія о дѣятельности Сперанскаго въ Сибири

Щаповъ—Сибирское общество до Сперанскаго (И. С. О. Р. Г. О. 1873 г.). Что далъ Сперанскій (ibid. 1876 г.).

Ядринцевъ—Сперанскій и его реформы въ Сибири.

Прутченко—Сибирскія окраины и областныя установленія.

Максимовъ—Сибирь и ссылка. Трехсотлѣтній юбилей Сибири (Р. С. 1881 г.).

Кагнинъ—Изъ прошлаго Сибири (ibid. 1902 г., т. 90).

Бирюковъ—Эпизоды изъ жизни Словцова (ibid. 1904 г., т. 97).

4) **Финляндскія дѣла.** *Бородкинъ* — Исторія Финляндіи.

К. Ординъ—Покореніе Финляндіи.

Даніельсонъ — Соединеніе Финляндіи съ Росс. державою.

По отдѣльнымъ вопросамъ. *Семевскій* — Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I и II.

Рождественскій—Сословный вопросъ въ русскихъ университетахъ („Ж. М. Нар. Пр.“ 1907 г., № 5).

Иконниковъ—Сенатъ въ царств. Екатерины II (Р. А. 1887 г.).

Шугуревъ—Ист. евреевъ въ Россіи.

Печоринъ Госуд. ассигнаціи до замѣны ихъ кредитн. бил.

Божеряновъ—Гр. Канкринъ.

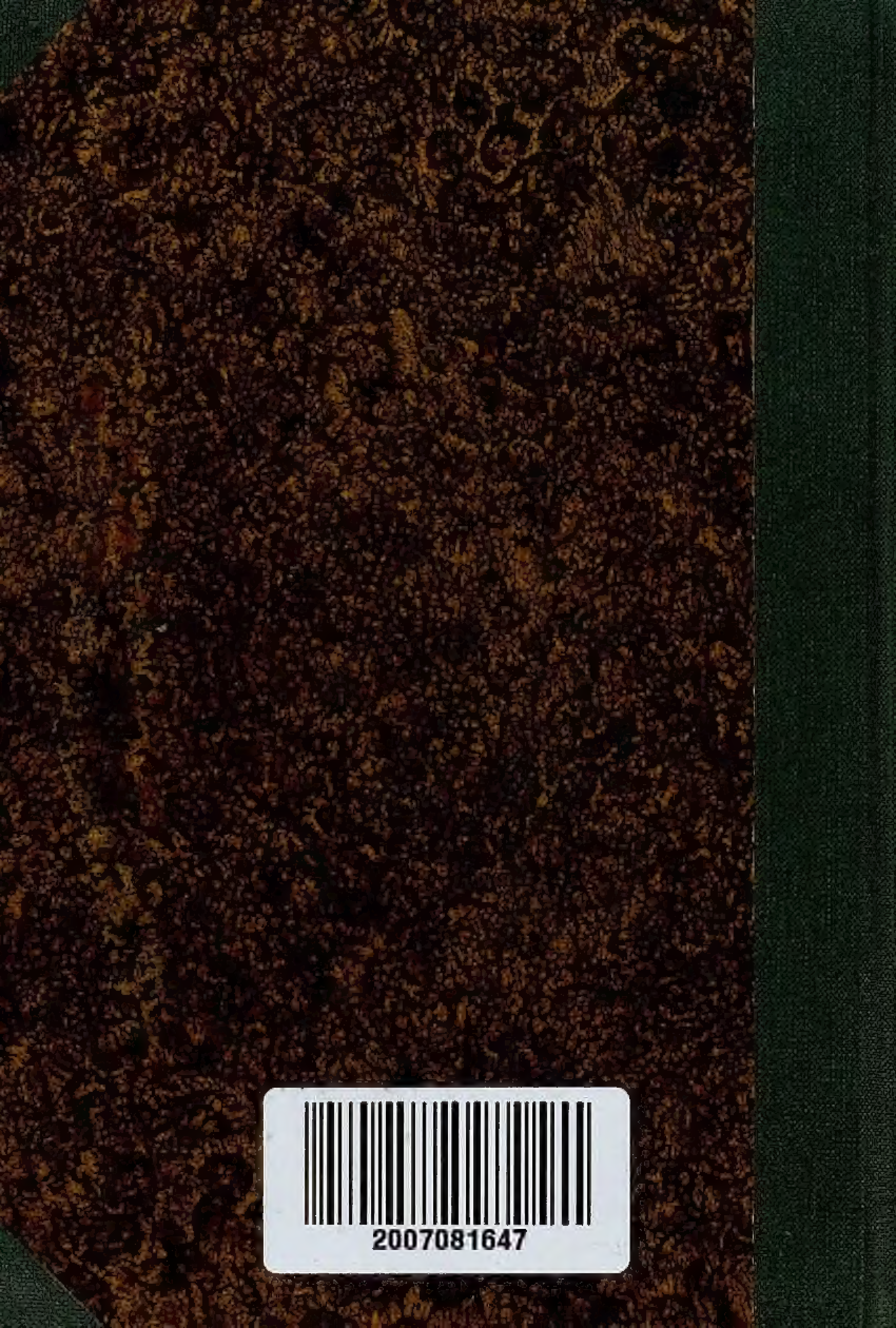
Соколовскій Русск. массонство.

Дубровинъ—Наши мистики-сектанты. Автобіографія Фотія.

Записки, въ которыхъ упоминается о С—мъ (главнѣйшія): Вигеля, С. Глинки, Державина, Мартынова, Нессельроде, Михайловскаго-Данилевскаго, Панаева, Черепанова, Дмитріева,

Брадке, И. Б. Пестеля, Рибопьера, Ильинскаго, Шенига, Батенькова. Гангеблова, сен. Лебедева, Безобразова, Граббе, Муромцева, Фаддѣева, Сухотина, Бутурлина, Грибовскаго, Геце, Снегирева, Мѣшкова, Бантышъ-Каменскаго, Сербиновича, Богуславскаго, сен. Соловьева, Бѣляева, М. Бестужева, Завалишина, Санглена, фонъ-Визина, А. Тургенева, Мурзаковича, Никитенко, Ростопчина, Второва, Корфа, Харитонова, Инсарскаго, Ростиславова, Дивова, Рунича, Александрова и др.

С. Середонинъ.

2007081647